
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7-1 (160). Ноябрь, 2016

Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

«Общественные и гуманитарные науки»

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7-1 (160). November, 2016

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuneyev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)	

Editorial Board
"Social Sciences & Humanities"

R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)	E. LELIS
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Воронин А. В., Никонов С. А.

Артель и покрут мурманского промысла в оценках отечественных исследователей второй половины XIX – начала XX века. 7

Юркин И. Н.

«Служу я многие годы при искании всяких металлов...» (еще о связях Иоанна Фридриха Блиера с Олонецким краем). 13

Колесник А. В.

Новые наблюдения над старой коллекцией: стоянка Носово I в Северном Приазовье 18

Славнитский Н. Р.

Французские и немецкие инженеры в крепостях Северо-Запада России в первые годы XVIII века 25

Суворов Ю. В.

Ф. Лассаль и национальный вопрос 28

Филимончик С. Н.

О становлении профессионального музыкально-го искусства в Советской Карелии в 1930-е годы 33

Кузьева С. А.

Советские органы военной контрразведки о военных боях 1942 года на Карельском фронте 38

Русланов Е. В.

Поселенческие памятники эпохи поздней бронзы в системе старичных озер Береговского археологического микрорайона (Башкирское Приуралье) 45

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ермакова Е. Н., Прокопова М. В.

Отфразеологические окказионализмы: способы формирования и функции в тексте 51

Матевосян Л. Б.

Высказывание в «паутине» контекста. 56

Кюриунова И. А.

К вопросу о семантике антропонимов (на материале памятников письменности Карелии XV–XVII веков) 62

Твердохлеб О. Г.

Рифмовка личных имен собственных в русских пословицах (преднамеренность рифмовки, грамматические особенности и модели пословиц) 67

Белоусов С. С.

От слова совсем как грамматическая конструкция. 72

Николаева О. О.

О динамичности авторской картины мира (на материале романов Б. Шлинка) 78

Перцева В. Г.

Принципы построения англоязычных словарей языка политиков (на материале словарей цитат) 82

Грякалова Н. Ю.

«Рудокоты духа»: русский ибсенизм сквозь призму северного модерна. 88

Балабан А. И., Тайманова Т. С.

Литературные журналы русского Парижа: недолгое плавание «Нового корабля». 95

Кунильский А. Е.

Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века 100

Наумчик О. С.

Принципы мифологизации в романе Нила Геймана «Американские боги» 105

Храмы А. В.

Музыкальные концепты в публицистике А. Платонова 1918–1920 годов 109

Научная информация. 115

Информация для авторов 117

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.11.2016. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 85 экз.). Изд. № 212

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ВОРОНИН

доктор исторических наук, профессор кафедры философии и права, Мурманский государственный технический университет (Мурманск, Российская Федерация)
crowss@mail.ru

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права социально-гуманитарного института, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

АРТЕЛЬ И ПОКРУТ МУРМАНСКОГО ПРОМЫСЛА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается проблема изучения артели и покрута мурманского промысла российскими исследователями второй половины XIX – начала XX века. Показана связь интереса ученых к этому вопросу с процессами колонизации и экономического развития побережья Баренцева моря во второй половине XIX века. Основной тенденцией в исследовании проблемы стала негативная характеристика артели и покрута, рассматривавшихся как средство закабаления бедных крестьян более состоятельными.

Ключевые слова: артель, Мурманский берег, покрут, историография

В последние годы в условиях повышения внимания к сельскому хозяйству (на фоне мер санкционного и антисанкционного характера) довольно заметно усилился и общественный интерес к проблемам различных форм организации сельскохозяйственного производства – прежде всего в виде давней дискуссии об эффективности индивидуальных и общественных хозяйств¹. Эта проблема вовсе не нова и многократно уже обсуждалась на протяжении последнего столетия, однако, как правило, велась в весьма политизированном пространстве, когда государство по тем или иным причинам, выбрав какую-либо модель в качестве определяющей (ставка на колхозы во 2-й половине 1920-х – начале 1930-х годов или на фермеров – в начале 1990-х), существенно ограничивало возможности объективного изучения этой проблемы.

В этом отношении исследователи предшествующего периода были заметно более свободны от государственного воздействия (что, конечно, не исключало влияния на них тех дискурсов, которые были распространены в общественной среде) и могли предложить более объективную картину изучаемого соотношения, к тому же имея под рукой огромный массив материала, опирающегося на непосредственный опыт.

Весьма отчетливо этот вопрос сформировался как проблема общины и ее соотношения с индивидуальным крестьянским хозяйством в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX века, что было вызвано как либеральными реформами и освобождением крестьянства, так и интересом к народной жизни и быту в целом².

Одним из ответвлений этой дискуссии стала проблема артели и взаимоотношения внутри нее.

Тогда как одни видели в артели продолжение общины³, идеальное устройство трудовой деятельности крестьянства, вплоть до возможности ее постепенной трансформации в новую форму всей общественной жизни, другие – лишь форму производственного кооператива, цель которого – получение его членами выгоды. Скажем, А. А. Исаев, выделяя в качестве основных характеристик артели демократизм и равноправие в деле достижения общих хозяйственных целей, определял артель как «основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговую порукою и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом» [10: 9–18, 21].

Существенно иной в этом отношении оказалась, по сути дела, лишь в середине XIX века «открытая» исследователями форма поморской рыбопромысловой артели, сложившаяся на Мурманском побережье Баренцева моря. Конечно, и сам промысел, и его артельная форма имели давнюю историю, уходящую своими корнями в XVI век, но научный и общественный интерес к ним возник только в 1860-е годы, что было связано с начавшейся в это время колонизацией Мурманского берега. Рассматриваемая властью как способ восстановления экономики Кольского Севера после англо-французских нападений периода Крымской войны, она одновременно предполагала решение задач укрепления суверенитета России на Севере и противодействие внешней экономической и политической экспансии (прежде всего со стороны Норвегии).

Однако наметить пути улучшения экономического развития региона можно было только при

понимании существовавшего тогда строя социально-экономических отношений на Мурманском берегу, основу которого составлял морской рыбный промысел, организационно базирующийся на артельном труде и покруте в значительной части пришлого населения Поморья.

Специфика мурманской промысловой артели заключалась в том, что она определялась необходимостью вести лов силами команды рыболовецкого судна – карбаса или шняки, насчитывавшей четыре человека (кормщик, весельщик, тяглец и наживочник). Большинство работников артели входили в нее на условиях покрута – особого порядка найма на промысел, при котором вознаграждением за участие была определенная доля добычи, зависевшая от его статуса в артели. При этом все расходы на промысел, включая обеспечение работников (покручников) едой, брал на себя хозяин, организатор промысла (который мог в нем непосредственно и не участвовать или участвовать в качестве кормщика)⁴.

Впервые характеристики артели и покрута встречаются уже в конце XVIII – первой половине XIX века в работах М. Ф. Рейнеке [23], А. Журавлева [9], В. П. Верещагина [1], Н. Я. Озерецковского [20], однако они не ставили перед собой задачи глубокого анализа этих социальных явлений, ограничиваясь их кратким описанием при изображении общей картины мурманского промысла.

Первое обстоятельное исследование развития мурманского промысла и характеристики артели были представлены Н. Я. Данилевским – ученым-естествоиспытателем, мыслителем и общественным деятелем второй половины XIX века. Начиная с 1853 года Н. Я. Данилевский трудился в научно-промысловых экспедициях под руководством академика К. М. Бэра, изучавших рыбные богатства России. В 1859–1861 годах ученый совместно с группой помощников изучал фауну рек и морей, а также промыслы населения Севера России. Итогом исследований стала серия публикаций [11], [24], в число которых вошла и работа Н. Я. Данилевского о рыбном и зверином промыслах в Белом и Баренцевом морях [4]. Экономическую основу мурманской артели он видит в разделе общей добычи на части-паи, которые получали как члены артели, так и организатор промысла [4: 116]. Поскольку последний брал на себя все издержки, его пай, независимо от непосредственного участия в промысле, был большим – 2/3 дохода, тогда как артели доставалась 1/3 [4: 114]⁵. Ключевую роль в артели Данилевский отводит ее руководителю – кормщику, который либо сам был хозяином (тогда его доля включала и ту часть, что должен был получить он как кормщик), либо отвечал перед организатором промысла за знание мест лова рыбы, сохранность судна и снастей во время промысла. Это позволяло ему получить дополнительные выплаты: «свершонок» и «половое» (половина пая) [4: 108–109].

Такой порядок распределения доходов между хозяином и артелью и внутри артели, когда не

устанавливался твердый размер платы промышленникам, исследователь считал вполне справедливым в силу невозможности заранее просчитать доходность промысла, а также проконтролировать качество работы работников. Хозяину приходилось полагаться лишь на их добросовестность и удачный промысловый сезон⁶. К тому же отсутствие твердой оплаты поддерживало благосостояние не крупных хозяев, поскольку «при наперед определяемой задельной плате между хозяевами имело бы место соперничество... все лучшие работники перешли бы к богатейшим хозяевам, могущим давать большую плату» [4: 117]. Рассуждения ученого оказываются созвучными концепции «моральной экономики» крестьянства. Таким образом, покрут, по Н. Я. Данилевскому, это вполне отвечающая интересам промышленников система найма, основанная на оплате труда члена артели не из «задельной платы, а из известной доли в будущем улове» [4: 116].

Схожую оценку позднее высказал Н. В. Максимов, побывавший на Мурманском берегу в 1892 году. Непосредственно познакомившись с жизнью промышленников, он пришел к выводу, что положение покручника на промысле было лучше, чем наемного рабочего. О богатых хозяевах-поморах, «крутивших» промышленников, он отзывался как о «народных кормильцах», поддерживавших, пусть и с выгодой для себя, менее состоятельных крестьян [15: 39–40, 42–43].

Однако большая часть исследователей не разделяла столь положительных оценок состояния мурманской артели и покрута. В первую очередь это относится к П. С. и А. Я. Ефименко, работы которых появились практически одновременно с выходом в свет исследования Н. Я. Данилевского. Важным отличием их является также стремление перейти от фактографического описания проблемы на уровень ее теоретического осмысления.

В своих работах «Артели на Мурманском берегу» [7] и «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» [8] П. С. Ефименко провел типологизацию артелей, выделив по району комплектования 1) кольскую и 2) поморскую, а по форме организации – 1) объединение самостоятельных производителей и 2) объединение, состоящее из организатора (хозяина) и наемных работников [7]. Для мурманского промысла, по его мнению, был характерен второй тип объединения [7: № 22]. Поддерживая Данилевского в том, что экономическое положение кольской и поморской артелей было близко, Ефименко, в отличие от него, считал, что и та, и другая были сильно ущемлены в правах, поскольку добычу промысла могли продавать только хозяину артели. В результате, по его мнению, в Поморье возникло заметное экономическое расслоение между небольшой группой «капиталистов», «поднявших при сравнительно малом труде» высокое благосостояние, и остальными крестьянами, трудившимися «из последних сил» и получавшими «скудное» вознаграждение за свой труд [7: № 22].

В структуре поморской артели ученый наряду с выявлением распределения профессиональных обязанностей между ее членами и взаимоотношений рядовых работников с кормщиком выделяет еще одну категорию промышленников – мальчишки-зуйки [8: 112–114]. В кольской артели Ефименко выделил два основных вида: 1) артель уженщиков; 2) артель наемных работников. Члены первой обладали своими средствами производства (судно и снасти) и продуктами, но были вынуждены заранее договариваться с богатым хозяином о сдаче улова по установленной цене, поскольку он предоставлял им денежную или натуральную ссуду. Артель наемных работников имела лишь часть средств производства (судно или снасти) и взамен получения от хозяина недостающего (в том числе продовольственного снабжения) половину выловленной рыбы отдавала, а вторую – продавала ему по установленной цене. Еще одной особенной чертой кольской артели было участие половников – подростков и женщин, работавших из половины платы [8: 129–132].

Особенностью работ А. Я. Ефименко [6], в целом близких по своим оценкам ко взглядам П. С. Ефименко, является стремление взглянуть на мурманскую артель с точки зрения ее истории. С этой целью она обратилась к материалам Холмогорского архиерейского дома XVII–XVIII веков, одного из участников мурманского промысла. Обнаружив весьма сложную структуру мурманской артели в XVII веке, она пришла к выводу о более раннем этапе ее возникновения определенной эволюции. Выделив два типа артели: 1) «складников», базирующуюся на равном участии промышленников, кооперирующих труд, денежные средства и средства производства посадских людей и крестьян Подвинья, и 2) «покручеников», основанную на покруте [6: 3]. К последнему типу артели она как раз и отнесла артели мурманского промысла Холмогорского архиерейского дома, организованные из наемных работников. Среди них А. Я. Ефименко выявила две группы сезонных артелей – вёшнюю и летнюю. Роль духовной организации в мурманском промысле заключалась в предоставлении «основного» и «оборотного» капитала – на содержание стана, судов и снастей, обеспечение промышленников [6: 5, 6–9, 11–12]. Работники промысла за свой труд получали долю от промысла, которая была устойчивой и, как и в XIX веке, составляла 1/18 дохода для кормщиков, 1/45 – для промышленников. Кормщик получал и дополнительную выплату – половое [6: 9].

А. Я. Ефименко обратила внимание на усложнение структуры артели, которая наряду с артелью-командой одного карбаса могла объединять несколько производственных единиц (карбасов) в одну общую артель, обозначавшуюся в документах конца XVII века понятием лодья, которая включала, как правило, четыре карбаса. Такая лодья «считалась идеальной единицей, которая клалась в основание дележа промысловой добычи между предпринимателем... и промысловыми

артелями» [6: 5]. Сопоставив артель архиерейского дома с аналогичной артелью начала XVIII века Кольского Печенгского монастыря, исследователь обнаружила в ней существенное отличие: поскольку здесь покрученики обеспечивали себя сами, получая от монастыря лишь небольшую ссуду, это приводило к другой системе расчета: добыча монастырем и промышленниками делилась пополам [6: 16]. Хотя сама А. Я. Ефименко не делает из этих наблюдений специальных выводов, но фактически ею был выявлен тип кольской артели раннего периода.

В отношении современной ей мурманской артели А. Я. Ефименко продолжает линию П. С. Ефименко. Выделяя те же типы артелей – поморскую и кольскую – особенностью последней она считает равную долю участия членов артели в промысловом предприятии: каждый вносит свою лепту в дело не только трудом, но и средствами производства, продуктами и деньгами. Однако она отказывается видеть в кольской артели объединение экономически независимых промышленников, в действительности практически полностью зависевших, по ее мнению, от ссуд хозяев – богатых кольских купцов и мещан [6: 36–37]. Ту же зависимость она подчеркивает и в поморской артели, доказывая на документальных, этнографических материалах и личных наблюдениях, что покрученики фактически находились в долговой кабале [6: 36]. Впрочем, А. Я. Ефименко обращает внимание и на наличие локальных особенностей в экономической организации поморской артели, которые, как в волостях Колежма и Сорока, основывались не только на покруте, но и на равной доле участия промышленников. Однако, несмотря на эти исключения, в целом система покрута в этой работе, как и в работах П. С. Ефименко, получает резко негативную оценку как ведущая к закабалению крестьянства.

Став, по сути дела, первой действительно исторической работой по организации артелей мурманского промысла, в ней в то же время не нашло места отражение взаимосвязи между развитием современной автору мурманской артели и ее предшественников – артелей Холмогорского архиерейского дома и Печенгского монастыря.

В 1870–1880-х годах в печати появляются работы, посвященные санитарно-медицинской ситуации на Мурманском берегу, в которых в том числе затрагиваются вопросы состояния мурманского промысла и промышленяющих там артелей. В частности, Ф. Ульрих, в марте – октябре 1871 года обследовавший санитарное состояние Кемского уезда и Мурманского берега, описав болезни промышленников и собрав статистические данные по демографии и заболеваемости жителей, дал негативную оценку покруту как экономическому явлению [29]. Другой врач – В. Гулевич, не являясь профессиональным историком или этнографом и повторяя преимущественно негативные оценки П. С. и А. Я. Ефименко артелей покручеников как средства закабаления

и последующего обнищания крестьян [3], в то же время приводит ряд ценных замечаний, не встречающихся в других работах. Прежде всего это касается деятельности наживочных мойвенных артелей, которые рассматривались предшественниками (Н. Я. Данилевский, А. Я. Ефименко) исключительно как временные объединения, не являющиеся полноценными артелями. Вл. Гулевич же считает мойвенную артель, включавшую от 4 («малая ромша») до 12 («полная ромша») шняк, полноценной артелью, владеющей общим средством производства (неводом) и по окончании промысла делившей добычу поровну между ее членами [3: 62–64].

Большинство последующих работ в 1870-х – 1900-х годах о мурманском промысле, созданных по итогам кратковременных поездок на побережье Баренцева моря (А. Д. Поленова, В. Л. Кушелева, Н. Дергачева и др.), как правило, носят обзорный характер и во многом повторяют то, что уже было сказано об артелях и покруте в предыдущих работах, которые оценивают их в негативном свете [5], [13], [18], [22], [25], [26].

Новый подход к проблеме артели в конце XIX века наметил Н. М. Книпович – выдающийся океанограф и исследователь биологических ресурсов северных морей. Исследование Н. М. Книповича проводилось не столько с целью описания современного ему состояния мурманского промысла, сколько определения тех средств и форм, которые должны прийти им на смену. С этой точки зрения исследователь рассматривает покрут как переживающую упадок экономическую систему организации промысла [12]. В соответствии с устоявшейся традицией он выделяет две основные формы артели – покручников и пайщиков [12: 55]. Первый тип артели он рассматривает как «капиталистический», основанный на «кулацкой эксплуатации» хозяином работников артели [12: 53], продолжая заложенную работами П. С. и А. Я. Ефименко негативную оценку покрута. В то же время на смену этой уходящей форме приходит артель пайщиков, основанная на равном участии работников, которая, по наблюдениям исследователя, получила развитие среди жителей Колы, а также промышленников из Кемского и Онежского уездов [12: 96].

Заслугой Н. М. Книповича является использование при проведении исследования новых форм и методов сбора информации: анкетирование промышленников, привлечение статистических материалов местных органов власти. Это позволило ему сделать выводы о численном и территориальном составе промышленников, их районировании (выделении локализаций Поморья, тяготеющих к Мурманскому берегу), а также о формах артельных объединений [12: 11–12].

Продолжилась эта линия на расширение круга источников, прежде всего использование значительных массивов статистической информации, в Статистических исследованиях Мурманска [17], [18], [27], [28], подготовленных в результа-

те длительной экспедиции под руководством Н. М. Книповича и Л. Л. Брейтфуса, проходившей с 1898 по 1908 год⁷. Работа стала не только ценным исследованием проблемы жизни поморского населения побережья Баренцева моря, но и источником для следующих поколений историков. Характерная особенность исследования артели – почти полное отсутствие внимания к проблеме покрута, что является отражением того простого факта, что он как форма организации труда на рыбном промысле к началу XX века ушел в прошлое. Авторами выделены две основных формы артели на промысле: 1) единоличные – организованные одним хозяином; 2) паевые – состоящие из нескольких участников. Характерными чертами мурманских артелей, организованных одним хозяином, были малые формы объединений, наличие постоянных мест промысла (становищ), использование наемного труда, а не покрута⁸. Паявые артели также преимущественно были небольшими объединениями промышленников, добывавшими рыбу 1–2 судами. Добыча внутри такой артели распределялась на основе доли вложений в средства производства каждого пайщика [23: 27]. Если член артели не мог составить свой пай, то из его доходов производился вычет, рассматривавшийся как арендная плата за пользование судном и снастями [23: 28]. В исследовании детально анализируется вопрос о трудовых ресурсах артелей, состоявших из родственников организаторов промысла, наемных работников и покручников, территориальный и национальный состав промышленников. Эти работы в существенно большей степени, чем их предшественники, отличаются стремлением получить объективную картину состояния промысла, существенно ослабляя эмоциональное восприятие изучаемых проблем, используя полученную информацию в целях определения основных тенденций развития артели на Мурманском промысле.

Таким образом, в ходе изучения Мурманского промысла во второй половине XIX – начале XX века исследователями были выявлены типы артелей в зависимости от территориального происхождения (поморская и кольская артели и их локализации), форм объединения (артели складчиков и покручников), рассмотрена внутренняя структура артели. П. С. Ефименко было обращено внимание на связь артели с традиционными крестьянскими институтами – общиной, товариществом. Такой взгляд открывал перспективу в исследовании артели как одной из форм социальной организации крестьянства, а не простого объединения промышленников по типу современной бригады рабочих. К сожалению, это перспективное направление исследований в дальнейшем не получило продолжения.

В оценке покрута выявились две, хотя и неравномерно выраженные тенденции: практически всеми дореволюционными исследователями он рассматривался как негативное социальное

явление, выступавшее средством закабаления малоимущих и обогащения зажиточных крестьян. Только Н. Я. Данилевский и Н. В. Максимов видели в покруте неизбежное условие организации промыслов на Мурманском берегу, а также средство поддержания крестьян, не способных организовать собственное промысловое предприятие.

Особенностью, и вполне объяснимой, в исследовании мурманской артели и покрута является

хронологическая ограниченность: внимание ученых было сосредоточено преимущественно на актуальной для них второй половине XIX века, в то время как более ранний период в истории этих явлений почти не затрагивался. Попытка А. Я. Ефименко исследовать вопрос на материале источников XVII–XVIII веков не нашла поддержки в историографии того периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вот, например, достаточно типичный вопрос в статье с типичным же заголовком сегодняшнего времени: «...Надо наконец дать себе отчет, на какой тип сельского хозяйства государству делать ставку... сегодня... 1) фермеры; 2) бывшие колхозы-совхозы, принадлежащие ныне частникам; 3) агрохолдинги, т. е. крупные капиталистические хозяйства» [2].
- ² Подробнее об этом см.: [19].
- ³ В России «артель и община близки душе крестьянина. А это много значит» [16: 72].
- ⁴ Наряду с ними Н. Я. Данилевский обратил внимание на существование и форм самоорганизации промышленников, выражавшихся в создании временных мойвенных артелей, объединявших артели на время лова мойвы, служившей наживкой для лова трески [4: 131–132].
- ⁵ Впрочем, по способу раздела добычи ученый выделяет два типа артели: поморскую (состоявшую из пришлых промышленников) и кольскую. Если в первой добыча делилась на неравные доли между хозяином и артелью, то во второй – поровну [4: 131–132].
- ⁶ Впрочем, «дух лотереи», по наблюдениям Н. Я. Данилевского, присутствовал и среди работников, которые при удаче могли сами выбиться в хозяева [4: 117].
- ⁷ Этому вопросу посвящено исследование Ю. А. Лайус. См.: [14].
- ⁸ Основной процент артелей на промысле составляли объединения, промышлявшие 1–2 судами [23: 13–14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. 409 с.
2. Воеводина Т. Кто накормит народ? // Литературная газета. 2016. № 31. С. 16.
3. Гулевич Вл. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношении. Архангельск, 1883. 133 с.
4. Данилевский Н. Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. 257 с.
5. Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877. 310 с.
6. Ефименко А. Я. Артели Архангельской губернии. Ч. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. Вып. II. СПб., 1874. С. 1–93.
7. Ефименко П. С. Артели на Мурманском берегу // АГВ. 1869. № 22. С. 5–6; № 23. С. 5–6; № 24. С. 4.
8. Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. I. Архангельск, 1869. 336 с.
9. Журавлев А. О Российской Лапландии, называемой Мурманским берегом, и о производимом при оном рыбном промысле // АГВ. 1847. № 1. С. 6–11; № 2. С. 17–23; № 3. С. 35–38.
10. Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. 336 с.
11. Исследование о состоянии рыболовства России. Т. VII. Техническое описание рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 120 с.
12. Книпович Н. М. Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. СПб., 1895. 163 с.
13. Кушелев В. Л. Мурман и его промыслы. СПб., 1885. 262 с.
14. Лайус Ю. А. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря: взаимоотношения науки и промысла, 1898–1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 29 с.
15. Максимов Н. В. Мурманский берег, его обитатели и промыслы // Русская мысль. М., 1893. Кн. III. С. 24–46.
16. Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. 315 с.
17. Материалы по статистическому исследованию Мурман. Т. II. Вып. I. Описание колоний восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. 273 с.
18. Материалы по статистическому исследованию Мурман. Т. II. Вып. II. Описание колоний на запад от Кольской губы и до границ с Норвегией. СПб., 1903. 237 с.
19. Новиков И. А. Артель в России во второй половине XIX – начале XX в. К вопросу об определении термина // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2009. № 4 (8). С. 147–168.
20. Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. 132 с.
21. Подгаецкий Л. Е. Мурманский берег, его природа, промыслы и значение. СПб., 1890. 23 с.
22. Поленов А. Д. Отчет по командировке на Мурманский берег. СПб., 1876. 56 с.
23. Рейнке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. 58 с.
24. Рисунки к исследованию рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 57 с.
25. Синдеснер А. Описание Мурманского побережья. СПб., 1909. 272 с.
26. Слезкинский А. Мурман. СПб., 1897. 219 с.
27. Статистические исследования Мурман. Т. I. Вып. I. Тресковый промысел. СПб., 1902. 354 с.
28. Статистические исследования Мурман. Т. I. Вып. II. Колонизация. СПб., 1904. 291 с.
29. Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877. 128 с.

Voronin A. V., Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)
 Nikonov S. A., Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)

ARTEL AND POKRUT OF MURMANSK FISHERY IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN RESEARCHERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

The article considers the problem of studying employment practices of artel and pokrut utilized at Murmansk fishery in the second half of the XIX – early XX century. These practices were thoroughly studied by the researchers of the period in focus. Interconnections between the scientists' interests about this problem and the processes of colonization and economic development of the Barents Sea coast in the second half of the XIX century are considered. The main trend in the study is characterized by multiple negative characteristics of the artel and pokrut practices, which were seen as a tool of poor peasants' enslavement by more affluent ones.

Key words: Artel, Murmansk coast, pokrut, historiography

REFERENCES

1. Vereshchagin V. P. *Ocherki Arkhangel'skoy gubernii* [Essays on Arkhangelsk province]. St. Petersburg, 1849. 409 p.
2. Voevodina T. Who will feed the people? [Kto nakormit narod?]. *Literaturnaya gazeta*. 2016. № 31. P. 16.
3. Gulevich V. I. *Murmanskiy bereg v promyslovom i sanitarnom otnosheniyakh* [Murmansk coast in commercial and sanitary relations]. Arkhangelsk, 1883. 133 p.
4. Danilevskiy N. Ya. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. VI. Rybnye i zverinye promysly na Belom i Ledovitom moryakh* [Research on the state of fisheries in Russia. Vol. VI. Fish and animal crafts on White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1862. 257 p.
5. Dergachev N. *Russkaya Laplandiya* [Russian Lapland]. Arkhangelsk, 1877. 310 p.
6. Efimenko A. Ya. Artels in the province of Arkhangelsk [Arteli Arkhangel'skoy gubernii. Chast' II. Arteli dlya lova ryby]. *Sbornik materialov ob artelyakh v Rossii*. Issue II. St. Petersburg, 1874. P. 1–93.
7. Efimenko P. S. Artels at Murman coast [Arteli na Morskanskom beregu]. *AGV*. 1869. № 22. P. 5–6; № 23. P. 5–6; № 24. P. 4.
8. Efimenko P. S. *Sbornik narodnykh yuridicheskikh obyayaev Arkhangel'skoy gubernii* [Collection of folk legal customs of the Arkhangelsk province]. Book I. Arkhangelsk, 1869. 336 p.
9. Zhuravlev A. About Russian Lapland, called the Murmansk coast, and about fisheries organized by them [O Rossiyskoy Laplandii, nazyvaemoy Murmanskim beregom, i o proizvodimom pri onom rybnoy promysle]. *AGV*. 1847. № 1. P. 6–11; № 2. P. 17–23; № 3. P. 35–38.
10. Isaev A. A. *Arteli v Rossii* [Artels in Russia]. Yaroslavl, 1881. 336 p.
11. *Issledovanie o sostoyanii rybolovstva Rossii. T. VII. Tekhnicheskoe opisaniye rybnykh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh* [A report on the status of fisheries of Russia. Vol. VII. Technical description of fish and animal fisheries in the White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1863. 120 p.
12. Knipovich N. M. *Polozheniye morskikh rybnykh i zverinykh promyslov Arkhangel'skoy gubernii* [Provision of marine fish and animal fisheries in Arkhangelsk province]. St. Petersburg, 1895. 163 p.
13. Kuselev V. L. *Murman i ego promysly* [Murman and its fisheries]. St. Petersburg, 1885. 262 p.
14. Layus Yu. A. *Razvitiye rybolovstva i zverinykh promyslov Barentseva morya: vzaimootnosheniya nauki i promysla, 1898–1934 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of fishery research in the Barents sea: the relationship between science and fisheries, 1898–1934 years]. Moscow, 2004. 29 p.
15. Maksimov N. V. Murmansk coast and its inhabitants and fisheries [Murmanskiy bereg, ego obitateli i promysly]. *Russkaya mysl'*. Moscow, 1893. Book III. P. 24–46.
16. Maslov S. S. *Trudovye zemledel'cheskie arteli, ikh znachenie, istoriya, ikh organizatsiya i ustav* [Labour agricultural artels, their importance, history, organization and Charter]. Yaroslavl, 1918. 315 p.
17. *Materialy po statisticheskomy issledovaniyu Murmana. T. II. Vyp. I. Opisaniye koloniy vostochnogo berega i Kol'skoy guby* [Materials on statistical research of the Murman. Vol. II. Issue I. Description of the colonies and the Eastern shore of the Kola Bay]. St. Petersburg, 1902. 273 p.
18. *Materialy po statisticheskomy issledovaniyu Murmana. T. II. Vyp. II. Opisaniye koloniy na zapad ot Kol'skoy guby i do granits s Norvegiyey* [Materials on statistical research of the Murman. Vol. II. Issue II. Description of the colonies on West from the Kola Bay to the borders with Norway]. St. Petersburg, 1903. 237 p.
19. Novikov I. A. Artel in Russia in the second half of the XIX – early XX century. To the question of the definition of [Artel' v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. K voprosu ob opredelenii termina]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2009. № 4 (8). P. 147–168.
20. Ozeretskoy N. Ya. *Opisaniye Koly i Astrakhani* [Description of Kola and Astrakhan]. St. Petersburg, 1804. 131 p.
21. Podgaetskiy L. E. *Murmanskiy bereg, ego priroda, promysly i znachenie* [Murmansk coast, its nature, fisheries and value]. St. Petersburg, 1890. 23 p.
22. Polenov A. D. *Otchet po komandirovke na Murmanskiy bereg* [Report on the trip to Murmansk coast]. St. Petersburg, 1876. 56 p.
23. Reyneke M. F. *Opisaniye goroda Koly v Rossiyskoy Laplandii* [Description of the city of Kola in Russian Lapland]. St. Petersburg, 1830. 58 p.
24. *Risunki k issledovaniyu rybnykh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh* [Drawings to a research of the fish and animal fisheries at the White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1863. 57 p.
25. Sindesner A. *Opisaniye Murmanskogo poberezh'ya* [Description of the Murmansk coast]. St. Petersburg, 1909. 272 p.
26. Slezkinskiy A. *Murman* [Murmansk]. St. Petersburg, 1897. 219 p.
27. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. T. I. Vyp. I. Treskovyy promysel* [Statistical researches of Murman. Vol. I. Issue I. Cod fisheries]. St. Petersburg, 1902. 354 p.
28. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. T. I. Vyp. II. Kolonizatsiya* [Statistical researches of Murman. Vol. I. Issue II. Colonization]. St. Petersburg, 1904. 291 p.
29. Ul'rikh F. *Kemskiy uезд i rybnye promysly na Murmanskom beregu vo vrachebnom i ekonomicheskom otnosheniyakh* [Kemsky the county and fisheries on the Murmansk coast in the medical and economic relations]. St. Petersburg, 1877. 128 p.

Поступила в редакцию 17.10.2016

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ЮРКИН

кандидат технических наук, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (Москва, Российская Федерация)
ig-yurkin@yandex.ru

**«СЛУЖУ Я МНОГИЕ ГОДЫ ПРИ ИСКАНИИ ВСЯКИХ МЕТАЛЛОВ...»
(ЕЩЕ О СВЯЗЯХ ИОАННА ФРИДРИХА БЛИЕРА С ОЛОНЕЦКИМ КРАЕМ)**

Приводятся сведения о намечавшейся в 1719 году поездке в Олонецкий край (вероятно, на Кончезерский медеплавильный завод) известного специалиста в области горного дела Иоганна Фридриха Блиера. Обсуждается характер профессиональных связей Блиера с работавшими на заводе иностранными специалистами, в том числе – строителем Кончезерского завода В. М. Циммерманом. Отмечено участие Олонецких заводов в комплектовании персонала, отправленного на Кунгур вслед В. Н. Татищеву и И. Ф. Блиеру, посланным туда в 1720 году. Сравниваются оценки, данные Блиеру и его деятельности современниками и новейшими исследователями, выявляются факторы, повлиявшие на негативные оценки его деятельности, сделанные Я. В. Брюсом и В. И. Геннином.

Ключевые слова: Иоганн Фридрих Блиер, Вольф Мартин Циммерман, Олонецкие Петровские заводы

Горный мастер и металлург Иоганн Фридрих Блиер¹ долго и плодотворно трудился в разных районах России – тех, где уже существовала горнорудная и металлургическая промышленность, и тех, где она при его участии только создавалась. Уже в первые годы своей русской службы маршруты экспедиций, в составе которых он работал, затронули северо-запад страны. Это сыграло определенную роль в подготовке нового этапа развития сложившегося здесь горно-металлургического комплекса: строительству в 1703–1707 годах казенных заводов доменных Петровского, Повенецкого, Алексеевского и медеплавильного Кончезерского. В последующем внимание Блиера эпизодически снова обращалось к промышленным объектам этого края, хотя преимущественно оно было связано уже с другими, в том числе весьма отдаленными территориями. Важные и достойные углубленного изучения в контексте истории российской промышленности в целом, его жизнь и деятельность тем более интересны в историко-краеведческом контексте.

Цель этой статьи – расширить сведения о Блиере благодаря введению в научный оборот некоторых новых документальных данных из архива Берг-коллегии, центрального органа управления горной промышленностью России XVIII века. В период, к которому они относятся, функционировала организация, ей предшествующая и с ней генетически связанная, – Берг- и Мануфактур-коллегия. Это молодое, еще не отлившееся в окончательную форму учреждение активно работало, реализуя государственную политику в промышленной сфере. Сохранившиеся документы раскрывают его деятельность хотя и не исчерпывающе, но часто с важными и полезными для представления общей картины подробностями.

Основным видом используемых далее источников являются коллежские приговоры, которые по мере необходимости и возможности дополняются другими документами, отложившимися в архиве названного ведомства, в том числе документами личного происхождения – прошениями и рапортами. Центральный сюжет относится к истории Олонецкого края, однако наряду с этим затронута изучение промышленного освоения и других районов страны. Приводимые данные обогащают наши знания об Иоганне Фридрихе Блиере – человеке, который, как принято считать, сыграл важную роль в основании города Петрозаводска.

О деятельности Блиера написано немало [1], [2], [3], [5]. Обзор историко-краеведческих публикаций конца XVIII – начала XX века, касающихся начальной истории основанных при его участии Олонецких металлургических заводов, дан А. М. Пашковым [7]. Служебная деятельность Блиера исследована неравномерно, но все же довольно подробно, поэтому ограничимся несколькими освещающими ее цитатами из документов, в которых перечислены наиболее важные места, природные ресурсы которых изучал Блиер. В дознании, поданном в Берг-коллегию 16 июля 1719 года, он сообщал: «Служу я многие годы при искании всяких металлов и посылан был во многие места – в Сибир, и за Астрахань в Кабарду, и в степь, в Алуссию – для осмотра руд»². Как видим, послужной список Блиера к этому времени был достаточно велик, чтобы работы в Олонецком крае, результатом которых явилось основание нескольких заводов, «затерялись» на фоне других, казавшихся более важными, достижений. Однако в выписке, составленной в Берг- и Мануфактур-коллегии не ранее 22 января того же года,

его русская служба по 1712 год включительно охарактеризована с указанием ряда объектов, пропущенных в предыдущем списке: сообщено, что Блиер с товарищами был «для прииску руд в Калуге, в Казельску, в Казельском уезде в Дудинской волости, и на Олонецких медных заводах, и в Сибири и на Изюме»³.

Блиер, прибывший в Олонецкий край в составе отправленной Приказом рудокopных дел (Рудным приказом) экспедиции под руководством И. Ф. Патрушева, работал здесь на нескольких объектах. Итогом работ явилось открытие медных и железных руд и последовавшее за этим строительство заводов. Одним из мест, обследованных Блиером, оказалось устье впадавшей в Онежское озеро реки Лососинки. Здесь, в Шуйском погосте, он подыскал площадку для доменного завода. С начала промышленного освоения этого места – первый камень заводской постройки был заложен в 1703 году (см., например, [б: 13–15]) – и принято вести историю Петрозаводска. Завод, получивший название Петровского, строил, однако, не Блиер – покинув Олонецкий край, он вскоре оказался под Соликамском. Тем не менее о предприятиях северо-запада, перерабатывавших найденные им руды, он помнил.

16 июля 1719 года находившийся в то время в Петербурге Блиер подал доношение в Берг-коллегию. Напомнив в нем о своей многолетней работе в России по поиску и обследованию различных рудопоявлений, он перешел к некому заводу в Олонецком уезде, который, по его словам, был «построен... для самородной меди, и из руды медь плавил и в Рудной приказ присылали по 1711 году». Блиер просил разрешение этот завод посетить. Из текста доношения не ясно, какой именно завод он имел в виду. Но установить название помогают имена специалистов, которые, по сведениям Блиера, на нем находились. «Ныне на тех заводах, – писал он, – живут два иноземца – плавильщик Циммерман, а другой штейгер Шеинфелт»⁴. Участвовавший в экспедиции Патрушева плавильный мастер из Саксонии Вольф Мартин Циммерман известен в качестве руководителя строительства Кончезерского медеплавильного завода в 1706–1707 годах. Во второй половине 1710-х годов других действующих (или считавшихся действующими) казенных медеплавильных заводов в Олонецком уезде не существовало. По-видимому, именно этот завод и имел в виду Блиер. Догадку подтверждает тот факт, что, по независимым данным, на этом заводе в 1719 году (точно в то время, к которому относится цитированное доношение Блиера) работало как раз столько иностранных мастеров, сколько названо в его доношении – двое [5: 37].

В послании Блиера присутствует еще одна примечательная и многое объясняющая деталь. Назвав имена живших на заводе специалистов, он объявил их людьми «моей команды», прибавив: «а я при Берх-коллегии»⁵. Зачем Блиер назвал место своей службы, на первый взгляд, непонятно.

Да, оно сравнительно недавно изменилось: после упразднения Рудной канцелярии в 1718 году он находился в ведении Берг- и Мануфактур-коллегии [2: 42]. Но свое доношение он адресовал именно в это (новое) учреждение, в котором, конечно, знали свой немногочисленный штат.

Обратим, однако, внимание на то, что в это время Берг-коллегия курировала Кончезерский завод, который хотел посетить Блиер, лишь в техническом отношении, да и эта связь на время прервалась (о чем Блиер упоминает). Завод работал на Адмиралтейство, ему же и подчинялся. Иностранные специалисты, молчание которых беспокоило Блиера (об этом дальше), работали, соответственно, тоже на Адмиралтейство. Именно в этом видим смысл подразумеваемого конструкции фразы противопоставления: они на заводе одного подчинения, а я (Блиер) – другого. Спросим: почему же Блиер беспокоится о положении дел в чужом ведомстве? Ответ на этот вопрос находим, заметив, что Блиер называет пребывающих на заводе специалистов членами «моей команды». Эти слова можно трактовать по-разному. Можно, в частности, заключить, что они были привезены им из-за границы и/или что ранее с ним работали. Верно и то, и другое. Блиер, как известно, в 1701 году ездил за границу, где нанял для работы в России нескольких горных специалистов. Одним из завербованных им в Саксонии мастеров был упомянутый «плавильщик серебра» В. М. Циммерман [5], [8: 34]. В письме, которое Блиер привез с собой в Россию ехавшим с ним «горным людям мастерам» со ссылкой на польского короля и саксонского курфюрста Августа, повелевалось «как чистым, верным и досужим слугам и работникам» быть по отношению к «господину Блиеру» под «таким обыкновением, чтоб под ево раментом стояли, приказ и заказ повсявремененно слушали и ево за своего начальника чтили»⁶. Таким образом, упомянутые Блиером специалисты, помимо обязательств по службе перед нынешним их работодателем, волею разрешившего выезд саксонского их господина были еще и подчинены Блиеру – его «за начальника чтили» или, во всяком случае, должны были чтить.

Но, судя по доношению Блиера, работавшие на заводе саксонцы об этом забыли, его «приказа и заказа» не слушали. «Что оние строят, и есть ли тамо (на заводе. – И. Ю.) дело, и идет ли руда – о том не токмо в Берх-коллегию, но и ко мне не пишут (обратим внимание на иерархию! – И. Ю.), и ничего присылки меди и никаких признаков не присылают». Утратившего контроль за подчиненными начальника это беспокоило. Беспокойство усиливалось тем, что, писал Блиер, «время моего бытия... проходит втуне». В связи с этим, ссылаясь на переполнявшее его «истинное желание и верность», Блиер просил, чтобы его «сим[и] днями» отпустили на Олонецкие медные заводы «для осмотру прежних заводов, и что плавильщик и другой работают, и... зачем та работа

остановилась». По возвращении он обещал сообщить о виденном в Берг-коллегию. Также просил дать ему подорожную на четыре подводы и прогонные деньги⁷.

Мы не знаем, почему специалисты, работавшие на заводе, летом 1719 года не имели контактов с Берг- и Мануфактур-коллегией. Возможно, потому, что еще не адаптировались к структурной реформе горного ведомства (ликвидации канцелярии и создании коллегии) – реформе, сопровождавшейся кадровыми изменениями. Также не исключено, что одной из причин была болезнь Шейнфельта, вскоре, не позднее 18 июля 1720 года, скончавшегося⁸.

Коллегия, осознавая ответственность за положение дел на промышленных предприятиях независимо от их ведомственной подчиненности, к инициативе Блиера отнеслась со вниманием. За подачей доношения последовали предписываемые регламентом действия: было принято коллежское определение (удовлетворявшее просьбу) и подготовлен основанный на нем указ. Некоторое время делопроизводство (переписка с Сенатом и Штатс-канторой) еще продолжалось в связи с необходимостью оформить выдачу Блиеру жалованья.

Нам неизвестно, ездил ли Блиер, как намеревался, в 1719 году «на Олонецкие медные заводы для осмотра и описи оных, в каком они тогда состоянии имелись»⁹. В июле этого года он находился в Москве. Сохранился документ, сообщающий, что незадолго до подачи цитированного доношения он купил у денежного мастера Ланга «инструменты к рудному пробному делу» и теперь ему должны были заплатить «за пробивную железную печь, за триста горшечков глиняных для пробы медных руд, за триста чашек отжигальных, за двести горшечков для пробы серебряных руд, за дватцать муфелей с под доски, за одну доску железную с ямками»¹⁰. В скором времени Блиеру предстояло отправиться в длительную командировку на Урал. Пока подбирались ее участники, но уже в начале следующего года (23 января) Петр именным указом назначил в нее В. Н. Татищева [10: 47], тот вместе с Блиером должен был ее возглавлять. Они выехали из Москвы в конце мая 1720 года [10: 49].

Персонала для достижения поставленных перед ними целей не хватало. В связи с этим коллегия, как следует из ее определения от 18 июля 1720 года, решила пополнить его, отозвав нескольких человек с Олонецких заводов. Она распорядилась послать на Олонецкие заводы кого-нибудь из артиллерийских учеников для взятия там «к рудокопному делу на Кунгурские медные заводы учеников Никифора Кувилдина, Семена Леонтьева на Олонце, взяв их у полковника Геннина...». Посланцу было велено «ехать с ними в Москву и явитца в Приказе артиллерии господину обер-камисару Зыбину». Вместо умершего штейгера Шейнфельта было приказано отправить на Кунгур другого «из выежжих из Сак-

сонии штейгера ж». Для его (артиллерийского ученика) охраны – послать с ним человека из артиллерийских служителей. «А как они, штейгер и ученики, в Москву придут, велеть их... дав подводы и прогоны, отправить их в Сибирскую губернию на Кунгур к посланным туда от Артиллерии капитану Татищеву и к бергмейстеру Блиеру». Далее следовали распоряжения о рассылке связанных с этим указов к полковнику Геннину (об отпуске учеников), на Кунгур (об отправлении туда штейгера и учеников), в Приказ артиллерии в Москву и туда же в Ямской приказ (о даче подвод)¹¹.

В то время когда Берг-коллегия искала по заводам «лишних» специалистов, Татищев и Блиер приближались к Кунгuru [10: 49–50]. Обоим предстояло провести на Урале несколько лет, наполненных напряженной и весьма плодотворной работой¹². Но Олонец Блиер еще раз все-таки посетил: имеются сведения о его приезде на Петровские заводы «для обозрения серебряных и медных рудников» в 1726 году [8: 38].

Современники и потомки по-разному оценивали знания Блиера и его вклад в развитие горного дела и металлургии России. Глава Берг- и Мануфактур-коллегии Я. В. Брюс оценивал его как специалиста невысоко: писал в письме от 17 марта 1719 года: «Оного надлежало отпустить, ибо такая немалая времена в проезде своем имел, а доброго не учинил» [2: 42]. Следует, однако, учесть, что сказано это было вскоре после одной из наименее успешных экспедиций Блиера – в Кабарду. Блиер вынужденно издержал в ней немалые казенные деньги, а успеха не достиг – первая его поездка оказалась совсем неудачной, а открытое в ходе второй месторождение серебросодержащей руды разрабатывать оказалось экономически не оправданным («те места безугодны: лесов нет и руда не прибыльна»¹³). Не восторгался Блиером и В. Геннин, по поводу идеи оставить его в Сибирском обер-бергамте «яко главнейшим командиром» писавший, что «приказные и заводские дела во отправлении ему несомны, кроме горных дел, для того, что в этих делах он незаобычен, к тому ж он человек скорбный и слаб здоровьем, и очень мнителен и беспамятен, а сие отправление... требует остроумных, памятных и трудолюбивых людей, по утру рано и в вечеру надобно сидеть поздно при слушании дел» [10: 327]. Можем указать минимум три обстоятельства, которые следует учесть, обдумывая этот текст. Во-первых, Геннин, несомненно, опирался не только на впечатления, вынесенные из работы с Блиером на Урале. Его восприятие Блиера сложилось, возможно, еще в период, когда Геннин руководил Олонецкими заводами, а Блиер в это время «отправлял» преимущественно именно горные дела, заводами же (организацией производства на них) не занимался. Во-вторых, для нас столь же несомненно, что Геннин, подбирая руководящие кадры, осознанно или невольно сравнивал Блиера с Татищевым,

человеком более молодым и более склонным к административной работе, – сравнение оказывалось не в пользу Блиера. Можно также предположить, что данная Геннином невысокая оценка опыта Блиера в «заводских работах» (к ним якобы был «незаобычен») просто констатировала тот факт, что пожилой и нездоровый Блиер уже не имел сил для частных поездок с завода на завод. В целом же Блиер показал себя в профессиональном плане с наилучшей стороны. Во всяком случае, у Геннина серьезных конкретных претензий к нему не возникало. Не удивительно, что современные уральские историки, благодаря изучению документов имеющие возможность взглянуть на исторические события глазами

разных их участников и в силу этого способные быть более объективными, дают восторженные оценки деятельности Блиера. Е. А. Курлаев называет его «выдающимся горным деятелем» [5], отмечает «огромный профессиональный опыт работы в России», накопленный им еще до приезда на Урал в 1720 году [4] (то есть в том числе в Олонецком крае). Формулу «выдающийся горный деятель» использовали применительно к Блиеру и Н. С. и С. А. Корепановы [3]. Но эти характеристики даны ими на основании все же, в первую очередь, уральских достижений Блиера. Уточнить (согласиться или разойтись с ними) в отношении его работ на северо-западе страны еще предстоит.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Iohann Fridrich Blüher. Используем наиболее распространенное написание фамилии, принятое в русскоязычных документах времени его жизни (реже в качестве графического варианта писали Близэр). В настоящее время определенное распространение также имеет форма Блюер (вариант Блюэр). Имя в России – Иван и Яган.
- ² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 46.
- ³ Там же. Л. 25 об.
- ⁴ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 46.
- ⁵ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 46.
- ⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 25.
- ⁷ Там же. Л. 46.
- ⁸ Там же. Кн. 89. Л. 258.
- ⁹ № 20 в реестре, предворяющем документы в РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1.
- ¹⁰ Там же. Кн. 88. Л. 29.
- ¹¹ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 89. Л. 258–258 об.
- ¹² Разделив поля деятельности (Блиер отвечал за технические вопросы, Татищев – за административные), они хорошо сработались. В конфликте Татищева с Демидовыми Блиер неизменно и весьма решительно поддерживал Татищева [9: 93–94].
- ¹³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 31 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голендухин Л. Д. Две экспедиции бергмейстера И. Ф. Блиера на Кавказ (к 250-летию экспедиций) // Вопросы истории науки. Ереван, 1967. С. 273–276.
2. Киселев М. А. Создание Берг-мануфактур коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. Вып. 4 (31). С. 39–47.
3. Корепанов Н. С., Корепанова С. А. Вклад саксонских специалистов в развитие горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке // Lomonossow DAMU-Hefte. Leipzig: OsirisDruck, 2011. № 1. S. 71–78.
4. Курлаев Е. А. Иностранцы как агенты протоиндустриальной модернизации (Урал в первой половине XVIII в.) // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. С. 79–92.
5. Курлаев Е. А. Первые саксонцы на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы 10-й юбилейной всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 277–281.
6. Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск: Карелия, 1981. 78 с.
7. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 304 с.
8. Пашков А. М. Иностранцы на Петровских заводах (начало XVIII в.) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского севера: Материалы 4-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 33–38.
9. Юркин И. Н. Демидовы: Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2012. 447 с.
10. Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. 368 с.

Yurkin I. N., Institute of History of Science and Technology named after S. I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

“FOR MANY YEARS I WAS ENGAGED IN EXPEDITIONS SEARCHING FOR DIFFERENT METALS...” (SOME MORE DETAILS ABOUT CONTACTS OF IOHANN FRIEDRICH BLÜHER WITH OLONETS REGION)

The article provides some data on the 1719 mining trip planned for Iohann Fridrich Blüher who was a famous specialist in the field of mining. The researcher was scheduled to travel to Olonets region (possibly to Konchzero copper smelter). The nature of I. F. Blüher's professional contacts with foreign specialists who served at the smelter (including the founder of Konchzero smelter Wolf Martin Zimmermann) is discussed. Participation of Olonets foundries in selecting personnel is highlighted. Later, this staff was sent to a Siberian city of Kungur after V. N. Tatistchev and I. F. Blüher departed there in 1720. A comparison of assessments given to

I. F. Blüher and his activities by his contemporaries is provided. A set of factors that found its reflection in the negative assessment given by J. D. Bruce и V. I. Gennin was revealed.

Key words: Iohann Fridrich Blüher, Wolf Martin Zimmermann, Olonets Petrine foundries

REFERENCES

1. Golendukhin L. D. The expeditions of bergmeister I. F. Blüher to Caucasus (to the 250th anniversary of expeditions) [Dve ekspeditsii bergmeystera I. F. Bliera na Kavkaz (k 250-letiyu ekspeditsiy)]. *Voprosy istorii nauki*. Erevan, 1967. P. 273–276.
2. Kiselev M. A. Creation of Berg-Manufactory collegiums in 1718 [Sozdanie Berg-manufaktur Kollegii v 1718 godu]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [The Bulletin of Perm' university. Series "History"]. 2015. Issue 4 (31). P. 39–47.
3. Korepanov N. S., Korepanova S. A. Contributions of Saxon specialists into Ural mining industry development in the 18th century [Vklad saksonskikh spetsialistov v razvitie gornozavodskoy promyshlennosti Urala v XVIII veke]. *Lomonosov DAMU-Hefte*. Leipzig, OsirisDruck, 2011. № 1. S. 71–78.
4. Kurlaev E. A. Foreign specialists as agents of protoindustrial modernization (Ural at the 1st half of 18th century) [Inostrannyye spetsialisty kak agenty protoindustrial'noy modernizatsii (Ural v pervoy polovine XVIII veka)]. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: Rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu*. Ekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN Publ., 2010. P. 79–92.
5. Kurlaev E. A. First Saxons in Ural [Pervye saksontsy na Urale]. *Ural industrial'nyy: Bakuninskie chteniya*. Ekaterinburg, 2011. Vol. 1. P. 277–281.
6. Mullo I. M. *Petrovskaya sloboda* [Petrovskaya settlement]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981. 78 p.
7. Pashkov A. M. *Gornozavodskoe kraevedenie Karelii* [Local mining lore studies of Karelia]. Petrozavodsk, KGPU Publ., 2007. 304 p.
8. Pashkov A. M. Foreign specialists at Petrine foundries (early 18th century) [Inostrannyye spetsialisty na Petrovskikh zavodakh (nachalo XVIII veka)]. "Svoe" i "chuzhoe" v kul'ture narodov Evropyevskogo Severa. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2003. P. 33–38.
9. Yurkin I. N. *Demidovy: Stoletie pobed* [Demidovs: The century of victories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 447 p.
10. Yurkin A. I. *Gosudarsvennaya deyatel'nost' V. N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII veka* [V. N. Tatishchev's state activity in 1720s – early 1730s]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 368 p.

Поступила в редакцию 28.06.2016

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСНИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории исторического факультета, Донецкий национальный университет (Донецк, Донецкая Народная Республика)

akolesnik2007@mail.ru

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТАРОЙ КОЛЛЕКЦИЕЙ: СТОЯНКА НОСОВО I В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Среднепалеолитическая стоянка Носово I расположена на правом берегу Миусского лимана в Северо-Восточном Приазовье. Она была раскопана Н. Д. Прасловым в 60-х годах прошлого века на площади около 48 кв. м. В культурном слое хорошей сохранности залегает в лессовидном суглинке на глубине более 2 м. В слое найдены кремневые изделия, сланцевые гальки со следами использования в качестве ретушеров. По данным В. Е. Щелинского, практиковались сложные технологии расщепления нуклеусов. Выделяются нуклеусы дисковидной формы, двуплощадочные с уплощенным рабочим фронтом, леваллуазские. Набор каменных орудий включает простые скребла, остроконечники различных типов, орудия с двусторонней обработкой. Среди орудий выделяются специфические плоско-выпуклые и асимметричные изделия. Анализ следов сработанности (В. Е. Щелинский) показал значительный удельный вес кремневых орудий для грубой обработки шкур животных. Кремневая индустрия базировалась на местной кремневой гальке аллювиального происхождения. На стоянке найдены следы полного цикла расщепления кремня. Ремонтаж продуктов расщепления кремня отражает подготовку и эксплуатацию нуклеусов, а также изготовление орудия с плоско-выпуклым поперечным сечением. По сумме признаков кремневая индустрия стоянки Носово сопоставима с памятниками среднего палеолита так называемого восточно-микоковского типа. Ближайший аналогичный комплекс расположен в Северо-Западном Донбассе (стоянка Черкасское) на правом берегу Северского Донца. Памятники этой культурной группы среднего палеолита следует признать фоновыми для Восточной Европы.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, средний палеолит, «восточный микок», кремневые изделия, группа «Kailmessenger»

ВВЕДЕНИЕ

Концепция широкого заселения Русской равнины и Крыма человеческими популяциями в среднем палеолите преимущественно по западным и юго-западным каналам достаточно давно приобрела статус официальной теории [1]. Этот постулат базируется на палеогеографических реконструкциях и технико-типологической близости основного количества памятников среднего палеолита Восточной и Центральной Европы. Фоновым типом индустрии являются индустрии с различными двусторонне обработанными орудиями. В актуальной лексике часто их относят к индустриям «восточного микока» [4].

Немногочисленные памятники Русской равнины такого типа с хорошо сохранившимися культурными слоями известны в Среднем Поволжье и Северо-Восточном Приазовье. Одним из них является стоянка Носово I, расположенная на правом берегу Миусского лимана в пределах Неклиновского района Ростовской области РФ. Стоянка была открыта В. Е. Щелинским в 1963 году. Раскопки стоянки осуществлялись Н. Д. Прасловым в 1964¹ и 1967² годах (рис. 1, 1–3). Всего раскопками была вскрыта площадь около 48 кв. м.

Материалы стоянки достаточно широко опубликованы в научной литературе [6], [7], [9], [10],

[11]. В этих работах подробно характеризуется геология памятника, технология расщепления нуклеусов и изготовления орудий, функции каменных орудий, культурная принадлежность комплекса и другие аспекты. На основании трасологического анализа кремневых орудий В. Е. Щелинский делает вывод о том, что стоянка Носово I была сезонным охотничьим лагерем с большим удельным весом операций по обработке шкур животных [10: 117].

Коллекция кремневых изделий из стоянки Носово I давно стала эталонной для Русской равнины, поэтому повторное обращение к ней позволяет увидеть новые грани комплекса, собрать дополнительную важную информацию.

Коллекция из раскопов 60-х годов хранится в фондах Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Она включает все собранные при раскопках кремневые изделия, сланцевые гальки со следами использования в качестве ретушеров, кремневые гальки. Тщательная разборка культурного слоя стоянки позволила собрать все фракции каменного инвентаря, включая чешуйки кремня и их фрагменты. Всего каменных изделий в коллекции 446 экземпляров. Детальные статистические подсчеты опубликованы В. Е. Щелинским [11: 112].

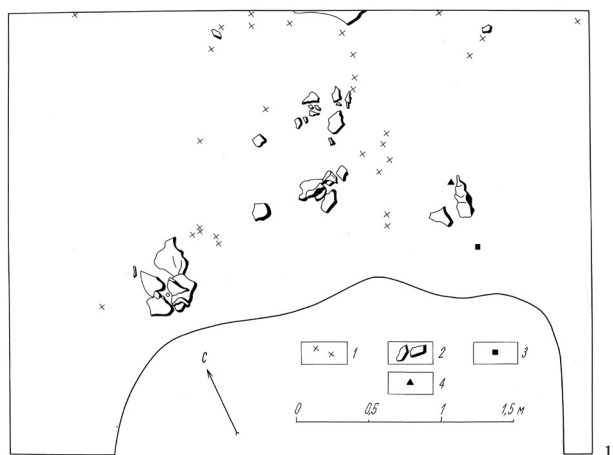

Рис. 1. Носово I: 1 – план находок в шурфе 1964 года (Фотоархив ИИМК, инв. № 2678-5); 2 – раскоп 1967 года (Фотоархив ИИМК, инв. № 2368-8); 3 – кремневые изделия in situ, раскоп 1967 года (Фотоархив ИИМК, инв. № 2368-7)

РЕМОНТАЖ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ

В ходе новейших работ был проведен ремонт сколов и нуклеусов из материалов коллекции 1963–1964, 1967 годов. Удалось собрать 10 складней разной комплектности, состоящих из 43 элементов. Индекс аппликаций соответственно равен 9,6 %. Наиболее комплектные складни связаны с расщеплением на месте нескольких кремневых галек. Как известно, основой служили небольшие окатанные округлые гальки кремня мелового генезиса. Гальки происходят из местных древних аллювиальных отложений. Пластические свойства кремня удовлетворительные.

Складень № 1 включает нуклевидную основу, 12 отщепов разных типов (2 из двух фрагментов) и 1 ретушированное орудие, всего 16 элементов (рис. 2, 1). В качестве преформы использовалась плоская кремневая галька с окатанной гладкой поверхностью. Кремь серого цвета, с белесыми вкраплениями, матовый; в предповерхностном слое кремь более темный, полупрозрачный. Реконструируемые размеры гальки 130 × 740 × 27 мм. «Стратиграфия» сколов позволяет полностью восстановить порядок расщепления. Расщепление гальки было произведено на месте. Первоначально серией бугорчатых сколов была сформирована продольная площадка (правая по рисунку); сохранился первый скол (рис. 3, 3). Вторая серия сколов (два первичных – рис. 3, 4; и серия мелких сколов подправки) завершила формирование выпуклой в плане поперечной площадки. Следующий цикл обработки преследовал цель уплощения одной из сторон. Судя по порядку скалывания, сначала был устранен бугорчатый участок на конце заготовки (рис. 3, 10), затем последовала серия сколов с продольной площадки (блок сколов – рис. 3, 6, 7). Один из сколов с корковой поверхностью (рис. 3, 6) был трансформирован в продольное выпуклое скребло. Скол углового участка с образовавшейся ребристой огранкой (рис. 3, 8) и мелкие сколы на противоположном конце (блок сколов – рис. 3, 5) придали изделию симметричный профиль. Получившийся предмет был вполне пригоден для дальнейшей трансформации в бифасиальное орудие. Аналогичный способ уплощения одной из сторон серией поперечных сколов с продольных краев отмечен на асимметричном бифасе из этого

Рис. 2. Носово I. Складень № 1 (1) и складень № 2 (2) (фото Е. Ю. Гири)

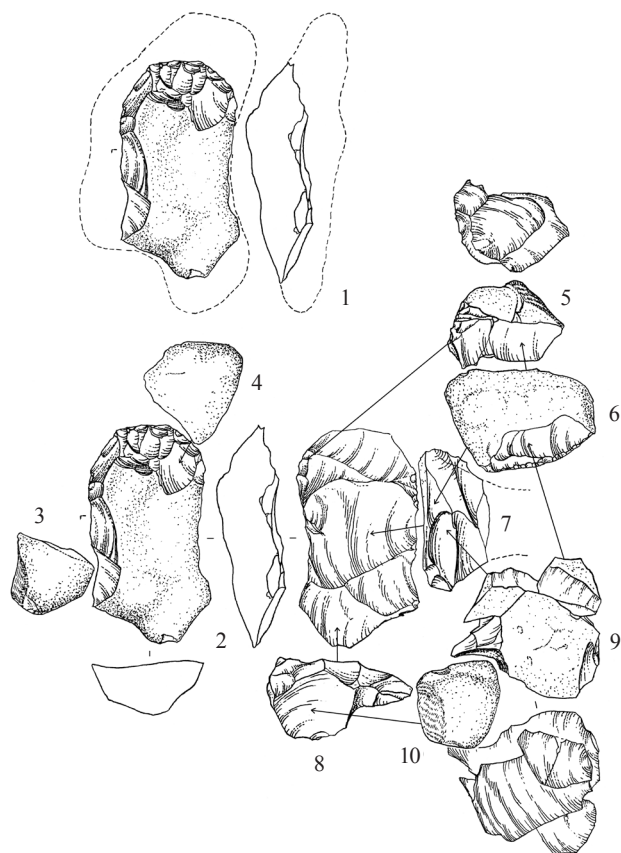

Рис. 3. Носово I. Ремонтаж: складень № 1

же комплекса (рис. 5, 2). В процессе обработки уплощенной гальки были убраны выступающие углы, сформирована неправильно-овальная заготовка с плоско-выпуклым поперечным сечением и симметричным продольным профилем. Образовавшееся в ходе расщепления изделие трактуется как нуклеус [11: 6, 1], однако имеет все признаки заготовки удлиненного плоско-выпуклого бифаса в начальной стадии уплощения.

Складень № 2 отражает этапы подготовки и расщепления двуплощадочного нуклеуса с уплощенным рабочим фронтом (см. рис. 2, 2). Состоит из 6 элементов – нуклеуса и 5 сколов с него. Основой послужила округлая (яйцевидная) галька буроватого цвета с окатанной поверхностью. Кремьен серый пятнистый матовый, с более однородной темно-серой полупрозрачной массой под коркой. Реконструируемая ширина гальки 72 мм, толщина – не менее 55 мм; длина не определяется. Порядок скалывания полностью восстанавливается. Крупный бугорчатый скол срезал один из концов гальки почти на 1/3 длины и образовал широкую наклонную поперечную площадку. Массивные однонаправленные сколы с этой площадки устранили корковую поверхность и понизили рельеф в пределах рабочего фронта. Подправка фронта осуществлена серией мелких сколов (представлен один из них). Крупный бугорчатый скол (представлен), ориентированный с продоль-

ного края уплощенного фронта на тыл нуклеуса, сделал фронт более узким, конвергентным в плане. Окончательное оформление фронта осуществлено серией крупных первичных и полупервичных сколов с более узкой («нижней») площадки (представлен один скол). Вслед за этим обе площадки были подправлены мелкими сколами. С них были отделены широкие уплощенные сколы – потенциальные заготовки для орудий (отсутствуют). При этом произошло предельное уплощение фронта нуклеуса. Продольный краевой скол с основной («верхней») площадки (представлен) и мелкие поперечные сколы с края обеспечили подъем выпуклости рабочего фронта нуклеуса. Этому же способствовал скол с узкой площадки (представлен). Дальнейшее расщепление нуклеуса не производилось. Остаточный нуклеус с двумя полярными площадками неоднократно публиковался [11]. При эксплуатации нуклеуса, судя по сохранившимся фрагментам негативов, были сколоты 2–3 уплощенные широкие заготовки размерами 50 × 40 мм. Фрагменты складня рассредоточены на расстоянии до 5 метров.

Складень № 3 включает 5 элементов (остаточный кубовидный нуклеус, осколок и 3 скола с нуклеуса). Основа – округлая галька серого цвета с тонкой известковой гладкой коркой. Кремьен темно-серый глянцевый с серой матовой сердцевинной. Тонкий слой кремня под коркой более темный, полупрозрачный. Размеры: длина не менее 100 мм, ширина не менее 50 мм, толщина не менее 51 мм. Складень фиксирует последнюю стадию интенсивного срабатывания нуклеуса. Раскалывание осуществлялось без предварительной подготовки ударных площадок. На реконструируемой предшествующей стадии расщепления с несохранившейся вершины в перекрестном направлении были сколоты три крупных отщепов, образовавших угловатую поверхность. Негативы сколов использовались как площадки для последующих более мелких сколов в той же перекрестной последовательности. Сколы в последующем не использовались. В целом расщепление фактически ограничилось тестированием небольшой кремневой гальки. Продукты расщепления собраны в четырех смежных квадратах, на расстоянии до 3 м.

Складень № 4 – аппликация двух крупных отщепов серого цвета в трех фрагментах. Сколы однонаправленные. Ударные площадки фасетированные. Сколы относятся к категории так называемых целевых. Складень отражает этап целевого расщепления нуклеуса. Детали рассредоточены на расстоянии до 2 метров.

Складень № 5 включает три массивных угловатых скола темно-серого полупрозрачного кремня. Один из сколов сохранил первичную корку. Складень отражает этап обработки угловатого участка нуклеуса. Сколы залегали в двух соседних квадратах.

Складень № 6 – аппликация двух первичных сколов угловатых очертаний из трещиноватого пестроцветного кремня. Происходит из шурфа 1964 года.

Складни № 7–9 – отщепы, собранные из фрагментов. Складни № 8–9 происходят из шурфа 1964 года.

Складень № 10 – продольное скребло на крупном пластинчатом отщепе из двух фрагментов.

Данные ремонтажа продуктов расщепления хорошо отражают производственную специфику кремневого комплекса, точно показывают баланс приемов расщепления. Небольшое количество складней не позволяет детально охарактеризовать всю последовательность расщепления кремня, но наличные материалы показывают эпизоды подготовки и целевого расщепления нуклеусов, а также эпизод изготовления на месте орудия с двусторонней

обработкой. С технологической точки зрения эти эпизоды типичны для кратковременных стоянок с полным циклом расщепления кремня на стоянке или в ее окрестностях, что соответствует общему характеру всего инвентаря. Ремонтж касается только изделий, произведенных на данной площадке. Многие законченные орудия были принесены на площадку обитания в готовом виде и не совмещаются с какими-либо сколами. Среди изделий, совмещенных из фрагментов, представлены три отщепа и одно орудие. Фрагментацию орудий принято считать признаком высокой интенсивности использования каменного сырья.

Система связей между деталями аппликаций не выходит за пределы границ центральной части крупного скопления культурных остатков, частично вскрытого раскопом 1967 года (рис. 4). В рамках этого скопления отмечается

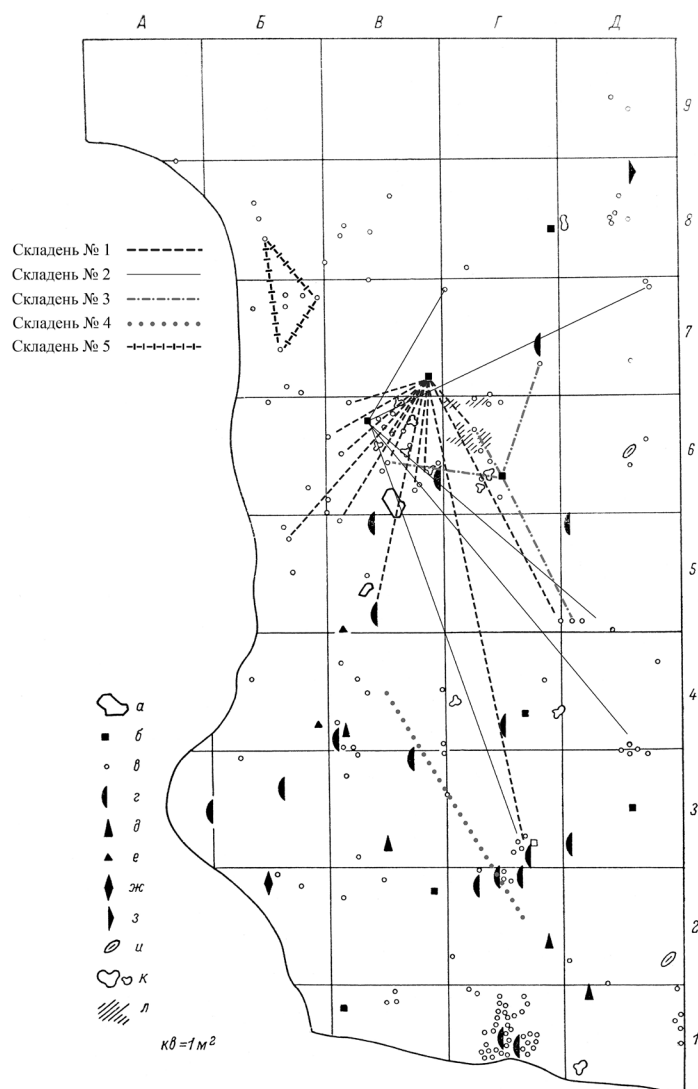

Рис. 4. Носово I. План находок в раскопе 1967 года (по: [7], с дополнениями): а – плитка известняка; б – нуклеус; в – отщеп; г – скребло; д – остроконечник; е – рубильце; жс – лимас; з – нож с обухом; и – галька; к – желвак кремня; л – охра

также концентрация орудия с вторичной обработкой, нуклеусов, сланцевых ретушеров, скопления чешуек и комочков охры. Это явные планиграфические признаки центральной части небольшого охотничьего лагеря размерами до 100 кв. м. Видимо, северная граница площадки обитания проходила по линии 9 раскопа 1967 года. Вектор связей складня № 1 показывает разворот фронта рабочей точки в южном направлении, вниз по склону в сторону ручья. Остатки фауны и древесные угольки в культурном слое памятника не обнаружены. Структурные элементы слоя в виде небольших скоплений чешуек (кв. Г-1), отщепов и кремневых галек (кв. В-6), комочков охры (кв. Г-6) хорошо различимы на плане раскопанного участка. Хорошо известно, что планиграфическая контрастность культурных остатков свойственна стоянкам с непродолжительным временем обитания [5]. Высокий индекс аппликаций (9,6 %) отражает короткий период накопления гомогенного комплекса [12].

Небольшие фрагменты известняковых плиток связаны с основной концентрацией культурных остатков в пределах шурфа и раскопа и, скорее всего, были преднамеренно принесены на место стоянки древними людьми. Геологические источники слоистых третичных известняков расположены в нескольких сотнях метров от стоянки.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОЙ ИНДУСТРИИ

Ближайшие комплексы с подобными каменными инструментами расположены в Юго-Западном (стоянки Антоновка I и II) и Северо-Западном Донбассе (стоянка Черкасское).

Наиболее сопоставимые (по технологическим критериям и отдельным типам орудий) материалы содержатся в комплексах среднего палеолита из п. Черкасского на правобережье Северского Донца [3]. Условные комплексы D-1A, D-2 и D-3, выделенные по стратиграфическим критериям, содержат обильные остатки специфической кремневой индустрии с большим количеством орудий с двусторонней обработкой. Характер используемых заготовок для орудий в виде средних и крупных по размеру сколов со средним и высоким коэффициентом массивности обусловил приемы первичного расщепления и вторичной обработки. Яркой отличительной особенностью комплекса является модулирующая ретушная обработка, граничащая с приемами нуклеусного расщепления. Асимметричные и плоско-выпуклые бифасы сочетаются с обычными скреблами и остроконечниками. Эти признаки в одинаковой степени характерны для комплексов D-1A, D-2 и D-3 Черкасского и Носово I. Среди нуклеусов преобладают радиальные формы, а также нуклеусы с полярными площадками, предназначенные для скалывания крупных пластин и пластинчатых отщепов.

Продуктивные результаты дает также сравнение на уровне специфических типов орудий. Орудийный комплекс Носово I характеризуется как сочетание классических мустьерских типов орудий (простые продольные и выпуклые скребла, угловатые скребла, скребла со скошенными прямыми лезвиями) и орудий с двусторонней обработкой (плоско-выпуклое «рубильце», асимметричные бифасы). Специфичны особые обушковые ножи сегментовидной формы.

Асимметричный бифас из Носово I, выполненный из небольшой плоской кремневой гальки (см. рис. 3, 1), имеет неправильную трапециевидную форму и сопоставим с достаточно многочисленными и разнообразными изделиями подобного типа из Черкасского (рис. 5, 2–3).

Асимметричный плоско-выпуклый бифас с клювовидно изогнутым корпусом (рис. 5, 4), возможно, формировался из изогнутой в плане плоской кремневой конкреции, аналогичной плоско-выпуклому бифасу на стадии уплощения из Черкасского (рис. 5, 5). Этапы производства такого класса изделий хорошо иллюстрируются складнем № 1 из раскопа 1967 года в Носово I.

Сегментовидные обушковые ножи из Носово I (рис. 5, 6–7) попадают в вариативное поле специфических изделий из Черкасского с выпуклым

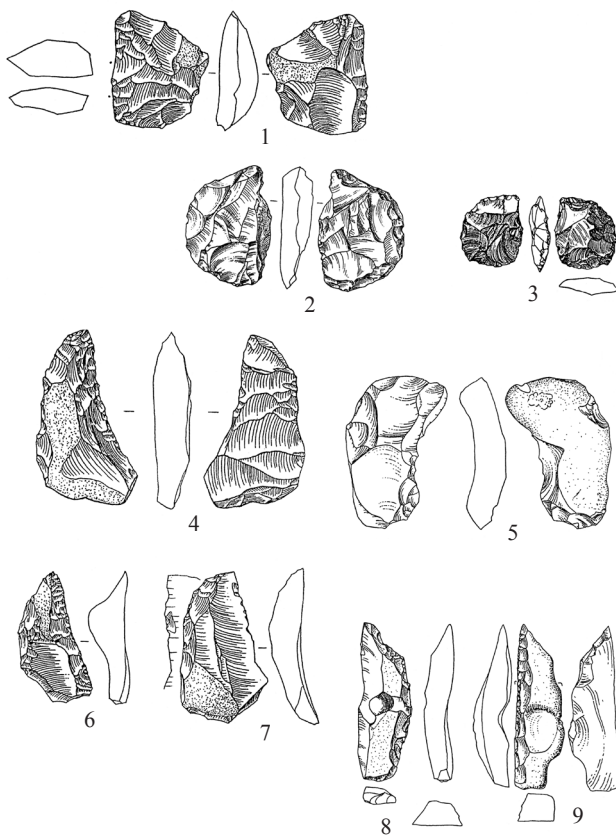

Рис. 5. Носово I. Сравнительная таблица. Носово I (1, 4, 6–7), Черкасское, комплекс D-2 (2–3, 5, 8–9)

обушком и хорошо выраженным острием (рис. 5, 8–9). Первоначально они описаны как латеральные остря.

Некоторые специфические типы орудий (скребла со скошенным лезвием в Носово I, листовидные остря в комплексе D-2 Черкасского) не имеют взаимных аналогий, что, видимо, объясняется относительно небольшими размерами коллекций. Фоновые типы скребел и остроконечников встречаются в различных вариантах среднего палеолита и не являются диагностичными в культурном плане.

В соответствии с принятыми в 60–70-е годы принципами локального членения индустрий среднего палеолита Н. Д. Праслов сопоставлял Носово I с вариантом мустье с ашельской традицией А, проводил аналогии с рядом крымских стоянок [7: 82]. По сумме признаков комплекс Носово I должен быть включен в круг памятников среднего палеолита с асимметричными бифасами. В настоящее время их принято описывать в терминологии концепции «восточного микок» [6] мало затронула эту стоянку, несмотря на выразительность материалов. Стоянка Носово I является составной частью донецко-приазовского скопления памятников с подобным инвентарем [2]. С технологической точки зрения индустрию следует признать эталонной [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ремонтаж продуктов расщепления кремня однозначно свидетельствует о том, что часть найденных в культурном слое орудий производилась непосредственно на месте стоянки. Вместе с тем не отмечен ни один случай совмещения сколов с двусторонне обработанными орудиями – видимо, они были принесены на место обитания со стороны в готовом виде.

Такое состояние кремневой индустрии является классическим в рамках «ранцевой» сырьевой стратегии, характерной для мобильных популяций среднего палеолита. На стоянках в различных пропорциях сохраняются следы трех сегментов операционной последовательности расщепления – принесенные орудия, изготовленные на стороне, следы полного цикла изготовления и использования орудий, а также следы изготовления орудий, которые уносились за пределы данной поверхности обитания. Сочетание таких моделей использования каменных орудий в большей степени соответствует характеристике охотничьих лагерей типа «А», по В. П. Чабая [8: 226–229].

Подтверждается атрибутика комплекса кремневых изделий из стоянки Носово в качестве особой индустрии с двусторонне обработанными орудиями. В современной лексике памятники такого типа все чаще относят к особому варианту среднего палеолита «восточный микок», или к группе «Kailmesser».

Индекс аппликаций (9,6 %) отражает быстрое накопление культурных остатков на протяжении одного эпизода заселения жилой площадки. Этому не противоречат характер и структура культурных остатков.

Специфика комплекса кремневых изделий из стоянки Носово I заключается в сочетании асимметричных, плоско-выпуклых, двусторонне обработанных орудий, помимо обычных скребел и остроконечников, с леваллуазской черепаховидной и пластинчатой техникой первичного расщепления. Такое сочетание показывает значительную вариативность памятников среднего палеолита, входящих в группу «Kailmesser». Видимо, в рамках локального варианта этой индустрии специфические «ножи носовского типа» образуют сопряженную группу типов вместе с плоско-выпуклыми и асимметричными бифасами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Праслов Н. Д. Отчет о полевых работах Палеолитической группы ЛОИА в 1964 г. на территории Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона // Архив ИИМК РАН. О. 2504/1-67-83. 23 с. XXV табл.

² Праслов Н. Д. Отчет о полевых работах Ильского палеолитического отряда в 1967 г. // Архив ИИМК РАН. КП 1543/25. 25 с., 45 рис.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладиллин В. Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976. 229 с.
2. Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. № 12. Донецк, 2003.
3. Колесник А. В., Весельский А. П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах. Вып. 17. Донецк, 2005.
4. Кухарчук Ю. В. Метаморфозы микок // Археологический альманах. Вып. 8. Донецк, 1999. С. 25–36.
5. Леонова Н. Б. Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита // Вопросы антропологии. № 54. М.: МГУ, 1977. С. 167–179.
6. Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 157. Л., 1968.
7. Праслов Н. Д. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 185. Л., 1972. С. 75–82.
8. Чабай В. П. Средний палеолит Крыма. Симферополь, 2004. 323 с.
9. Щелинский В. Е. Экспериментально-трассологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 182–196.

10. Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983. С. 72–133.
11. Щелинский В. Е. Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах. № 8. Донецк, 1999. С. 109–128.
12. Cziesla E. On refitting of stone artefacts // The Big Puzzle / Eds. E. Cziesla, S. Eickhoff and others. Bonn, 1990. P. 1–35.

Kolesnik A. V., Donetsk State University (Donetsk, Donetsk People Republic)

NEW THOUGHTS ON OLD COLLECTIONS: NOSOVO I SITE AT THE NORTHERN AZOV SEA LITTORAL

The Nosovo I site of the Middle Paleolithic era is located on the right bank of the Mius firth of the North-Eastern Azov Sea Littoral. It was excavated by N. D. Praslov in 1960s. The territory of excavation covered the area of 48 sq. m. A well preserved horizon lies in the loess-like loam at the depth of more than 2 m. Flint artefacts, slate pebbles with traces of active use were found at the site. According to V. Ye. Shchelinskiy, they used complicated technologies of splitting lithic cores. The disc-shaped lithic cores, the two-plane cores with the flattened working front, and Levallois lithic cores were found during excavations. A set of discovered stone tools includes simple scrapers, points of various types, and two-sided tools. There are also specific flat-convex and asymmetric tools. The analysis of wear traces (V. Ye. Shchelinskiy) revealed a considerable amount of flint tools for rough processing of animal skins. The flint industry was based on the local flint pebble of an alluvial origin. Traces of the full cycle of flint splitting were found at the campsite. The re-assembling of split flint tools revealed the process of the lithic cores' preparation and use, as well as the process of making tools with the flat-convex cross section. Judging by the complex of signs, the flint industry of the campsite Nosovo I is comparable to the monuments of the Middle Palaeolithic of the so-called "East Micoquean" type. The most similar site is located in the North-Western Donbas (the site of Cherkasskoie) on the right bank of the Seversky Donets River. The monuments of this complex cultural group of the Middle Palaeolithic should be approached as the background monuments for Eastern Europe.

Key words: North-Eastern Azov Sea Littoral, Middle Paleolithic, "East Micoquean", flint tools, "Kailmessenger" group

REFERENCES

1. Gladilin V. N. *Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy* [Problems early Paleolithic in Eastern Europe]. Kiev, 1976. 229 p.
2. Kolesnik A. V. Middle Paleolithic of Donbass [Sredniy paleolit Donbassa]. *Arkheologicheskiy al'manakh*. № 12. Donetsk, 2003.
3. Kolesnik A. V., Vesel'skiy A. P. Cherkasy – a complex archaeological site in the Seversky Donets basin [Cherkasskoe – kompleksnyy pamyatnik arkheologii v bassejne Severskogo Donsa]. *Arkheologicheskiy al'manakh*. Vol. 17. Donetsk, 2005.
4. Kukharchuk Yu. V. Metamorphosis of the micoquean [Metamorfozy mikoka]. *Arkheologicheskiy al'manakh*. Vol. 8. Donetsk, 1999. P. 25–36.
5. Leonova N. B. Some aspects of the study of flint material at a sites of Upper Paleolithic [Nekotorye aspekty issledovaniya kremnovego materiala na stoyankakh verkhnego paleolita]. *Voprosy antropologii*. № 54. Moscow, MGU Publ., 1977. P. 167–179.
6. Praslov N. D. Early Paleolithic of North-Eastern Azov and Lower Don region [Ranniy paleolit Severo-Vostochnogo Priazov'ya i Nizhnego Podon'ya]. *Materialy i issledovaniya po antropologii SSSR*. № 157. Leningrad, 1968.
7. Praslov N. D. Mousterian site of Nosovo I in the Azov region [Must'erskoe poselenie Nosovo I v Priazov'e]. *Materialy i issledovaniya po antropologii SSSR*. № 185. Leningrad, 1972. P. 75–82.
8. Chabay V. P. *Sredniy paleolit Kryma* [Middle Paleolithic of Crimea]. Simferopol, 2004. 323 p.
9. Shchelinskiy V. E. Experimental study of the functions trasological of the Lower Paleolithic tools [Eksperimental'no-trasologicheskoe izuchenie funktsiy nizhnepaleoliticheskikh orudiy]. *Problemy paleolita Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy*. Leningrad, 1977. P. 182–196.
10. Shchelinskiy V. E. To studying of technique, technology and function of Mousterian tools [K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsiy orudiy must'erskoy epokhi]. *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita*. Leningrad, Nauka Publ., 1983. P. 72–133.
11. Shchelinskiy V. E. Stone Industry of Nosovo I site in the Azov region: technological aspect [Kamennaya industriya Nosovo I v Priazov'e: tekhnologicheskiy aspekt]. *Arkheologicheskiy al'manakh*. № 8. Donetsk, 1999. P. 109–128.
12. Cziesla E. On refitting of stone artefacts // The Big Puzzle / Eds. E. Cziesla, S. Eickhoff and others. Bonn, 1990. P. 1–35.

Поступила в редакцию 06.06.2016

НИКОЛАЙ РАВИЛЬЕВИЧ СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
slavnitski@bk.ru

ФРАНЦУЗСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В КРЕПОСТЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XVIII ВЕКА

Рассматривается вопрос о привлечении иностранных инженеров к фортификационным работам на Северо-Западе России в первые годы Северной войны. В то время возводились новые укрепления и происходил переход от башенной системы к бастионной, распространенной в Западной Европе. В этой модернизации значительную роль сыграли французские и немецкие инженеры, оказавшиеся на российской службе. Впервые поставлен вопрос о том, на какие школы пытался ориентироваться в первые годы XVIII века Петр I.

Ключевые слова: Северная война, Петр I, инженеры

На рубеже XVII–XVIII веков на русской службе было немало иностранцев. Не стала исключением и инженерная часть – в то время в России появилось несколько фортификаторов, причем представлявших разные школы – немецкую и французскую. Не факт, что так задумывалось Петром с самого начала, скорее, это получилось стихийно. Привлекали в первую очередь немецких инженеров, а французские появились самостоятельно. Интересно, что в России практически не было голландских фортификаторов, хотя нидерландская фортификационная школа была одной из лучших в Европе (наряду с французской), и в то же время на русской службе оказалось немало голландских моряков. И первыми учителями Петра I в области инженерного искусства были именно голландцы – Франц Тимерман, Адам Сило (он учил юного царя чертить планы и профили оборонительных построек) [7]. Единственным известным нам голландским инженером, принятым на службу в 1697 году, стал В. М. де Геннин (1676–1750) [5: 173], но он был еще молод и не мог выполнять самостоятельные работы, а в дальнейшем прославился как строитель российских горных заводов.

Работы для фортификаторов в России было много – в западноевропейских странах в этот период уже господствовала бастионная система укреплений, тогда как русские крепости по-прежнему были башенными. Задачей иноземцев как раз и стало строительство новых фортеций. В те годы на Севере и Северо-Западе разворачивалось масштабное фортификационное строительство – вокруг каменных башенных крепостей Новгорода, Пскова и Шлиссельбурга насыпали деревоземляные укрепления бастионного типа, а под Архангельском и чуть позже на берегах Невы возводили новые крепости.

В Архангельск в декабре 1700 года был отправлен саксонский инженер И. Адлер, которому было поручено заниматься возведением крепости

в устье Северной Двины, однако в марте следующего года вместо него был назначен бранденбургский (пруссский) фортификатор Г. Э. Резе, который и стал строителем архангельской Новодвинской крепости [2: 35–36]. Не исключено, что первая неудача с работой И. Адлера вынудила Петра I отправить в Псков сразу двух инженеров – француза Ламота де Шампи, который в мае 1701 года произвел осмотр существовавших укреплений города, и саксонца Вильгельма Адама Кирштенштейна [6: 187–188]. Но вполне возможен и такой вариант, что французский специалист занимался приведением в порядок каменных стен, а саксонский – насыпкой бастионов (это косвенно подтверждается тем, что первый из них с самого начала взялся за осмотр стен). Любопытно то, что в одном месте оказались представители разных школ, хотя французская уже впитала в себя лучшие черты итальянской и немецкой. Во многом по этой причине именно она (в первую очередь стараниями маршала С. Вобана) считалась в то время самой передовой. Как бы то ни было, с задачей они справились. В предельно сжатые сроки – к лету 1701 года – было насыпано 9 земляных бастионов, соединенных куртинами, которые были расположены параллельно каменной крепостной стене (эти бастионы прикрывали, главным образом, стены Окольного города, которые находились в наиболее удручающем состоянии [6: 190]). Крепостная артиллерия и стрелковая оборона были перенесены на новые укрепления. Стараниями Л. де Шампи и В. А. Кирштенштейна в 1700–1701 годах была найдена очень удачная и удобная форма быстрого усиления обороноспособности старых крепостей – возведение вокруг каменных оград земляных бастионов, что позволяло к невыгоде нападающих, во-первых, выдвинуть вперед узлы артиллерийской обороны и тем самым расширить зону боя вокруг крепости, во-вторых, пользуясь изломанными

линиями фронта обороны, более эффективно, чем раньше, вести заградительный огонь в нужных направлениях [4: 473]. Затем этот способ укреплений был развит при восстановительных работах в других крепостях. В частности, точно так же были усилены укрепления Ямбурга весной 1703 года – этим занимался инженер Гольцман, приехавший в Россию из Бранденбурга [7: 32]. Там он, по всей видимости, оставался недолго, ибо в апреле следующего года П. М. Апраксин писал губернатору Ингерманландии А. Д. Меншикову, что «прежний инженер без меня зимою к Москве уехал и где ныне не знаю», и просил прислать туда фортификатора, поскольку многие места «требовали починки»¹.

Здесь хотелось бы еще раз обратить внимание на отсутствие в России голландских инженеров. Дело в том, что возведение земляных укреплений – это, в первую очередь, голландский принцип, появившийся в период войны за независимость Нидерландов, когда не было возможности строить каменные долговременные укрепления, и они максимально быстро возводили земляные. Безусловно, Петр I в ходе Великого посольства 1697–1698 годов узнал об этом и два года спустя успешно использовал эти принципы. Выскажем предположение, что во время своего первого визита в Западную Европу царь просто не предполагал (да и не мог предположить), что ему придется очень скоро вплотную думать о фортификационных укреплениях. Идея войны против Швеции, как известно, оформилась уже после возвращения в Россию, а разгром под Нарвой совсем не входил в его планы.

Дальнейшая судьба Л. де Шампи на нам пока не известна, а В. А. Кирштенштейн позже занимался строительством Санкт-Петербургской крепости. И рядом с ним на сей раз оказался другой француз – Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн. Ламбер появился на российской службе в 1700 году вместе с Л. Н. Аллартом (Галлартом)², которого саксонский курфюрст и польский король Август II командировал в Россию (по другим данным, приехал в страну в 1701 году). Возможно, он был под Нарвой, но тогда избежал плена. В 1701 году инженер оказался в свите царя, который готовился к поездке в Архангельск и походу к Нотебургу. Он руководил осадными работами и под Нотебургом осенью 1702 года, и под Ниеншанцем весной 1703-го [3], поэтому неудивительно, что именно ему было поручено заниматься строительством деревоземляной крепости Санкт-Петербург, положившей начало столице Российской империи. В какой-то степени французский инженер-авантюрист оказался в нужное время в нужном месте.

Как они работали с В. А. Кирштенштейном, сказать сложно. С. Д. Степанов полагает, что они

оба подготовили проекты укреплений, но проект саксонского инженера не был востребован, так как крепость строилась «с великим поспешением», а фундаментные работы, связанные с возведением южных бастионов, запроектированных Кирштенштейном, сильно вдающихся в Неву, а также строительство сразу двух равелинов потребовали бы значительного времени и денежных вложений, что Петр I не мог себе позволить в обстановке, когда шведский флот находился в Финском заливе [7: 37]. Поэтому укрепления были возведены по проекту, разработанному Ламбером, причем в соответствии с принципами французской фортификационной школы, которая в то время пользовалась наибольшей известностью [7: 55].

В. А. Кирштенштейн оставался в Санкт-Петербурге и, судя по его донесению А. Д. Меншикову, разрабатывал новые проекты укреплений – фоссебрей и равелинов, запрашивал, «каким образом те равелины фозсабрей и кавалеры делать изволите»³. По всей видимости, в то время Петр I и А. Д. Меншиков задумывались над вопросом возведения более мощной крепости, и при перестройке ее в камне были использованы наработки саксонского инженера, правда, к тому времени В. А. Кирштенштейна уже не было в живых – он скончался в 1705 году. А в 1706 году покинул российскую службу и Ламбер де Герэн, решивший бежать из страны. Таким образом, из тех инженеров, кто прибыл в Россию в первые годы Северной войны, на службе остался лишь Г. Э. Резе, продолжавший работать в Архангельске.

В то же время на российской службе оказался и первый известный нам голландский инженер – подполковник Марко Гинсон. Он был принят в 1705 году и в следующем году находился в полевой армии⁴. Кроме того, в 1702 году были наняты десять голландских гидроинженеров [1: 156].

Таким образом, голландских инженеров Петр I в первом десятилетии XVIII века привлекал на российскую службу достаточно активно, однако фортификационные работы им не поручали. И это было осознанной политикой. Выскажем предположение, что это связано с тем, что царь посчитал оптимальным привлечение именно французских и немецких инженеров, которые использовали французские методики. Сначала это получилось во многом случайно, а затем этот опыт был признан успешным. Это в какой-то степени подтверждает и более поздний опыт – в конце царствования Петра I во главе инженерного ведомства находился француз Е. де Кулон, а строительством укреплений (с конца 1720-х годов – руководитель фортификационной конторы) занимался немец Б. Х. Миних, предпочитавший французские способы расположения укреплений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив СПб ИИРАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 10–12; Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

² ПБМППВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 837.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван дер Зваан А. Х. Российские каналы и голландские инженеры-гидравлики // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. С. 155–160.
2. Гостев И. М. Архангельская Новодвинская крепость // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 15. С. 33–59.
3. Данков М. Ю. Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герэна // Петровское время в лицах – 2006. Труды Государственного Эрмитажа XXXII. СПб., 2006. С. 113–122.
4. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979. С. 471–499.
5. Корепанов Н. С., Корепанова С. А. Вклад В. Г. де Геннина в социально-экономическое развитие Урала // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. С. 173–188.
6. Макеев Л. Н. Инженеры Ламот де Шампи и Вильгельм Адам Киршенштейн – во главе строительства фортификационных сооружений Пскова в 1701 году // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 184–191.
7. Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. 240 с.

Slavnitskiy N. R., State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

**FRENCH AND GERMAN ENGINEERS IN FORTRESS FORTIFICATIONS
OF NORTHWESTERN RUSSIA IN THE FIRST YEARS OF THE XVIII CENTURY**

The article deals with the issue of attracting foreign engineers to participate in fortification works conducted in the north-west of Russia in the early years of the Northern War. At that time, new types of fortifications were built in Western Europe. Foreign engineers invited by Peter the Great served for the benefit of Russia. They promoted an engineering transition from the tower to the bastion system. French and German engineers played a significant role in this modernization. The study is focused on the essence of engineering schools that Peter the Great used as examples for national fortification development.

Key words: Northern War, Peter I, engineers

REFERENCES

1. Van der Zvaan A. Kh. Russian channels and Dutch hydraulic engineers [Rossiyskie kanaly i gollandskie inzheneriy-gidravliki]. *Rossiia – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropeyskom prostranstve: Materialy V mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. St. Petersburg, 2014. P. 155–160.
2. Gostev I. M. Archangel Novodvinsk fortress [Arkhangel'skaya Novodvinskaya krepost']. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga*. Issue 15. St. Petersburg, 2007. P. 33–59.
3. Dankov M. Yu. Favorite Fortune. On the mysterious fate of Lambert de Guerin [Baloven' fortuny. O zagadochnoy sud'be Lambera de Gerena]. *Petrovskoe vremya v litsakh – 2006. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XXXII*. St. Petersburg, 2006. P. 113–122.
4. Kirpichnikov A. N. Fortresses of bastion type in medieval Russia [Kreposti bastionnogo tipa v srednevekovoy Rossii]. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya*. 1978. Leningrad, 1979. P. 471–499.
5. Korepanov N. S., Korepanova S. A. Contribution V. G. de Gennin in socio-economic development of the Urals [Vklad V. G. de Gennina v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Urala]. *Rossiia – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropeyskom prostranstve: Materialy V mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. St. Petersburg, 2014. P. 173–188.
6. Makeenko L. N. Engineers Lamothe de Champeaux and Wilhelm Adam Kirshenshteyn – headed fortifications' construction in Pskov in 1701 [Inzheneriy Lamot de Champii i Vil'gel'm Adam Kirshenshteyn – vo glave stroitel'stva fortifikatsionnykh sooruzheniy Pskova v 1701 gody]. *Kul'turnye initsiativy Petra Velikogo: Materialy II mezhdunarodnogo kongressa petrovskikh gorodov*. St. Petersburg, 2011. P. 184–191.
7. Stepanov S. D. *Sankt-Peterburgskaya Petropavlovskaya krepost'. Istoriya proektirovaniya i stroitel'stva* [St. Petersburg Peter and Paul Fortress. The history of design and construction]. St. Petersburg, 2000. 240 p.

Поступила в редакцию 28.02.2016

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suvorov@psu.karelia.ru

Ф. ЛАССАЛЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Рассматривается отношение Фердинанда Лассалья, видного общественного и политического деятеля Германии середины XIX века, к проблемам создания национальных государств в Европе. Анализируются различия в подходах К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассалья к оценке Итальянской войны 1859 года. Характеризуется отношение Лассалья к Польскому восстанию 1863 года и шлезвиг-гольштейнской проблеме. Лассаль выступал за проведение «реальной политики», считая, что объединение Италии и Германии может произойти в результате соответствующей политики правительств Пьемонта и Пруссии.

Ключевые слова: Фердинанд Лассаль, Итальянская война 1859 года, Австрия, Пруссия, Ф. Энгельс, Шлезвиг-Гольштейн, Польское восстание 1863 года, нация

Национальные проблемы остаются животрепещущими на протяжении столетий. В середине XIX века в Европе как среди политиков, так и общественных деятелей активно дебатировался вопрос об объединении Италии и Германии. В лагере европейских демократов не смолкали дискуссии по национальному вопросу. В этой связи небезынтересно рассмотреть позицию Ф. Лассалья, крупного общественного деятеля, основателя и президента первой массовой политической организации немецких рабочих – Всеобщего Германского Рабочего Союза (ВГРС).

Первое крупное выступление Лассалья по национальным проблемам произошло в 1859 году. К этому времени вновь активизировалось национально-освободительное движение в Италии. Французский император Наполеон III решил использовать борьбу итальянцев за независимость для укрепления своего собственного положения внутри Франции и для расширения зоны французского влияния в Северной Италии. Объединенные силы Франции и Пьемонта выступили против Австрии, которая удерживала Ломбардо-Венецианскую область. Началась австро-франко-итальянская война. Какую позицию займет Россия в этом конфликте? Какой должна быть позиция Пруссии? Как она, будучи членом Германского Союза, должна отреагировать на нападение Франции на австрийские владения в Италии? Какую позицию по отношению к войне должна занять «демократическая партия» в Германии? Должна ли она поддерживать австрийское правительство, которое ведет войну против реакционного бонапартистского режима и одновременно способствует удушению итальянского освободительного движения, или, наоборот, поддерживать Наполеона, ратовать за поражение Австрии? Эти вопросы волновали многих в Германии. В обществе были широко распростра-

нены различные мнения. Остановимся на двух, наиболее характерных. Австрийская корона развернула широкую пропагандистскую кампанию с целью склонить общественное мнение в пользу военной поддержки Австрии со стороны Пруссии. «Всеобщая Аугсбургская газета» – главный рупор австрийской пропаганды – доказывала, что необходимо защищать австрийские владения в Италии, так как это отвечает общегерманским интересам. Газета говорила о необходимости создания «среднеевропейской великой державы», в которую должны войти все германские и австрийские территории от Восточной Пруссии на севере до итальянских и балканских земель на юге [1: 269]. Поддерживая Австрию в борьбе против Наполеона, Пруссия обезопасила бы и свои рейнские земли, так как следующим шагом Наполеона непременно будет захват левого берега Рейна – так пугала читателей «Аугсбургская газета» [1: 270]. Такую же точку зрения разделяли в основном все сторонники великогерманского пути объединения Германии. В противоположность им малогерманцы были солидарны с Наполеоном, выступали за войну с Австрией и видели в такой войне путь к единству Германии под началом прусской монархии Гогенцоллернов.

Правительство Пруссии придерживалось политики военного нейтралитета, мобилизовав армию, оно заняло выжидательную позицию. В широких массах населения страны в основном преобладали антифранцузские настроения, существовала боязнь того, что Наполеон стремится завоевать левый берег Рейна и тем самым укрепить свои позиции за счет приобретения новых, на сей раз прусских земель. Разобраться в сложившейся ситуации было очень сложно.

Одним из первых в демократическом лагере свои взгляды на этот конфликт высказал Ф. Энгельс. Он анонимно опубликовал брошюру «По

и Рейн», которая вышла в свет в издательстве Ф. Дункера в апреле 1859 года при активном участии Ф. Лассалья¹. Некоторое время спустя, уже в 1860 году, Энгельс опубликовал статью «Савойя, Ницца, Рейн», где проанализировал итоги войны в Италии². Точку зрения Энгельса полностью разделял К. Маркс. Они считали, что главным оплотом реакции в Европе является франко-русская коалиция, вернее Россия, в руках которой Наполеон лишь марионетка, послушно выполняющая волю петербургского двора³. Конечными целями Наполеона является завоевание левого берега Рейна, стремление сделать Рейн «естественной» границей на севере, По – на юге⁴. Выступая против австрийского плана создания «великой средневропейской державы», Энгельс и Маркс в то же время негативно относились к прусскому нейтралитету, призывали правительство Пруссии и других германских государств действовать патриотически, поддерживать Австрию в войне с Наполеоном⁵. Энгельс и Маркс ошибочно полагали, что вступление Пруссии в войну против Наполеона вызовет военное вмешательство России, а это, в свою очередь, будет способствовать превращению национального движения в революционную войну за объединение Германии⁶. Энгельс и Маркс переоценивали возможности России в тот период. Наша страна еще не оправилась от поражения в Крымской войне, царское правительство было занято решением внутренних проблем, и поэтому активно вмешиваться в европейские дела у него просто не было сил. К тому же союз между Францией и Россией не был таким крепким, каким он представлялся Марксу и Энгельсу. Они считали также, что войну с Наполеоном можно использовать для объединения Италии революционным путем. В ходе планируемой войны может произойти свержение Наполеона и вспыхнуть революция в самой Франции. Таковы в самых общих чертах взгляды Маркса и Энгельса на европейский кризис 1859 года.

Оценку итальянской войне, полностью противоположную оценкам Маркса и Энгельса, высказал Ф. Лассаль. Он также анонимно опубликовал в конце мая 1859 года в издательстве Ф. Дункера свой памфлет «Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из демократии». В этой брошюре Лассаль высказывает свои взгляды на тактику национального объединения, эта работа была своеобразным манифестом Лассалья, призывающим решить главную задачу, стоящую перед страной, – достичь объединения, используя для этого демократические средства и учитывая реальные условия. Именно партийным манифестом Лассаль выставлял свою брошюру, в чем признавался Марксу в письме от 27 мая 1859 года⁷.

Памфлет был направлен прежде всего против тех сил, которые сеяли антифранцузские на-

строения среди немцев, стремились подготовить народ к войне с Францией, сделать эту войну популярной. Тогда Лассаль писал: «Абсолютное францужество и французофобство... вот тот рог, в который трубят все здешние газеты, и та страсть, которую они стараются, к сожалению, достаточно успешно, привить сердцу низших классов народа и демократических кругов... Насколько полезна была бы для нашего революционного развития начатая правительством против воли народа война с Францией, настолько же вредно должна была бы отразиться на нашем демократическом развитии война, популярная среди ослепленного народа. Я счел своим долгом броситься навстречу такому угрожающему несчастью»⁸.

Брошюра начинается с утверждения, что война Италии за независимость является «самой справедливой и священной войной»⁹. Исходную позицию для такого заявления можно найти в положениях гегелевской теории исторического развития. Право нации на независимость у Лассалья зиждется на гегелевском праве «народного духа на собственное историческое развитие и самосуществление». Лассаль считает, что кроме сильных культурно-исторических народов существует еще три группы наций:

- народы, которые «сами по себе не могли вообще дойти до исторического бытия»;
- народы, которые «дошли до него, но не могут идти дальше и теперь остаются позади истории»;
- народы, которые «всегда бывают опережены более могучим и быстрым процессом развития своих соседей и доставляют им таким образом возможность в период своего застоя завоевать отдельные части их стран»¹⁰.

Лассаль признает право культурной нации на завоевание менее развитого народа, это может совершаться в целях культурного развития последнего, его культурного «ассимилирования». Этим правом обладают, например, французы – в Алжире, англичане – в Индии. Австрия такого права на обладание Италией не имеет, так как «итальянцы – нация, которая в течение четырех столетий самым усиленным образом участвовала в культурно-историческом процессе Европы и даже более других двигалась им»¹¹. Оплотом реакции в Европе являются, по Лассалю, два «варварских» государства – Россия и Австрия. «Варварство» России Лассаль оправдывает тем, что здесь оно представляет собой «национальный элемент». Совсем другое дело Австрия, в которой правительство «является представителем варварского элемента, насильственно и искусственно подчиняя ему свои культурные народы»¹². Вывод из этих рассуждений таков: борьба итальянцев за независимость – это справедливое дело, и оно должно опираться на поддержку немцев как культурной нации, на помощь демократов.

Далее Лассаль объясняет, почему в сложившейся ситуации необходимо поддерживать Наполеона, даже «если он решится предпринять войну из самых жалких и эгоистических мотивов»¹³. Дело в том, что «принцип», на котором он основывает свое правление, видится Лассалю демократическим, так как он основан на всеобщем избирательном праве, хотя методы правления Наполеона реакционны. Австрия же представляет из себя «реакционный принцип, сам по себе порочный и последовательный»¹⁴. Из двух зол надо выбирать меньшее.

Отвечая на опасения прессы о том, что война укрепит положение Наполеона и позволит ему в дальнейшем бороться с Пруссией за обладание левым берегом Рейна, Лассаль говорит, что военная политика Наполеона, его война с Австрией должны привести к противоположным результатам, а именно к немецкому единству, и тогда Наполеон не посмеет напасть на единую Германию¹⁵. Если Наполеон в ходе войны с Австрией присоединит Ломбардо-Венецианскую область к Франции, то тем самым он нарушит европейское равновесие, чего не допустит Россия. Против этого и немцы должны выступить с оружием в руках. Истинные цели Наполеона – повысить свой авторитет и, в лучшем случае, присоединить к Франции родственную ей по языку и культуре Савойю. Для достижения же германского единства необходимо лишить Австрию немецких земель, тем самым устранив дуализм, существующий в Германии между Пруссией и Австрией. Эта предварительная работа осуществляется сейчас Наполеоном, следовательно, не надо ему мешать¹⁶.

Войну между Пруссией и Францией, за которую ратуют многие в Германии, войну между двумя великими европейскими народами, Лассаль считал «культурно-историческим несчастьем», победой реакционного принципа¹⁷. Поддерживая нейтралитет прусского правительства, Лассаль предлагает ему следующий план действия: «Наполеон ревизует европейскую карту по принципу национальностей на юге. Прекрасно. Мы сделаем то же самое на севере. Освободит Наполеон Италию – прекрасно. Мы возьмем Шлезвиг-Гольштейн. И с этой прокламацией двинем наши войска на Данию»¹⁸. (Шлезвиг-Гольштейн в этот период находился под властью датской короны, что произошло в результате династического наследия и было закреплено международными соглашениями. Вопрос об освобождении Шлезвиг-Гольштейна стоял очень остро и волновал тогда все немецкое общество.) Лассаль прекрасно понимал, что правительство не пойдет по предложенному им пути, тем самым еще раз докажет, что «монархия в Германии неспособна уже на национальное дело»¹⁹.

Таковы основные положения брошюры Лассалья. Здесь он сформулировал главную задачу, сто-

ящую перед обществом, перед всеми партиями, – достижение германского единства. Основным препятствием Лассалю виделась Австрийская империя, которую необходимо было уничтожить. Путь объединения страны, который предлагал Лассаль, может показаться младогерманским. Это не совсем так. Если младогерманцы выступали за объединение страны без Австрии, то Лассаль предлагал включить и ее в единую Германию с ее 12-миллионным населением, но без славянских и итальянских территорий. Он предлагал создать национальное государство. Как пройдет такое объединение, это уже другой вопрос, который надо решать исходя из реальных условий. Сейчас же условия таковы, что надо использовать Наполеона, который бы способствовал осуществлению первой фазы германского объединения. Лассаль предлагал проводить «реальную политику», за что его будут неоднократно критиковать Маркс и Энгельс. Призыв Лассалья тогда не был услышан, не был поддержан, да и Итальянская война завершилась не так, как полагали Энгельс и Лассаль. Второе серьезное публичное выступление Лассалья по национальным проблемам произошло уже, когда он возглавлял Всеобщий Германский Рабочий Союз.

В 1863–1864 годах актуальными для всей Европы были восстание в Польше и обострение шлезвиг-гольштейнского вопроса. В начале 1863 года на территории Польши, входящей в состав России, вспыхнуло восстание с целью восстановления независимости. Уже в феврале между Россией и Пруссией была заключена конвенция, по которой прусское правительство обязывалось оказывать помощь российским властям в подавлении восстания. Прусские войска, сосредоточенные вдоль границ, не должны были пропускать на свою территорию повстанцев. Польское восстание вызвало в демократических кругах многих европейских стран горячую поддержку. Например, Лондонское просветительское общество немецких рабочих по предложению Маркса приняло резолюцию, где подчеркивалось, что без независимой Польши немыслима независимая и единая Германия²⁰. Маркс тогда считал, что восстание в Польше может вызвать революцию в Германии, в ходе которой можно достичь национального единства. Резолюция лондонского общества была направлена в адреса различных рабочих организаций, в том числе и в адрес ВГРС. На собраниях общин она неоднократно обсуждалась и находила поддержку среди многих членов организации. Однако официального документа, где определялось отношение Союза к восстанию в Польше, не было. Он появился лишь в ноябре 1863 года.

Резолюция, написанная Лассалем, в целом отражала его личную точку зрения. Лассаль определенно заявлял, что героическая борьба поляков за свою независимость вызывает чувство всеобщего

уважения и признания со стороны европейской демократии²¹. Раздел Польши, в котором принимали участие Россия, Пруссия и Австрия, Лассаль называет агрессией²². Однако в настоящее время присутствие России и Пруссии в польских землях различно по своему качеству. Если Россия удерживает Польшу исключительно силой оружия, то Германия проводит в ней культурную политику, политику германизации местного населения²³. Таким образом, Лассаль считает, что завоевание части Польши Пруссией является в целом позитивным фактом. Такой вывод Лассалья во многом базировался на его понимании национального вопроса. Как уже говорилось, в памфлете «Итальянская война и задачи Пруссии» Лассаль утверждал право культурной нации на завоевание более отсталой. Культурные народы, а к ним безусловно принадлежат немцы, имеют право на культурное подчинение своих отсталых соседей, именно в целях культурного «ассимилирования». Поэтому Лассаль в своей резолюции и приходит к выводу, что достижение Польшей своей национальной независимости может нанести ущерб национальным интересам Пруссии, так как немецкая часть Польши уже рассматривалась им как «окультуренная» немцами земля, которая должна стать частью будущего единого немецкого государства. Но Лассаль лишь подходит к такому выводу, прямо его не формулируя. Он занимал двойственную позицию. С одной стороны, отмечал необходимость «восстановления самостоятельной Польши», с другой – заявлял, что она должна быть под защитой Пруссии²⁴. Последние слова могут быть расценены по-разному. Под защитой можно понимать и создание дружественного государства, являющегося кордоном против варварской России, это можно понять и как призыв к войне с Россией за восстановление независимости Польши. Свою позицию Лассаль четко не обозначил. Но тенденция в его резолюции просматривается. Лассаль находился как бы между двух огней: с одной стороны, он не мог не выразить солидарности с восставшими, а с другой – не мог критиковать и действия правительства, которое начинало проводить ту объединительную политику, которую он разделял. Немецкая часть Польши, несомненно, виделась Лассалю в составе единой Германии.

Вторым важным вопросом международной жизни, непосредственно затрагивающим интересы Пруссии, было решение шлезвиг-гольштейнской проблемы. В 1863 году в связи со смертью датского короля и принятием новой конституции, по которой Шлезвиг объявлялся частью Дании, вопрос об освобождении названных территорий особенно обострился. Целостность Дании была гарантирована великими державами – Россией и Францией. Однако в 1863 году эти страны по разным причинам не могли активно участвовать

в европейской политике. Для Пруссии складывалась благоприятная внешнеполитическая обстановка, дающая ей возможность присоединить эти северные немецкие территории. О. Бисмарк решил воспользоваться удобным моментом, начались приготовления к войне.

Шлезвиг-гольштейнская проблема волновала все немецкое общество, во многих городах проходили митинги, где все чаще раздавались призывы к прямым вооруженным действиям против Дании. Обсуждалась ситуация и в различных рабочих союзах. Например, в Гамбургском рабочем союзе после жарких дебатов была принята резолюция, которая призывала всех немцев бороться за присоединение названных территорий. «Германия без Шлезвиг-Гольштейна не может существовать!» – таков был главный лозунг этой резолюции [2: 125–126]. В конце ноября в Гамбурге же было опубликовано обращение «К рабочим Германии!», подписанное уполномоченным ВГРС А. Перлом, где также содержались подобные лозунги. Рабочие призывались к организации добровольческих отрядов, сбору средств, к посещению занятий по военной подготовке²⁵.

Как и в польском вопросе, Лассаль занимал двойственную позицию. Он медлил с принятием резолюции. Об этом, в частности, говорит обмен телеграммами между О. Даммером и Лассалем²⁶. Он опасался, что быстрое решение шлезвиг-гольштейнского вопроса может отвлечь внимание общественности от событий конституционного конфликта, который разгорался в это время в Пруссии. Резолюция появилась только в начале декабря. После обсуждения в общинах ВГРС она была единогласно принята. В документе, в частности, говорилось: «Присоединение этой провинции к Германии должно осуществиться по национальным причинам, а в случае необходимости это может произойти и с помощью оружия»²⁷. Далее отмечалось, что немецкие правительства должны воспользоваться смертью датского короля и способствовать присоединению Шлезвиг-Гольштейна к Германии. В то же время Лассаль осуждал и националистический угар, подогреваемый либеральной прессой. Политик опасался, что быстрое решение этой важной международной проблемы может привести к союзу между прогрессистской партией и правительством, отложить на неопределенное время решение социальных проблем и, самое главное, введение всеобщего избирательного права, так как правительство уже не будет нуждаться в поддержке народа для своей объединительной политики. Поэтому Лассаль проповедовал выжидательную, нейтральную позицию. Он лишь заявлял, что решение шлезвиг-гольштейнской проблемы является делом правительств Германского Союза.

Отношение Ф. Лассалья к национальным проблемам основывалось на гегельянстве и отличалось определенным высокомерием, которое проявлялось

в делении европейских народов на передовые и отсталые, при этом первые имели право на завоевание и «культурное ассимилирование» вторых. В то же время стоит отметить, что Лассаль оказался во многом прав, выступая за проведение «реальной политики», он не уповал на революцию сни-

зу в деле образования национальных государств, за что его неоднократно критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс. Как известно, Италия объединилась в результате активной политики К. Б. Кавура, премьер-министра Пьемонта, Германия – в результате победоносных войн О. Бисмарка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Энгельс Ф. По и Рейн // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 233–281.
- ² Энгельс Ф. Савойя, Ницца, Рейн // Там же. С. 593–636.
- ³ Там же. С. 631.
- ⁴ Энгельс Ф. По и Рейн // Там же. С. 279.
- ⁵ Там же. С. 281.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Лассаль Ф. – Марксу К. 27 мая 1859 г. // Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу: Пер. с нем. СПб.: Литературное дело, 1905. С. 183.
- ⁸ Там же. С. 182–183.
- ⁹ Лассаль Ф. Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из демократии. СПб., 1882. С. 82.
- ¹⁰ Там же. С. 86.
- ¹¹ Там же. С. 87.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 82.
- ¹⁴ Там же. С. 96.
- ¹⁵ Там же. С. 124.
- ¹⁶ Там же. С. 107.
- ¹⁷ Там же. С. 131.
- ¹⁸ Там же. С. 142.
- ¹⁹ Там же. С. 143.
- ²⁰ Маркс К. Воззвание Лондонского просветительского общества немецких рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 15. С. 596–597.
- ²¹ Resolution des ADAV zur polnischen Befreiungsbewegung // Lassalle F. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. 4. S. 305.
- ²² Ebenda.
- ²³ Ebenda. S. 306.
- ²⁴ Ebenda.
- ²⁵ Lassalle F. an Perl A. 6 Dezember 1863 // Lassalle F. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. 4. S. 309.
- ²⁶ Lassalle F. an Dammer O. 29 November 1863 // Grunberg Archiv. Bd. 2. S. 414.
- ²⁷ Resolution des ADAV zu Schleswig-Holstein // Lassalle F. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. 4. S. 307–308.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меринг Ф. История германской социал-демократии: Пер. с нем.: В 4 т. М.; Пг., 1922. Т. 2. 346 с.
2. Беккер В. Geschichte der Arbeiteragitationen F. Lassalles. Braunschweig, 1874. 262 s.

Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

F. LASSALLE AND THE NATIONAL QUESTION

The article deals with the attitude of Ferdinand Lassalle, a prominent social and political figure of the mid-19th century Germany, to the problem of national states' development in Europe. The differences in the analysis and approaches of Karl Marx, Friedrich Engels and Lassalle to the evaluation of the Italian war of 1859 are studied. F. Lassalle's attitude toward Polish uprising of 1863 and the Schleswig-Holstein issue is characterized. F. Lassalle advocated for the realization of "real policy". He was confident that the unification of Italy and Germany can occur as a result of proper policies pursued by the governments of Piedmont and Prussia. Key words: Ferdinand Lassalle, Italian war of 1859, Austria, Prussia, F. Engels, Schleswig-Holstein, Polish uprising of 1863, the nation

REFERENCES

1. Mering F. *Istoriya germanskoy sotsial-demokratii* [The history of German social democracy]. In 4 vol. Moscow, Petrograd, 1922. Vol. 2. 346 p.
2. Becker V. *Geschichte der Arbeiteragitationen F. Lassalles*. Braunschweig, 1874. 262 s.

Поступила в редакцию 19.05.2016

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

О СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

Процесс профессионализации музыкального искусства Карелии рассмотрен в тесной связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями 1930-х годов. Показано значение новых коммуникаций для развития искусства. Изучены процесс создания первых профессиональных музыкальных коллективов Карелии и роль мигрантов в их деятельности. Автор приходит к выводу, что создание профессионального искусства потребовало как творческого напряжения элиты, так и активизации духовных сил всего регионального сообщества.

Ключевые слова: музыкальное искусство, композиторы, симфонический оркестр, ансамбль «Кантеле», Центральный театр ББК

История музыкального искусства Карелии обстоятельно рассмотрена в работах искусствоведов [3], [4], [5], [6], [7], [9]. Автор данной статьи ставит целью связать профессионализацию музыкального искусства с ходом модернизации Советской Карелии в 1930-е годы. Рассмотрение темы в этом ракурсе способно помочь полнее представить взаимодействие на региональном уровне власти и общества, способы творческого самовыражения поколения 1930-х годов.

Профессионализация музыкального искусства тесно связана с технологическими новшествами и продвижением современных видов коммуникаций. С середины 1920-х годов в России начало стремительно распространяться массовое радиовещание, и среди регионов, где, исходя из военных задач, ставились радиосети в первую очередь, оказалась приграничная Карелия. В 1926 году открылись радиостанции в Пудожье, Кеми, Петрозаводске. Причем ширококонтинентальная радиостанция в Петрозаводске была одной из самых мощных в России, ее оборудовали по последнему слову техники. С 1927 года в программе радиовещания появились передачи петрозаводской радиостудии. В 1931 году в Карелии начал работу собственный Радиокomitee [1]. Значительное место в сетке радиовещания занимала музыка, поначалу она звучала в промежутках между передачами, вскоре стали популярными радиоконцерты, появились радиофестивали, музыкальные радиоконкурсы.

В 1931 году при Радиокomitee был создан инструментальный ансамбль из 8 музыкантов, за два года число исполнителей возросло почти в три раза, и коллектив приобрел статус оркестра. Нотная библиотека Радиокomitee была довольно скудной, поэтому играли то, что знали музыканты, в том числе много произведений американских композиторов. Коллектив активно участвовал в пропагандистской работе: исполнял

и разучивал со слушателями революционные песни на финском языке (руководство Радиокomitee отмечало благодарственные отзывы слушателей из Финляндии)¹.

В 1933 году на базе этого оркестра создан республиканский симфонический оркестр, который должен был «обслуживать концертами» не только Радиоцентр, но и Дом национальной культуры, революционные праздники, торжественные заседания. На совещании в обкоме партии руководитель Радиокomitee И. Лумивуокко пробовал возражать: зачем ликвидировать оркестр, который уже существует? Однако курировавший в обкоме ВКП(б) вопросы культуры П. Хюппенен его осадил: не ликвидировать, а укрепить. Обком партии придавал созданию симфонического оркестра политическое значение. Он должен был содействовать повышению качества пропагандистской работы в массах, чаще выступать для рабочих промышленных предприятий, красноармейцев. Наличие оркестра позволило бы приглашать в Петрозаводск знаменитых музыкантов Ленинграда, Москвы и повысить культурный статус карельской автономии. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, правительство Карелии выделяло на содержание оркестра ежегодно 160–210 тыс. руб. Достаточно высокой для первой половины 1930-х годов была установлена заработная плата дирижеров оркестра (400–500 руб.)². Постепенно решалась проблема покупки недостающих инструментов, хотя кларнет, гобой, альты оставались «дефицитными»³.

Посещаемость симфонических концертов в 1930-е годы не была высокой. Местные чиновники считали: в 1940 году на симфоническом концерте присутствовало в среднем 186 зрителей, тогда как на эстрадном концерте – 708⁴. Включение в программу концертов выступлений симфонического оркестра некоторые зрители считали «принудительным ассортиментом»

и на время выступления оркестра покидали зал⁵. В этих условиях музыканты развернули большую просветительскую работу. В 1936 году совместно с Ленинградской филармонией создан массовый университет музыкальной культуры, который знакомил слушателей с историей музыки и произведениями выдающихся композиторов. Проводились республиканские фестивали музыки, фестивали музыки в колхозах.

В начале 1930-х годов большую работу по изучению карельского народного инструмента кантеле, воспетого в «Калевале», но к тому времени подзабытого, развернул В. П. Гудков (1899–1942). Он совместно с мастерами А. З. Ямшиковым и Е. Е. Ключиным изготовил хроматическое кантеле, на котором можно было исполнять не только народную, но и классическую музыку [9: 52]. Он создал первые самостоятельные ансамбли из числа школьников, студентов пединститута, красноармейцев. В 1936 году Гудков получил приглашение участвовать в Первом Всесоюзном радиофестивале. Секстет кантелистов, в который вошли Кертту Вильянен, Милдред Линдстрем, Николай Черноярков, Андрей Артамонов, Лариса Гаврилова, Виктор Гудков, был признан лучшим среди 6,5 тыс. участников фестиваля. Вдохновленный В. П. Гудков создал при Доме народного творчества новый ансамбль из 17 человек, ядром которого стала шестерка победителей. Ансамбль получил название «Кантеле». В 1936 году СНК КАССР придал ему статус профессионального коллектива. Выстраивая концертный репертуар ансамбля, Гудков стремился опираться на фольклор. Благодаря концертному исполнению, фольклорный материал получал широкую известность, становился достоянием разных народов. Гудков привлек композиторов к обработке фольклорных произведений, к песенному жанру, любимому даже неискушенными слушателями.

Весной 1937 года первые профессиональные музыкальные коллективы участвовали в Декаде карельского искусства в Ленинграде: 13 марта выступили в зале Академической капеллы, 18 марта приняли участие в заключительном концерте в Театре оперы и балета имени Кирова. По итогам Декады ленинградские композиторы предложили создать в Карелии филиал Ленинградского Союза композиторов, вскоре он был преобразован в Союз композиторов Карелии. В него вошли 14 человек, не все они сочиняли музыку, но в деятельности Союза принимали активное участие, многие занимались педагогической деятельностью или работали в оркестрах. В 1939 году создана Карельская государственная филармония, симфонический оркестр и ансамбль «Кантеле» вошли в ее состав, что позволило активизировать их концертную деятельность.

Технологический рывок и индустриальное преобразование Севера России в 1930-е годы сопровождалось консервацией ряда архаичных черт традиционного для России пути развития. Большевики значительно преумножили опыт свергнутой династии, не раз прибегавшей к рас-

ширению полномочий чрезвычайных структур для проведения реформ и защиты власти. На Севере России была создана мощная и разветвленная экономика ОГПУ – НКВД. В 1931–1941 годах действовал Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь. В 1933–1941 годах освоение Беломорско-Балтийского канала и прилегающих к нему территорий вел Беломорско-Балтийский комбинат (ББК). Главную его рабочую силу составляли заключенные и трудпоселенцы. Одной из главных целей комбината была заявлена колонизация края. В 1936 году научный сотрудник Карельского НИИ Н. Н. Виноградов записал в фольклорной экспедиции частушку:

Была – дыра, Медвежья Гора,
А теперь – городок.
Москвы уголок⁶.

Специфическим «уголком Москвы» стал Центральный театр ББК, созданный в «столице ББК» Медвежьей Горе в 1931 году. Его художественным руководителем был А. Г. Алексеев, возглавлявший прежде Московский театр сатиры и Московский театр оперетты. По-столичному ярким был репертуар театра. На его сцене с успехом ставилась оперная классика. Золотым фондом театра называли оперу «Евгений Онегин» Чайковского. Этот спектакль в 1935–1938 годах прошел 42 раза⁷. Были поставлены также оперы «Паяцы», «Алеко», «Царская невеста», «Кармен», «Тоска» и др. В 1935 году написана опера советского композитора И. Дзержинского «Тихий Дон», в 1938 году ее уже репетировали в Медвежьей Горе⁸.

При театре работали симфонический, духовой, джазовый оркестры⁹. В 1936 году на спектаклях и концертах Центрального театра ББК побывала 41 тыс. зрителей. Медвежьегорский театр регулярно совершал гастрольные поездки по Карелии¹⁰.

Уже с середины 1930-х годов школы, клубы, библиотеки стали выводиться из состава ББК. В 1941 году в ведение Управления по делам искусств при СНК КФССР перешел Центральный театр ББК. Тем самым правительство признавало нецелесообразным сохранять за силовыми структурами ответственность за социально-культурное развитие северного региона. Перед войной на базе Центрального театра ББК началось создание Республиканского передвижного театра музыкальной комедии¹¹.

В 1920–1930-е годы в Карелии резко активизировались миграционные процессы. В 1933 году треть жителей КАССР являлись выходцами из других районов страны и частично из-за границы¹². Правительство Карелии стремилось привлекать добровольных переселенцев из регионов, где проживали карелы, финны, ингерманландцы. В первой половине 1930-х годов большинство музыкантов симфонического оркестра составляли финны, переселившиеся в Советскую Карелию по личному желанию из стран Запада. Руководителем оркестра стал Карл Раутио (1885–1963). Сын бедняка, он в юности навсегда покинул родную Финляндию, 19 лет прожил в Америке, сумел окончить музыкальное

отделение Калифорнийского университета, освоил трубу и другие духовые инструменты, увлекся джазом, руководил самодеятельным духовым оркестром при рабочем клубе. В Петрозаводске К. Раутио получил работу преподавателя музыки в педагогическом техникуме, где вскоре создал из числа студентов финский хор, духовой оркестр, симфонический ансамбль. В Карелии с успехом исполнялась «Праздничная кантата» К. Раутио, написанная совместно с поэтом Я. Виртаненом к 10-летию Октября. Наделенный организаторскими способностями, Карл Раутио сыграл большую роль в формировании коллектива симфонического оркестра.

Среди первых оркестрантов выделялся творческим дарованием Лаури Йоусинен (1889–1948). Как и К. Раутио, он прибыл в Карелию в 1922 году из Америки. Л. Йоусинен в течение года учился в Чикагской консерватории, где освоил альт, а затем и скрипку, после переезда в Петрозаводск руководил духовым оркестром финского педагогического техникума и самодеятельным хором, пробовал себя как композитор [6: 35].

Получение статуса республиканского оркестра вело к необходимости увеличить численность коллектива. Оркестру требовалось еще 12 музыкантов. При приеме на работу предпочтение отдавалось претендентам-финнам, правительство Карелии настаивало: оркестр должен быть национальным. В то же время, чтобы обеспечить необходимый творческий уровень, в оркестр приглашали ленинградских музыкантов. Острый жилищный кризис не способствовал их закреплению в Петрозаводске: как правило, приезжих расселяли по частным квартирам, а съемное жилье людей не устраивало, и они уезжали.

Однако в Ленинграде запрещали проживать «неблагонадежным». В их число попал музыкант Леопольд Яковлевич Теплицкий (1890–1965) [2: 168–172]. Его, в 1933 году руководителя самодеятельного оркестра Лососинского комбината, пригласили в помощь К. Раутио как бывшего дирижера Мариинского театра¹³. Действительно, будучи студентом Ленинградской консерватории, Теплицкий получил опыт работы на этой прославленной сцене, однако свое будущее молодой музыкант решил связать не с театром, а со стремительно развивавшейся киноиндустрией. В 1926 году Наркомпрос послал его в США изучать опыт музыкального сопровождения немых кинофильмов. За время годичной командировки музыкант смог познакомиться с новыми направлениями западного искусства, прошел стажировку в оркестре «короля джаза» Пола Уайтмена. Вернувшись в Ленинград, Л. Я. Теплицкий создал первый в России концертный джаз-банд. В 1927 году его коллектив с успехом выступал в залах Ленинградской филармонии и Академической капеллы. В концертах участвовали маститые музыканты города на Неве, неслучайно оркестр называли «джаз профессоров» [4: 22–23]. Теплицкий привлек к сотрудничеству давно живущую в России американку Коретти Арле-Тич.

Имея хорошую консерваторскую подготовку и успехи в концертном исполнении классического репертуара, она не могла не сберечь в памяти афроамериканскую культуру – народные песни и спиричуэлс [11: 141]. В оркестре Теплицкого пел молодой Леонид Утесов. В октябре 1930 года популярный джазмен Л. Я. Теплицкий был арестован как «американский шпион» и отправлен на строительство ББК. Заключение Теплицкий заведовал музыкальной частью Центрального театра ББК. В 1932 году он был освобожден, вернулся в Ленинград, однако не смог получить прописку и переехал на работу в Карелию. С 1933 года Л. Я. Теплицкий – дирижер Симфонического оркестра Карелии.

К 1937 году численность оркестрантов увеличилась до 44¹⁴. Среди них – ведущие исполнители: первые скрипки Л. Йоусинен, О. Далберг, А. Мартимме, вторые скрипки А. Мойсие, К. Нило, виолончелист Н. Шенкман, флейтист Н. Солнышков, гобоист А. Меси, валторнист У. Лааксо, трубач Я. Пасс и др. [7: 78]. Отношение власти к эмигрантам из Америки и Финляндии к тому времени резко ухудшилось, в них видели, прежде всего, носителей ценностей враждебного западного мира. По данным И. Р. Такала, на долю финнов, чья численность в середине 1930-х годов едва превышала 3 % населения Карелии, пришлось 40 % всех репрессированных – 4 688 человек [10: 194–199]. В период репрессий 20 музыкантов Симфонического оркестра Карелии были арестованы органами НКВД как «враги народа». Из-за массовых арестов оркестр должен был временно прекратить работу¹⁵.

В условиях начала Второй мировой войны, после создания КФССР граждан финской национальности вновь стали широко привлекать к работе в сфере образования и культуры. Так, во время советско-финляндской войны были мобилизованы в Финскую народную армию артисты ансамбля «Кантеле», выступавшие с концертами перед бойцами и в госпиталях. Именно в это время солисткой ансамбля стала уроженка г. Ханкок штата Мичиган, медсестра физиотерапевтической лечебницы Петрозаводска Сиркка Рикка¹⁶. Артистическое дарование, природная музыкальность быстро снискали ей любовь и признательность слушателей.

У истоков оперного искусства в Карелии стояли вынужденные мигранты – музыканты, попавшие в жернова ГУЛАГа. В 1935 году в Центральном театре ББК работали 20 музыкантов, из них 16 были заключенными, 4 вольнонаемными. Заведовали музыкальной частью театра Л. Я. Теплицкий, Б. С. Шибишевский, Р. Д. Жеребцова. Пользовались заслуженным успехом солисты Э. Э. Розенштраух, М. Соловьева, С. Ф. Рахманов, А. Иванов, С. П. Зубко, Н. О. Рубан и др. Разнообразные концертные программы подготовили пианисты М. Л. Дукстуский, Г. Н. Оболдуев, Н. Н. Тверицкий. В тяжелых жизненных обстоятельствах музыкантов поддерживала возможность продолжать профессиональную деятельность.

Началась подготовка профессиональных музыкантов в самой Карелии. В 1938 году в Петрозаводске было открыто музыкальное училище. В начале 1940 года в нем обучались 117 студентов. Самым большим набор учащихся был на инструментальное и оркестровое отделения. Кроме того, началась подготовка по фортепиано и вокалу¹⁷. Преподавательскую работу вели выпускники Ленинградской консерватории Н. И. Бережной (гобой), Ц. Н. Кофьян (сопрано), Н. А. Спасская (фортепиано), И. Б. Шапиро, выпускник Московской консерватории А. Д. Гершкович (скрипка), выпускник Бакинской консерватории Л. С. Гликман (фортепиано) и др.¹⁸

Важнейшим фактором модернизации являлось широкое межкультурное взаимодействие. Музыканты 1930-х годов, часто связанные с консерваторской средой, хорошо знали западную и русскую классику, пробовали себя в джазе. Начав работу в Карелии, многие из них стали глубоко изучать фольклор народов Севера России, нашли в нем источник творческого вдохновения. Самобытность Карелии ярко отразилась в музыкальном языке композитора Р. С. Пергамента (1906–1965). После учебы в Ленинградской консерватории он получил известность в родном Петрозаводске как автор музыки к театральным спектаклям. В 1930-е годы Р. С. Пергамент одним из первых в Карелии обратился к симфоническому жанру. В 1935 году в республике широко праздновалось 100-летие первого издания «Калевалы». В дни торжества Симфонический оркестр Карелии впервые исполнил вокально-симфоническую поэму Пергамента «Айно», посвященную одному из самых лиричных женских образов карело-финского эпоса. Вскоре поэма зазвучала по всесоюзному радио. В марте 1937 года музыкальное произведение Р. С. Пергамента было исполнено в зале Ленинградской государственной академической капеллы и получило высокую оценку, предлагалось включить поэму в репертуар ленинградских симфонических оркестров [3: 16]. Театральный опыт способствовал желанию композитора начать работу над оперой, и перед войной был заключен соответствующий договор. В феврале 1941 года в Союзе композиторов Карелии состоялось обсуждение либретто оперы «Три брата», написанное В. П. Гудковым на основе недавно записанных на юге Карелии рун [8: 41]. Р. С. Пергамент, приступивший к работе над музыкой, отметил сильные женские образы, особенно образ Катерины, из-за которой братья покинули родной край. Музыковед Я. М. Геншафт подчеркнул литературные достоинства текста: «Дает возможность композитору вдохновиться»¹⁹. То, что в центре сюжета первой карельской оперы

оказалась любовная драма, некоторых участников обсуждения смутило: «Основным мотивом должна стать борьба героев за счастье народа». Однако В. П. Гудков отказался менять смысловые акценты, напомнив историю с поисками арктической экспедиции У. Нобиле. Тогда было разрешено посылать бесплатные телеграммы, касавшиеся путешественников, и какой-то коммерсант послал телеграмму: «Ищите Нобеля и пришлите вагон муки». «Так и тут, – завершил свою мысль В. П. Гудков, – все хорошо, а не захватим ли мы с собой Сампо? Нет, приклеить Сампо здесь никак нельзя». И предложил коллегам написать другое либретто на сюжет о волшебной мельнице, дарящей людям изобилие и благополучие. Гудкову указали, что он «неправильно понимает критику», но переубедить не смогли²⁰. Война помешала осуществить этот творческий замысел: в эвакуации В. П. Гудков умер. Работу над оперой «Три брата» Р. С. Пергамент завершил в 1948 году. Ее концертное исполнение состоялось в Петрозаводской консерватории в 1985 году, в Музыкальном театре опера была исполнена в 2013 году [3: 71].

Таким образом, в Карелии в рассматриваемый период благодаря энергии творческих лидеров, государственной поддержке, развитию современных видов коммуникации впервые были созданы профессиональные музыкальные коллективы, начата профессиональная подготовка музыкантов. По мере накопления опыта и необходимых профессиональных навыков формировали свой творческий почерк композиторы и исполнители. Они развернули большую просветительскую работу. Приобщение трудящихся к художественным ценностям велось с опорой на фольклорные традиции. Совместная творческая деятельность представителей разных народов и культур способствовала росту взаимопонимания, обогащала духовную жизнь регионального сообщества. В то же время на развитии музыкального искусства в 1930-е годы сказались гонения и репрессии сталинского режима по отношению к творческой интеллигенции, чрезмерная идеологизация и политизация культурной жизни. С помощью ГУЛАГа была создана кадровая и материальная основа ряда музыкальных коллективов, однако опасная идея широко использовать для развития профессионального искусства северного региона силовые структуры государства в условиях нарастающей военной опасности развития не получила.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарю заслуженного деятеля искусств Карелии Наталию Юрьевну Гродницкую за консультацию по теме данного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 3. Оп. 3. Д. 95. Л. 56.

² Там же. Ф. 1405. О. 1. Д. 2/16. Л. 5.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 196/154. Л. 6.

⁴ Там же. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 2/27. Л. 40.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 196/154. Л. 66.

⁶ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

⁷ Сталинская трасса. 1939. 4 января.

⁸ НА РК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 8/43. Л. 96, 98.

- ⁹ Нелейкина Г. Центральный театр заключенных // Вперед. 1994. 27 сентября.
- ¹⁰ ГУЛАГ в Карелии: Сборник документов и материалов / Науч. ред. В. Макуров. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С. 136.
- ¹¹ НА РК. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 2/28. Л. 21.
- ¹² Покровская И. П. Население Карелии в 1920–1969 гг. // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 276.
- ¹³ НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 94. Л. 129–135; Ф. 6153. Оп. 2. Д. 94/1021. Л. 3–4.
- ¹⁴ Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 196/152. Л. 8.
- ¹⁶ Там же. Ф. 3579. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 4/27. Л. 121.
- ¹⁸ Там же. Д. 2/12. Л. 15, 59, 116, 142, 168, 182.
- ¹⁹ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/11. Л. 10.
- ²⁰ Там же. Л. 25, 32, 34–35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваничев С. В. Финская секция радиокомитета Карелии в 1930-е годы: особенности деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 20–24.
2. Гнетнев К. В. Беломорканал. Время и судьбы. Петрозаводск: Острова, 2008. 415 с.
3. Гродницкая Н. Ю. Рувим Пергамент: жизнь и творчество. Петрозаводск: Verso, 2013. 135 с.
4. Гродницкая Н. Ю. Riskнул и нырнул в джаз... (о деятельности Леопольда Теплицкого) // Музыка и время. 2006. № 6. С. 20–25.
5. Жукова В. А. Музыкальная династия Раутио: Биографический очерк. Петрозаводск: Verso, 2011. 83 с.
6. Композиторы и музыковеды Карелии: Справочник / Сост. О. А. Бочкарева, Н. П. Хилько. Петрозаводск: Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма, 2009. 103 с.
7. Очерки музыкальной культуры Карелии / Сост. В. А. Жукова. Петрозаводск: Карелия, 1990. 127 с.
8. Савватеев Ю. А. Страницы культурно-музыкальной жизни Карелии 30-х годов XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 6 (100). С. 38–44.
9. Семакова И. Б. Живое кантеле. Страницы жизни и творчества Виктора Пантелеймоновича Гудкова. Петрозаводск: Verso, 2012. 189 с.
10. Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 161–206.
11. Федяшева Е. Коретти Арле-Тиз – советская негритянская певица // Музыкальная Академия. 2004. № 3. С. 138–147.

Filimonchik S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FORMATION OF PROFESSIONAL MUSICAL ART IN SOVIET KARELIA IN THE 1930s

The process of professional development of musical art in Karelia has been studied in close connection with the socio-economic and political transformations of the 1930s. The importance of new communications for the development of art has been shown. The process of establishment of the first music ensembles in Karelia and the role of migrants in their activity have been studied. The author comes to a conclusion that the establishment of professional art required both creative tension of the elite and intensification of spiritual strength of the whole regional community.

Key words: musical art, composers, symphony orchestra, ensemble “Kantele”, Central Theatre of White Sea-Baltic Channel

REFERENCES

1. Vanichev S. V. Finnish section of Karelia's Radio Committee in the 1930s: peculiarities of activity [Finskaya sektsiya radiokomiteta Karelii v 1930-e gody: osobennosti deyatel'nosti]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 3 (148). Vol. 2. P. 20–24.
2. Gnetnev K. V. *Belomorkanal. Vremya i sud'by* [White Sea-Baltic Channel. The time and the destinies]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2008. 415 p.
3. Grodnitskaya N. Yu. *Ruvim Pergament: zhizn' i tvorchestvo* [Ruvim Parchment: the life and the art]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2013. 135 p.
4. Grodnitskaya N. Yu. Took a risk and dived into jazz (about Leopold Teplitsky's activities) [Risknul i nyrнул v dzhaz (o deyatel'nosti Leopold'a Teplitskogo)]. *Muzyka i vremya*. 2006. № 6. P. 20–25.
5. Zhukova V. A. *Muzykal'naya dinastiya Rautio: Bibliograficheskiy ocherk* [Musical dynasty of the Rautios: bibliographical essay]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2011. 83 p.
6. *Kompozitory i muzykovedy Karelii: Spravochnik* [The composers and music scholars of Karelia: the reference book] / Ed. O. A. Bochkaeva, N. P. Khil'ko. Petrozavodsk, 2009. 103 p.
7. *Ocherki muzykal'noy kul'tury Karelii* [Sketch book of the Karelia's musical culture] / Ed. V. A. Zhukova. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. 127 p.
8. Savvateev Yu. A. The pages of cultural and musical life of Karelia in 1930s [Stranitsy kul'turno-muzykal'noy zhizni Karelii 30-kh godov XX veka]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2009. № 6 (100). P. 38–44.
9. Semakova I. B. *Zhivoe kantele. Stranitsy zhizni i tvorchestva Viktora Panteleymonovicha Gudkova* [The living Kantele. The pages of life and art of Viktor Panteleimonovich Gudkov]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2012. 189 p.
10. Takala I. R. National operations of OGPU/NKVD in Karelia [Natsional'nye operatsii OGPU/NKVD v Karelii]. *V sem'e edinoy. Natsional'naya politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920–1950-e gody*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 1998. P. 161–206.
11. Fedyasheva E. Coretti Arle-Tiz – Soviet Negro singer [Coretti Arle-Tits – sovetskaya negrityanskaya pevitsa]. *Muzykal'naya Akademiya*. 2004. № 3. P. 138–147.

Поступила в редакцию 04.07.2016

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ О ВЕСЕННИХ БОЯХ 1942 ГОДА НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Статья посвящена двум боевым операциям периода Великой Отечественной войны, проведенным Красной армией весной 1942 года в Карелии и Заполярье и ставшим тяжелейшим испытанием для командиров и бойцов частей и соединений 14-й и 26-й армий, – Мурманской и Кестеньгской наступательным операциям. События рассматриваются с точки зрения советских органов военной контрразведки, одной из обязанностей которых было информирование военных советов и красноармейского командования обо всех недочетах, выявленных в войсках. Военные контрразведчики, находившиеся при штабах, командных пунктах, а также в рядах красноармейцев на полях сражений, докладывали о просчетах при планировании боевых операций, неэффективности войсковой разведки, недостатках в действиях родов войск и работе штабов, потерях личного состава. Также в донесениях говорилось о нехватке вооружения, плохой экипировке, недопустимом бытовом обеспечении личного состава в условиях природно-климатических особенностей местности, аморальных поступках, отсутствии должного ремонта техники и др. Статья основана на рассекреченных и впервые вводимых в научный оборот документах Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Мурманская наступательная операция, Кестеньгская наступательная операция, особые отделы НКВД СССР, 14-я армия, 26-я армия

С первых дней Великой Отечественной войны проверялась способность военных контрразведчиков противостоять мощному напору спецслужб противника, бороться с их шпионской и диверсионно-террористической деятельностью, обеспечивать в разведывательном и контрразведывательном отношении проведение крупных оборонительных и наступательных операций Красной армии, действовать за линией фронта. В связи с условиями военного времени проведение контрразведывательных мероприятий в действующих частях и соединениях имело ряд особенностей. Во-первых, произошла передислокация войск в связи с началом активных боевых действий, во-вторых, спецслужбы противника заметно усилили свою деятельность как в отношении Советского государства в целом, так и против его Вооруженных сил.

Организовывая работу по охране государственной безопасности и боеспособности Красной армии, армейские контрразведчики успешно решали поставленные перед ними задачи, в том числе регулярно информировали военные советы и командование соответствующих частей и соединений обо всех недочетах, выявленных в войсках. Такую обязанность возложил на особые отделы Государственный комитет обороны. Военные контрразведчики, которые постоянно находились при штабах, командных пунктах и в расположении действующих частей и соединений, докладывали своим руководителям, а те – армейскому руководству и в военные советы о работе штабов, неудачах в проведении боевых операций, потерях личного состава.

Тематика таких документов многообразна. Прежде всего, это данные о ходе боевых действий, состоянии боеготовности частей и соединений Красной армии и выполнении ими поставленных задач, настроении личного состава. Значительное место в сообщениях отводилось имевшимся недостаткам, таким как неэффективность войсковой разведки, плохая координация родов войск, неслаженность в работе штабов. Кроме этого, в поле зрения особистов попадали плохая экипировка и недопустимое бытовое обеспечение личного состава, вшивость и инфекционные заболевания, случаи пьянок и аморальные поступки, отсутствие должного ремонта техники и др. Изучение этих документов дает возможность получить максимально достоверную картину происходивших событий.

Оперативная контрразведывательная информация сосредотачивалась по всем фронтам [6: 20]. Не исключением был и Карельский фронт, который в годы Великой Отечественной войны действовал дольше остальных фронтов – три с половиной года, был самым протяженным – около полутора тысяч километров, и имел ряд особенностей, связанных с природно-климатическими условиями Карелии и Заполярья.

Еще до вторжения финских войск на территорию СССР органы военной контрразведки Северного фронта начали направлять в Центр донесения о ситуации в Красной армии [2: 581–648]. В первые дни войны войсковые чекисты не только отмечали проявленный в боях героизм бойцов и командиров Красной армии, но и фиксировали такие недочеты, как значительный

некомплект личного состава, материальной части, боеприпасов, отсутствие четкого взаимодействия частей и соединений, случаи утери секретных документов.

С начала июля 1941 года противник начал в Карелии и Заполярье наступление на всех доступных направлениях. Красная армия вела тяжелые оборонительные бои, боевые действия носили ожесточенный характер. В течение июля – августа 1941 года финская армия в ходе ряда операций заняла все территории, отошедшие к СССР по итогам Зимней войны. В начале сентября 1941 года финны начали оккупацию восточной Карелии, а в октябре 1941 года советскими войсками был оставлен Петрозаводск. К концу 1941 года стороны перешли к обороне на достигнутых рубежах, и обстановка на линии советско-финского фронта стабилизировалась. Однако противник не отказывался от своих намерений захватить Мурманск и основную базу Северного флота Полярный, перерезать Кировскую железную дорогу, захватить богатые полезными ископаемыми северные территории нашей страны. Имея информацию о планах немецко-финских войск и решая нанести по их позициям упреждающий удар, советское командование весной 1942 года поставило перед Карельским фронтом задачу провести две наступательные операции на Мурманском направлении и в районе Кестеньги с целью закрепиться на новых рубежах и тем самым усилить оборону Мурманского порта и Кировской железной дороги. Обе операции планировалось провести одновременно, что по замыслу Ставки Верховного Главнокомандующего должно было осложнить маневр войскам противника.

Обо всех планах военного командования Красной армии информировались органы военной контрразведки. Именно на эти данные, получаемые из штабов армейских соединений, войсковые чекисты опирались в первую очередь, делая выводы о результативности боевых действий.

На рубеж реки Софьянга

21 апреля 1942 года Военным советом 26-й армии войскам был дан приказ начать наступление на Кестеньгскую группировку противника, овладеть его оборонительной полосой на участке Елетьозеро – Лох-губа и выйти на рубеж реки Софьянга. К моменту начала операции силы противника на данном участке составляли две дивизии: немецкая «Норд-СС» и сводная финская. Против них были введены в действие основные соединения 26-й армии: три дивизии (без одного стрелкового полка), которые согласно боевому приказу должны были нанести главный удар в направлении озера Нижнее Черное, шоссе Лоухи – Кестеньга, охватывая левый фланг противника, и вспомогательный силами 67-й отдельной мотострелковой бригады в направлении Лоухи – Ваара.

26 апреля 1942 года Особый отдел НКВД 26-й армии сообщал в Особый отдел НКВД Карельского фронта, что войска армии не могут прорвать передний край обороны противника и несут большие потери. В донесении говорилось: «В ходе боевых наступательных операций за истекшие два дня выявлено ряд существенных недочетов, влияющих на выполнение поставленной боевой задачи, особенно на участке шоссе Лоухи – Кестеньга. К числу таких недочетов относятся: а) слабость работы войсковой и инженерной разведки переднего края обороны противника, б) отсутствие интенсивного артиллерийского огня вследствие лимитирования артвыстрелов, в) отсутствие массированных ударов авиации по обороне противника, как это было предусмотрено планом, г) неумелое сочетание наступательных действий танковой атаки при поддержке пехоты»¹.

Артиллерия, отставшая из-за бездорожья от наступающих подразделений, практически не оказывала им помощь в преодолении сопротивления противника. Например, за 24 апреля из предусмотренных 435 76-мм снарядов было использовано 84, из 334 снарядов 122-мм гаубиц – 180, из 1846 мин 70-мм, 82-мм и 220-мм орудий – всего 212. И только 27 апреля отпускаемые лимиты артиллерией были израсходованы полностью². «Произведенной артподготовкой не было серьезных разрушений огневых точек и оборонительных сооружений противника, а также не было поддержки в достаточной мере артогнем. Наступательные действия пехоты, которая, преодолев незначительные противопехотные препятствия и сопротивление мелких групп противника, была встречена интенсивным огнем из всех видов оружия из ДЗОТов противника и вынуждена была залечь, а в некоторых местах откатиться обратно, понесла при этом значительные потери убитыми и ранеными»³.

Батальоны 63-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии выдвинулись на открытое болотистое место и были встречены вражеским минометным огнем. Роты залегли в болото, среди личного состава произошло замешательство, поднялся крик, шум. Некоторые командиры растерялись и не могли вывести подразделения из зоны огня. Части дивизии оставались на болоте вплоть до 30 апреля и несли тяжелые потери.

По данным военных контрразведчиков, 25 и 26 апреля советское командование ввело в бой небольшие группы танков, которые уже в начале сражения оказались отрезанными огнем противника от пехоты. Идущие за танками бойцы несли невосполнимые потери. Так, из 8-й роты 997-го стрелкового полка уже в первые минуты наступления в живых осталось всего 6 человек. Большинство танков, оказавшихся без прикрытия пехоты, быстро вышли из строя.

374-й отдельный танковый батальон вступил в бой 25 апреля, едва успев выгрузиться

с поезда. Командование батальона не имело представлений о предстоящей операции, местность не изучалась. Батальон сформировался прямо перед отправкой на фронт, не прошел ни одного полевого занятия, поэтому взаимодействие в бою с пехотой, связь и другие особенности боя не отрабатывались. В тот же день на поле боя вышли 3 танка КВ и 3 танка Т-34, получившие задачу дойти до переднего края обороны и подавить огневые точки противника. Одна из машин наскочила на противотанковый надолб и была подожжена противником, остальные выполнить поставленные задачи не смогли и вынуждены были отступить на исходные позиции. 26 апреля из четырех танков КВ и четырех танков Т-34 три были остановлены противником уже в первые часы боя, а остальные, сумевшие подойти к вражеским ДЗОТам, подорвались на противотанковых минах. Командование батальоном распорядилось на следующий день эвакуировать с поля боя один из подбитых танков, однако бойцы приступили к выполнению задачи не в 2 часа ночи, как было приказано, а 4 часа утра, когда начало светать. Неприятель быстро обнаружил подходивших к танку красноармейцев и начал их обстреливать. Эвакуировать танк не удалось.

Информируя Военный совет Карельского фронта о сложившейся на 1 мая ситуации в войсках 26-й армии, начальник Особого отдела армии Б. С. Керзон обращал внимание на неподготовленность частей и соединений к наступлению: «Ясности о силах противника, о его системе огня наступающие подразделения не имели. Отсутствовало взаимодействие между родами войск: во время атаки переднего края обороны наша авиация не поддерживала наступающую пехоту. У артиллеристов плохо была поставлена служба наблюдательных пунктов <...> части 23-й гвардейской стрелковой дивизии продолжали выполнять боевой приказ. Но этот приказ до настоящего времени остается невыполненным»⁴. Уже после войны командующий Карельским фронтом генерал В. А. Фролов вспоминал: «23-ю дивизию нечем было поддержать. Опять все решали резервы, нужна была хотя бы одна дивизия, но ее неоткуда было снять. Поэтому бои на этом направлении постепенно затихли» [4].

Информируя командование Красной армии о моральном состоянии личного состава, что также входило в обязанности контрразведчиков, им приходилось докладывать и о дезертирстве, неоправданных отлучках бойцов с поля боя, распространении провокационных слухов, фактах членовредительства, случаях пьянства. Так, по донесениям контрразведчиков, командир 63-го гвардейского стрелкового полка во время боевых действий находился в сильном алкогольном опьянении, через каждые 5 минут звонил командирам батальонов только для того, чтобы нанести оскорбления и угрожать расстрелом.

Начальник штаба 8-й отдельной лыжной бригады, получив 25 апреля приказ из штаба дивизии о дальнейшем продвижении, не доложил об этом командиру бригады, а лег спать. В итоге бойцы вступили в бой с большим опозданием и поставленных задач не выполнили. Командир отделения роты 997-го стрелкового полка застрелил красноармейца за то, что тот, по его мнению, взял лишнюю порцию сухарей. Вот выдержка из донесения Особого отдела армии за первые дни боев: «В 1-м батальоне 993-го стрелкового полка имел место такой случай: после приказа о наступлении командир 1-го батальона подсчитал в ротах людей, оказалось в 1-й роте 14 человек, в остальных не более. Бойцы разбрелись по лесу, тогда как на обед приходили до 80 человек на каждую роту»⁵. Все это, наряду с вольной трактовкой приказов или вообще их невыполнением, дополняло общую картину положения в войсках.

Особый отдел 26-й армии дал распоряжение военным контрразведчикам взять на себя поддержание морального духа бойцов – вести их в бой и на месте исправлять ошибки некоторых проявивших растерянность командиров и политруков. Большинство оперативных работников лично участвовали в боях, некоторые выбыли из строя уже в первые дни наступления. Среди них оперуполномоченные особых отделов 23-й и 263-й стрелковых дивизий, 67-го отдельного мотострелкового батальона, 199-го батальона 8-й отдельной лыжной бригады, 3-го батальона 63-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии.

29 апреля, поднимая в атаку бойцов 993-го стрелкового полка 263-й стрелковой дивизии, был тяжело ранен оперуполномоченный Особого отдела полка А. В. Кузнецов. На его место прибыли двое сотрудников органов военной контрразведки армии, одному из которых – А. А. Баранникову – было поручено с отрядом красноармейцев организовать поимку в лесной местности дезертиров и вернуть их в расположение действующих частей. Выполнив задание, он повел солдат в атаку, но был ранен и на следующий день, не приходя в сознание, умер в госпитале.

В первых числах мая получили тяжелые ранения и выбыли из строя старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД 80-й морской стрелковой бригады П. С. Майданов и уполномоченный Особого отдела НКВД 186-й стрелковой дивизии Л. Н. Тюханов.

К 7 мая ситуация на фронте значительно ухудшилась. Начальник Особого отдела НКВД 80-й морской стрелковой бригады сообщал: «Бригада находится в исключительно тяжелом положении; выполняя приказ командования 26-й армии (заход в тыл к противнику), бригада потеряла почти 90 % среднего комсостава и 70 % личного состава. Если свести стрелковые подразделения вместе, то у нас осталось не более батальона»⁶. 6 мая две роты 3-го батальона бригады были

полностью уничтожены противником, в 8-й роте в живых осталось всего 9 человек.

Приказом Штаба 26-й армии от 7 мая 1942 года войскам была поставлена задача временно перейти к обороне, закрепиться на достигнутых рубежах, произвести перегруппировку сил для дальнейшего наступления, вести непрерывную разведку, готовиться к отражению танковой атаки с Кестеньги на Окуневу-губу.

В особо тяжелых условиях оказалась в эти дни 8-я отдельная лыжная бригада, еще только сформированная к началу боев, но уже получившая сложное задание овладеть шоссе Лоухи – Кестеньга. Встретив противника, бойцы не смогли противостоять его удару и вынуждены были отступить, оказавшись в итоге в окружении вместе с 238-м стрелковым полком 186-й стрелковой дивизии. Доставка боеприпасов и продовольствия прекратилась, связь с основными частями армии прервалась. Командир бригады полковник Дуболь организовал красноармейцев для выхода из окружения. Сумев пробиться к своим, бойцы бригады и полка потеряли 243 человека убитыми, из них 8 командиров рот и 7 политруков. Погиб и командир 8-й отдельной лыжной бригады полковник Дуболь.

С 10 мая активные наступательные действия войск Кестеньгского направления были прекращены. Обороняя занимаемые рубежи, части производили инженерные работы и вели разведку перед фронтом и на флангах. В связи с переходом к обороне войска получили ряд приказов о перегруппировке, но иногда эти приказы вносили путаницу и неразбериху в расстановке частей. Так, 68-й гвардейский стрелковый полк 23-й гвардейской стрелковой дивизии оказался подчиненным командиру 186-й стрелковой дивизии, и наоборот, 298-й стрелковый полк 186-й стрелковой дивизии попал в подчинение командира 23-й гвардейского стрелкового полка. Частые переходы и перегруппировки, особенно если учесть непростой характер местности, зачастую излишне изматывали личный состав. Бойцы говорили друг другу: «Командование дивизии, видимо, растерялось, отдает приказы и сразу их отменяет. Ничего не поймешь, что делается – или мы наступаем, или отступаем»⁷.

15 мая из Особого отдела НКВД 186-й стрелковой дивизии поступили данные о том, что противник, найдя брешь в обороне дивизии, в 3 часа 50 минут открыл сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся три часа. Военные контрразведчики докладывали: «Значительное количество снарядов, выпущенных противником, легло на передний край обороны, занимаемый 3-й ротой 290-го стрелкового полка. Одновременно противник пустил в действие бомбардировочную авиацию и 5 средних танков. В результате была прорвана линия нашей обороны»⁸. Следует заметить, что 290-й стрелковый полк, занимая

линию обороны протяженностью 7 км, имел только 300 бойцов личного состава.

Тревожные сообщения приходили и из Особого отдела 263-й стрелковой дивизии. В каждой роте не хватало по 40–50 человек личного состава, отсутствовали патрулирование и посты боевого охранения, на 1,5–2 км линии обороны дивизии имелось всего по 2 ручных пулемета.

В середине мая состоялось заседание Военного совета 26-й армии, на котором присутствовал начальник Особого отдела армии Б. С. Керзон. О принятом на заседании решении он информировал начальника Особого отдела Карельского фронта И. С. Павлова: «В результате того, что противник, произведя перегруппировки своих сил и развивая контрнаступление против северной группировки войск нашей армии на Кестеньгском направлении, оттеснил наши части к востоку от дороги Окунева-Губа – Кестеньга и вследствие отсутствия артыстрелов и малочисленности в людском составе наших частей и соединений, Военный совет решил с 20 мая 1942 года занять прочную оборону на новых рубежах и привести в порядок части для последующих наступательных действий»⁹.

Для установления причин срыва наступления и больших потерь личного состава и материальной части Военным Советом 26-й армии была создана комиссия, в которую вошел и представитель органов военной контрразведки. Начальник Особого отдела НКВД 26-й армии Б. С. Керзон, докладывая о результатах работы этой комиссии, сообщил, что вся информация о негативных проявлениях в войсках, ранее направленная контрразведчиками в Военный Совет и командованию армии, подтвердилась.

Выйти к государственной границе с Норвегией

Не менее драматично складывалась в эти дни ситуация на Мурманском направлении, где перед войсками 14-й армии была поставлена задача вернуть захваченную противником территорию СССР. По данным военных контрразведчиков, Военный совет армии приказал окружить и уничтожить на реке Западная Лица 6-ю горноегерскую дивизию немцев, затем, нанося удар в тыл вражеских войск, разбить обороняющегося противника на перешейке Средний и выйти к государственной границе. Планировалось, что основной удар по позициям неприятеля нанесет 12-я бригада морской пехоты Северного флота после высадки десанта в районе маяка Пикшуев в обход левого фланга противника и 10-я гвардейская стрелковая дивизия, двигаясь совместно с 6-й отдельной лыжной бригадой в обход правого фланга противника. Ставка Верховного Главнокомандующего, придавая серьезное значение предстоящей операции, направила в распоряжение 14-й армии дополнительную технику

и снабдила продовольствием, фуражом и обмундированием. До начала операции на Мурманское направление прибыли 41-й гвардейский минометный полк, 645-й артиллерийский полк, два минометных батальона, было доставлено и роздано бойцам 2600 автоматов ППШ.

Соотношение сил на 18 апреля 1942 года выглядело так: 31 стрелковый батальон и 11 арtdивизионов 14-й армии против 19 стрелковых батальонов и 10 арtdивизионов противника. По данным командования Красной армии, 14-я армия превосходила противника по количеству всех видов вооружения, за исключением 45-мм и 37-мм орудий, автоматов и танков¹⁰.

Докладывая в Особый отдел Карельского фронта о подготовке к операции, начальник Особого отдела НКВД 14-й армии Н. Н. Клочев отмечал: «Еще осенью противник, отойдя за Западную Лицу, в своей глубине построил сильную укрепленную полосу, выставив за несколько километров вперед боевые охранения и небольшие группы автоматчиков <...> Так продолжалось в течение всей зимы, и никто из командиров штабов дивизий, а также штаба армии не предпринимал мер к установлению истинного положения <...> До начала этой операции сведения о противнике были самые скудные. Командир полка знал только, что впереди видны ДЗОТы, проволочные заграждения, а расположение огневых точек было неизвестно, так как до этого небольшие разведки в этот район не посылались»¹¹.

Несмотря на явные просчеты в подготовке, операция все же началась. 28 апреля 1942 года в 2 часа утра 12-я бригада морской пехоты высадилась на южном берегу Мотовского залива одновременно в четырех пунктах под прикрытием авиации и кораблей Северного флота. Бригаде предстояло совершить 30-километровый марш вглубь побережья и, ударив в тыл 143-му горнострелковому полку, соединиться с прорвавшими фронт на Западной Лице частями 14-й армии, завершить окружение противника и уничтожить его. Зная, что наступать придется в гористой местности, при отсутствии дорог и возможности использовать колесный транспорт, штаб бригады принял решение все необходимое для боя переносить на плечах. По расчетам, на каждого бойца приходилось до 25 кг груза, но в действительности нагрузка была превышена: пришлось взять сверх запланированного еще продуктов на пять суток и половину боекомплекта. И с такой ношей морские пехотинцы штурмовали сопки, брали опорные пункты, проявляли нечеловеческую силу и выносливость, пробиваясь навстречу частям 14-й армии [3: 38–42].

Через 2 часа части армии перешли в наступление по всему фронту. В течение первого дня боев, как отмечал в своих донесениях Особый отдел армии, 12-я бригада успешно продвинулась вперед на 5–7 км. 10-я гвардейская стрел-

ковая дивизия смогла продвинуться на 2–3 км, 6-я лыжная бригада – на 4 км, 14-я стрелковая дивизия, попав под пулеметный и минометный огонь противника, – на 300–800 м. 95-й стрелковый полк и 72-я морская стрелковая бригада, ведя тяжелый бой, возможности продвинуться вперед не имели.

Последующие дни – 29 апреля и 1 мая – бои велись с небольшим успехом только на участке 12-й бригады морской пехоты, на всем остальном фронте ситуация складывалась для Красной армии неудачно. В 6-й лыжной бригаде было потеряно управление батальонами, в результате бригада не смогла ориентироваться на местности и отклонилась от заданного направления на 5–6 км, причем 7-й и 10-й батальоны попали в окружение и, не имея связи, были практически полностью разбиты. Командование 14-й армии ввело в бой резерв – 5-ю лыжную бригаду. В это время противник произвел перегруппировку, перебросив часть своих войск с центра на фланги. К вечеру 29 апреля стала заметна активность 2-й горно-егерской дивизии, которая, пользуясь замешательством советских войск, стала еще больше сдерживать их наступление и наращивать силы за счет подходящего резерва.

С продвижением вперед 10-й стрелковой дивизии и 6-й лыжной бригады увеличились пути подвоза к ним боеприпасов и продовольствия. Артиллерия из-за отсутствия дорог продвигаться не могла и по существу поддержку наступающим частям не оказывала. В сообщениях войсковых чекистов отмечалось: «Основной недочет операции первых дней заключается в том, что не было нанесено одновременного удара на всю глубину обороны противника. Артиллерия и базы авиации [противника] подавлены не были. А мосты на единственной дороге Западная Лица – Петсамо наша авиация, несмотря на приказ, не разрушила, дав этим самым возможность противнику бесперебойно подвозить боеприпасы и подтягивать резервы <...> Удары в лоб по неустановленному переднему краю обороны противника привели к большим потерям»¹².

Из сообщений Особого отдела 14-й армии за период со 2 по 5 мая видно, что наступление советских войск практически на всем участке фронта приостановилось: «Наш наступательный порыв стал выдыхаться, а личный состав из-за трудных условий был переутомлен. На правом фланге противник, подтянув силы, перешел к контратакам, а группы автоматчиков начали просачиваться в тылы. Батальоны 12-й морской стрелковой бригады после упорных боев, теснимые превосходящими силами противника, отошли на более выгодные рубежи, 5-я и 6-я лыжные бригады без двух разбитых батальонов продолжали вести бои на прежних рубежах. 10-я стрелковая дивизия медленно продвигается вперед, обходя противника с левого фланга»¹³.

Военный совет Карельского фронта 5 мая 1942 года поставил задачу 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом продолжать наступление, разгромить противника, отбросить его за государственную границу СССР на участке Волоковая губа – озеро Чапра и прочно закрепиться на достигнутых рубежах.

В это время на помощь частям и соединениям 14-й армии, пытавшимся прорвать оборону противника у Западной Лицы, по решению командования из Мурманска перебрасывалась 152-я стрелковая дивизия. Бойцы шли к линии фронта пешим маршем, в летней форме одежды. 3 мая дивизия попала под проливной дождь, который резко перешел в снег, началась сильная пурга, продолжавшаяся трое суток. Температура упала ниже нулевой отметки, и промокшее обмундирование бойцов быстро обледенело. Снег был таким сильным, что палатки не выдерживали, и в минометном батальоне 37-й гвардейской стрелковой дивизии в результате одного из обвалов погибли 7 и получили увечья еще 7 человек, среди которых были сотрудник Особого отдела 10-й стрелковой дивизии и корреспондент газеты «Часовой Севера»¹⁴. В истории 152-й стрелковой дивизии, хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны, записано: «Личный состав, будучи в движении, еще кое-как согревался. Но когда движение прекратилось, измученные, промерзшие бойцы, обессиленные, без питания, без сна, падали, теряли сознание и замерзали. Истощение живых бойцов доходило до 80 %» [1: 432].

Из донесения Особого отдела 14-й армии в Особый отдел Карельского фронта: «Разрабатывая план развития операции, штаб Карельского фронта не удосужился своевременно передислоцировать на Мурманское направление 152-ю стрелковую дивизию, которая, как известно, во время поспешной переброски попала в затруднительное положение <...> Будучи неосведомленным о подходе дивизии, командование армии вынуждено было наспех делать расчет на ввод ее в бой. Однако в приказе Военного Совета Карельского фронта № 0316/оп от 6.05.1942 г. запрещалось вводить в бой с хода 152-ю стрелковую дивизию и приказывалось сосредоточить 152-ю стрелковую дивизию и 10-ю гвардейскую стрелковую дивизию на левом берегу Западной Лицы фронтом не более 5 км»¹⁵. По данным армейских чекистов, дивизия еще на подходе к линии фронта потеряла замерзшими около 400 человек и около 3000 человек было госпитализировано.

12-я бригада морской пехоты еще какое-то время вела упорные бои на правом фланге. По сообщениям военных контрразведчиков бригады, бои носили «ожесточенный характер, переходя в штыковые и гранатные атаки. К 11 мая в батальонах бригады осталось по 100–150 человек. Командование армии и флота принимает решение эвакуировать остатки бригады на восточный берег губы Большая Западная Лица, что и было сделано в течение 12–13 мая»¹⁶.

Приказом Военного совета Карельского фронта от 11 мая 1942 года со ссылкой на директиву Генерального штаба РККА ввиду неблагоприятной погоды и отсутствия достаточного количества дорог наступление 14-й армии было прекращено, и войска приступили к обороне на занятых рубежах. В своем донесении начальнику Особого отдела НКВД Карельского фронта И. С. Павлову начальник Особого отдела НКВД 14-й армии Н. Н. Ключев писал, что войска «в основном выполнили лишь частичную задачу, ликвидировав укрепленный узел противника в районе озер кв. 9056 на левом фланге армии. Выполнить поставленную задачу, т. е. очистить оккупированную территорию до государственной границы, армия не могла»¹⁷. По данным органов военной контрразведки, в боях с 21 апреля (с момента начала разведки боем переднего края обороны противника) по 10 мая 1942 года погиб 4941 человек – без учета потерь 12-й бригады морской пехоты и всех без вести пропавших. Части ВВС армии потеряли за две недели 11 боевых самолетов¹⁸.

Апрельско-майские операции на Карельском фронте по своему характеру и условиям стали одним из тяжелейших испытаний для командиров и бойцов частей и соединений 14-й и 26-й армий. Несмотря на то что наступательные операции не имели ожидаемых результатов, они все же позволили сковать силы противника и сорвать готовящееся наступление на Мурманск. Воины, принимавшие участие в этих операциях, показали образцы героизма, стойкости и мужества, несмотря на тяжести военного быта, катаклизмы природы и ошибки командного состава, еще не успевшего оправиться после волны репрессий конца 1930-х годов.

В информации Генерального штаба Красной армии о весенних боевых операциях 14-й и 26-й армий 1942 года, разосланной начальникам штабов фронтов и армий, было указано, что «обе армии не добились выполнения поставленных перед ними боевых задач и после незначительных местных успехов приостановили наступление и закрепляются на достигнутых рубежах. Основной причиной малого успеха <...> нужно считать неподготовленность» [5: 231].

Поставленные перед советскими войсками задачи в ходе Мурманской и Кестеньгской операций выполнены не были, несмотря на стойкость и беспредельное мужество, проявленные личным составом. В итоге стороны практически остались на прежних позициях, хотя действия Красной армии заметно ослабили силы противника, заставив его отказаться от наступления, запланированного на лето 1942 года. Карельский фронт до лета 1944 года находился в активной обороне и был расформирован 15 ноября 1944 года в связи с выходом Финляндии из войны. После этого войска фронта стали постепенно перебрасываться на Дальний Восток. Красная армия, а вместе с ней и советские контрразведчики готовились к войне с Японией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 17. Л. 1.
- ² Там же. Л. 9–10.
- ³ Там же. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶ Там же. Л. 21–22.
- ⁷ Там же. Л. 46.
- ⁸ Там же. Л. 46.
- ⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁰ Там же. Оп. 71. Д. 71. Л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Д. 65. Л. 79.
- ¹⁵ Там же. Д. 71. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 5–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абатуров В. В., Морозов М. Э. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 448 с.
2. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. 756 с.
3. Кабанов С. И. Поле боя – берег. М.: Воениздат, 1977. 364 с.
4. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 360 с.
5. По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
6. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М.: Издательство Главархива Москвы: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. 343 с.

Kuzyaeva S. A., m/u 1168 (Moscow, Russian Federation)

MILITARY INTELLIGENCE ON KARELIAN FRONT EVENTS IN SPRING OF 1942

The article is concerned with two World War II combat operations that the Red Army carried out on the territory of Karelian Republic and the Arctic Region in spring of 1942. These operations known as Murmansk and Kestenga offensives turned into a real challenge for commanders and fighter units of the 14th and 26th Armies. The events are considered from the Soviet military counter-intelligence perspective. One of the officers' duties was to inform their military council and the Red Army command about every problem revealed in the armed forces. Military counterintelligence officers located at the headquarters, command posts, and in the Red army ranks during various battlefields reported on miscalculations in combat operations plans, military intelligence ineffectiveness, personnel losses, ineffective actions of the troops and military staff failures. Their reports also informed about the lack of weaponry, poor gear, inadequate provision of personnel in severe climatic conditions, immoral actions of the personnel, the lack of proper equipment repair and etc. The article is based on declassified, for the first time, and introduced into the scientific circulation documents of the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation.

Key words: the Great Patriotic War, Karelian Front, military counterintelligence, Murmansk offensive, Kestenga offensive, the NKVD special departments, Army 14, Army 26

REFERENCES

1. Abaturov V. V., Morozov M. E. *Neizvestnye tragedii Velikoy Otechestvennoy. Srazheniya bez pobed* [Unknown tragedies of the Great Patriotic war. Battles without victories]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2008. 448 p.
2. *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic war. 1941: Research, documents, comments] / Editor-in-chief V. S. Khristoforov. Moscow, Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy Publ., 2011. 756 p.
3. Kabanov S. I. *Pole boya – bereg* [Battlefield is a shore]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 364 p.
4. *Karel'skiy front v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Karelian Front in the Great Patriotic war 1941–1945]. Editor-in-chief A. I. Babin. Moscow, Nauka Publ., 1984. 360 p.
5. *Po obe storony Karel'skogo fronta 1941–1944. Dokumenty i materialy* [Karelian Front on both sides in 1941–1944. Documents and materials]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 636 p.
6. *“Smersh”: Istoricheskie ocherki i arkhivnye dokumenty* [“Smersh”: Historical essays and archival documents]. Moscow, Izd-vo Glavarkhiva Moskvy, ОАО “Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya” Publ., 2003. 343 p.

Поступила в редакцию 16.05.2016

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУСЛАНОВ

главный научный сотрудник Отдела археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (Уфа, Российская Федерация)
butleger@mail.ru

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СИСТЕМЕ СТАРИЧНЫХ ОЗЕР БЕРЕГОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (БАШКИРСКОЕ ПРИУРАЛЬЕ)

Дана предварительная интерпретация имеющегося археологического материала со стоянок срубной культуры эпохи поздней бронзы Озерки 1–5, расположенных на берегах старичных озер Береговского археологического микрорайона (АМР), в предгорной части западных склонов Южного Урала. Своеобразие Береговского АМР обусловлено рекой Белой, имеющей широтное направление. При пересечении современной рекой древней речной долины, хорошо выраженной в рельефе микрорайона, образуются расширенные чашеобразные локальные понижения, часто обладающие особым природным микроклиматом, своеобразным растительным миром, обусловленным особенностями почв. Реконструирована экологическая обстановка на момент существования стоянок. Проведена попытка синхронизации памятников с Береговским-1 поселением. Дана предварительная датировка стоянок. Показана связь природного окружения и роли старичных озер в формировании поселенческой структуры Береговского АМР в эпоху поздней бронзы. Установлено, что наиболее распространенным типом заселения на территории микрорайона является прибрежно-озерный. Выделен Береговско-Озерковский очаг археологических памятников. При подобном типе расположения поселений характерно существование компактных населенных пунктов, а также распространенность дополнительных сезоннообитаемых поселений-отгонов с интенсивными межселенными связями. Ключевые слова: эпоха бронзы, срубная культура, археологический микрорайон, датировка, палеоэкология

Эпоха бронзы Евразии отличается появлением и длительным существованием культурных образований, объединяемых в культурно-исторические общности или области (далее КИО), занимавшие огромные по протяженности территории. По всей видимости, их формирование связано с глобальными перемещениями мобильных человеческих коллективов, что способствовало распространению и сохранению отличительных признаков и традиций, присущих той или иной культуре, что, в свою очередь, приводило к сложению разнообразных связей и консолидации родственного населения по всему шлейфу распространения культурных стереотипов развивающихся КИО. Одним из таких крупных образований начала – середины II тыс. до н. э. является срубная КИО. Основной массив памятников срубной КИО зафиксирован на территории лесостепной и степной зон от Приуралья до Нижнего Подунавья и севера Балканского полуострова до Зауралья. Отдельные памятники срубного типа известны вплоть до южных пределов Средней Азии.

На Северо-Западе России на сегодняшний день не выявлено материалов, относящихся к срубной КИО. Единственной задокументированной находкой, возможно связанной с изделиями Волго-Уральского очага металлообработки, может считаться двухлезвийный черешковый нож с ложным ребром по листовидному клинку, переходящим в черенок, найденный в д. Вельцы

в Северном Поволжье [23]. Трансляторами подобных металлических изделий на север могли являться носители культуры сетчатой керамики, памятники которой прослежены вплоть до Среднего Поволжья – одной из зон компактного проживания срубных племен.

Рассматриваемые в статье памятники Береговского АМР расположены в Башкирском Приуралье на северо-восточной периферии срубной КИО. Район западных склонов Южного Урала с абсолютными отметками высот от 500 до 1000 м вытянут в широтном направлении узкой полосой вдоль долины р. Белой. Более спокойным холмисто-увалистым рельефом отличается юго-западная часть Бельской предгорной равнины со средними высотами 150–280 м, отдельные положительные формы рельефа (гряды, останцы и др.) местами достигают 350–400 м. Составной частью равнины выступает территория Береговского археологического микрорайона (далее БАМР). С севера она ограничена р. Малая Белая, являющейся старицей рек Белая и Зирганка. С запада границей служит русло р. Белая. Река Нугуш, впадающая в Белую, является естественной южной границей. С востока микрорайон ограничен западными отрогами Уральских гор высотой от 200 до 400 метров. Территория БАМР занимает часть широкой (до 7 км) поймы р. Белая. Обычно пойма реки в этих местах образует множество обводненных проток и старичных озер и изобилует разнотравными

пойменными лугами. Берега озер здесь понижены и сглажены, бровка надпойменной террасы не превышает высоты 1,5–2 м. Все это весьма благоприятно для выпаса скота и организации водопоя. Ярким примером территории, включающей в себя локальные низины, сформированные главным образом пересечением более молодой, глубокой и узкой долиной Белой древних широких и плоских долин, сформировавшихся в неогене, является Береговский археологический микрорайон.

В ландшафтном отношении территория микрорайона относится к наветренным предгорным равнинам Михайловско-Воскресенского района широколиственных, липовых, кленово-ильмово-липовых, дубовых лесов и типчаковых степей. Общий ландшафт может быть назван ландшафтом сплошных широколиственных лесов, более крутые и каменистые инсолируемые склоны внизу заняты темно-серыми и несколько выше серыми лесными почвами. На таких склонах произрастают липово-дубовые и кленово-ильмово-дубовые леса. На пониженной половине микрорайона рельеф сравнительно более спокойный и сглаженный. Здесь ландшафт представляет собой северную лесостепь с крупнотравно-вейниковыми лугами и типчаковыми степями, а в юго-западной части – также и обыкновенно ковыльными степями. БАМР дренирует река Белая с притоками Нугуш, Зирганка.

Эволюция и периодическое смещение русловых форм оставили сеть больших и малых старичных озер, раскинутых по всей территории микрорайона, наиболее крупные из них – Тукмакуль, Муллиное, Сеицкое, Лопушистое. Все известные поселения эпохи бронзы расположены в непосредственной близости от воды и приурочены обычно к первым надпойменным старичным террасам. Наиболее ярким примером этого является группа стоянок Озерки 1–5 у системы Лопушистых озер.

История открытия стоянок связана с деятельностью Мелеузовского разведочного отряда под руководством В. Д. Викторовой. В 1954 году отрядом были выявлены несколько поселенческих памятников, в том числе стоянки Озерки 1–3, отнесенные к срубной культуре. На стоянке Озерки-2 были зафиксированы следы двух жилищных котлованов размерами 8 × 6 м и 20 × 12 м. На стоянке Озерки-3 выявлены четыре оплывшие впадины размерами 16 × 10 м, 10 × 9 м, 11 × 8 м и 10 × 8 м. На стоянке Озерки-2 следы металлургической деятельности в виде кусочков руды были найдены в пределах котлована № 2. На Озерках-1 руда была выявлена на всей площади стоянки [3: 20–21].

В 1978 году открыта стоянка Озерки-4, памятник был отнесен к кругу поселений срубной культурно-исторической общности. Выявленные В. Д. Викторовой жилищные котлованы к этому

времени в ходе сельхозработ оказались полностью сnivelированы [2]. В 2013 году была выявлена стоянка Озерки-5, на площадке которой найдены следы металлургии в виде кусочков шлака и керамика срубной культуры [14]. В 2014 году была изучена южная оконечность стоянки Озерки-1 [16].

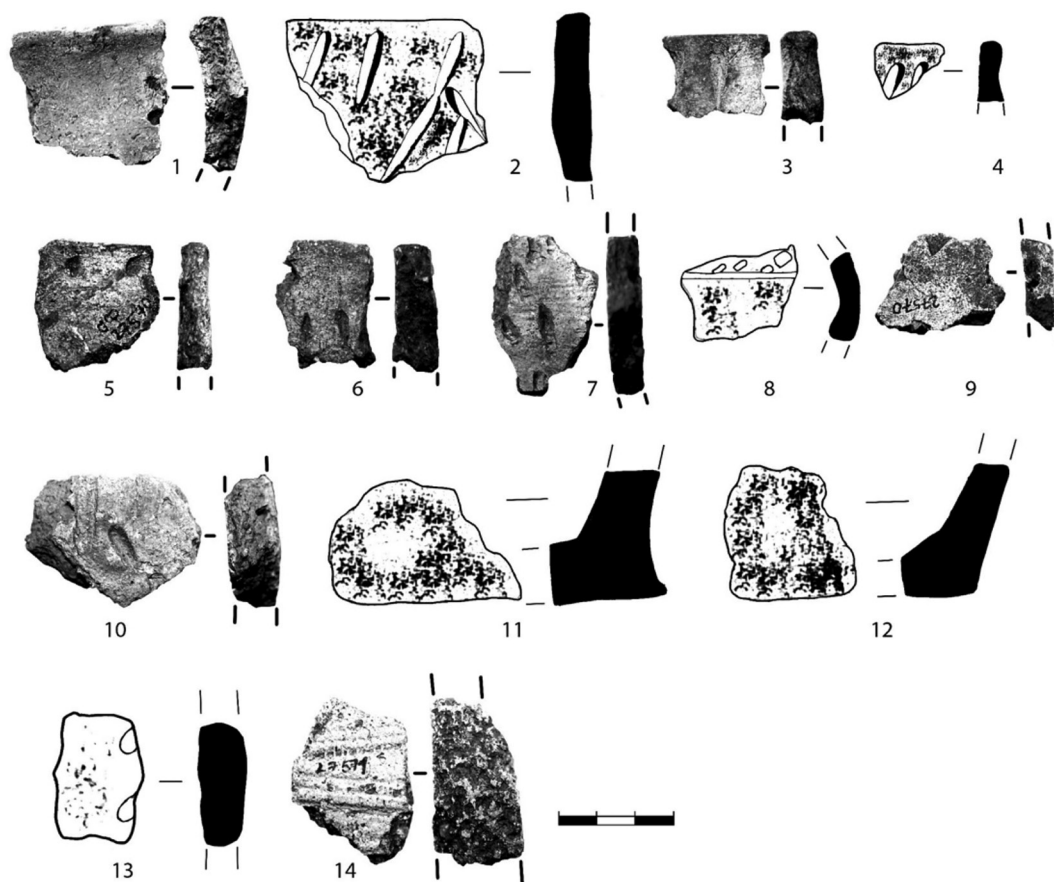
Таким образом, за эти годы в системе Лопушистых озер выявлено пять стоянок эпохи бронзы, отнесенных авторами к поселенческим памятникам срубной КИО. В топографическом отношении стоянки находятся на первой двухметровой надпойменной террасе, вытянувшись вдоль берега озера с запада на восток. Памятники находятся на расстоянии не более 200–250 м друг от друга в зоне прямой видимости от Береговского-1 поселения – крупнейшего синхронного памятника микрорайона. Данное обстоятельство наводит на мысль о существовании некой поселенческой агломерации, объединяющей стоянки вокруг Береговского-1 поселения в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными и культурными связями. Подобный тип расположения поселений свойственен очаговой форме расселения, для которой характерны существование компактных населенных пунктов, а также пространенность дополнительных сезоннообитаемых пунктов [15]. Именно таким очагом является Береговско-Озерковский, включающий 7 объектов (Береговский-1, 2 поселения, стоянки Озерки 1–5). Границами этого очага служат старичные озера, на берегах которых расположены памятники, описывая зону хозяйственного освоения, а вместе с тем очерчивая границы самого Береговского микрорайона. Эта модель присуща и для остальных поселенческих памятников микрорайона, население которых оседало исключительно вдоль берегов озер-старич.

Керамический материал, полученный при исследовании стоянок Озерки-1, 3, 5, составляет 249 фрагментов. Орнамент представлен резными линиями, ногтевыми вдавлениями, оттисками шагающей гребенки, гребенчатого штампа, характерными для развитого этапа срубной культуры (рисунок). У 3 фрагментов со стоянки Озерки-5 (1,2 %) встречена примесь талька в тесте. Цвет керамики пепельно-серый, темно-серый и светло-коричневый. У 3 фрагментов (1,2 %) со стоянок Озерки-1 и 3 рецепт формовочной массы иной – высокопластичная глина + тальковый сланец, в 3 случаях (1,2 %) наблюдается смесь двух глин (ожелезненной и нежелезненной). Ожелезненная глина слабопластичная, содержит естественную примесь песка и бурого железняка, эта глина дробилась и замешивалась в сухом состоянии. Для керамики со стоянки Озерки-1 (240 фрагментов) (96,4 %) фиксируется также определенная устойчивость приспособительных гончарных

традиций, связанная с превалированием использования высокопластичной ожелезненной глины и рецепта пластичное сырье (ПС) + шамот (Ш) + органика (О) [5]. Однако широкая вариативность традиций как отбора исходного сырья (особенно использование глиняных концентратов), так и составления формовочных масс указывает на какие-то внешние факторы, приводящие к изменению устойчивых технологических приемов. Это могло быть связано с процессами активных межкультурных контактов, что подтверждается наличием керамики с примесью

талька, характерной для алакульских памятников Башкирского Зауралья.

Из имеющихся 22 фрагментов костей со стоянки Озерки-1 определимы до вида 12 фрагментов¹. Преобладающим видом являются кости коровы, мелкого рогатого скота и лошади. На одном фрагменте фиксируются следы обработки металлическим орудием. В целом даже эта чрезвычайно малая выборка схожа по видовому составу с остеологическим материалом срубных поселений региона Мурадымовского, Аитовского и Чишминского поселений [12].

Керамика срубной археологической культуры: 1–10 – Озерки-1; 11–12 – Озерки-3; 13–14 – Озерки-5

Данных для синхронизации и датировки стоянок пока крайне мало, однако имеющийся материал позволяет высказать несколько замечаний. Наиболее ранними, на наш взгляд, являются стоянки Озерки-1, 3. В пользу этого говорит керамика раннесрубного облика с кружковым орнаментом и оттисками веревочки на стоянке Озерки-1 [18]. Опираясь на керамический материал, стоянки Озерки-1, 3 предварительно могут быть отнесены к раннесрубному времени XX (XIX)–XVIII (XVII) вв. до н. э. [1]. Отсутствие раннесрубных признаков (орнамента, нанесенного среднезубчатым штампом, прочерчиванием, округлых, овальных, подквадратных,

крупных треугольных вдавлений и оттиска шнура) в керамическом комплексе стоянок Озерки-2, 4, 5 позволяет отнести их к развитому этапу срубной культуры, датируемому на основании новейших радиоуглеродных дат XVII–XV вв. до н. э. [22], [24].

Керамика с примесью толченого талька на стоянках Озерки-1, 3 отнесена к алакульской культуре. Подобная же посуда (алакульской культуры) без следов миксации встречена в пределах постройки VII Береговского-1 поселения, что, по мнению Н. Г. Рутто, говорит о взаимодействии срубного и алакульского населения в пределах Береговского микрорайона уже на начальном

этапе заселения. Вероятно, носители этой керамики проникли на территорию микрорайона, уже занятую раннесрубным населением, с территории Южного Зауралья [17: 38, 100].

Причину появления такого количества поселенческих памятников на ограниченной территории следует искать в палеоэкологической обстановке. Эпоха поздней бронзы охарактеризована как климатический оптимум (оптимальное соотношение тепла и влаги, обеспечивающее максимальную продуктивность экосистем), что подтверждается появлением множества поселений срубной КИО.

Природно-климатическая ситуация на территории лесостепного Приуралья в это время связана со среднесуббореальным потеплением (2200–1400 гг. до н. э.), в хронологические рамки которого входит развитый этап срубной культуры. Континентальность климата была ниже, чем сейчас. Это выражалось в уменьшении контраста летних и раннеосенних температур в течение дня. Количество осадков было близко современным [6: 52–59], [7], [20: 163–165]. В это время граница между лесом и лесостепью проходила севернее широты г. Стерлитамака, достигая положения, близкого к современному, при отсутствии резкого смещения ландшафтных зон [9: 36], [21: 49].

Доминирующим типом растительности на территории лесостепного Приуралья стали со-

сновые леса с небольшой примесью елей, ольхи и липы. В них встречались единичные группы дуба, вяза малого и лещины обыкновенной. Липа являлась почти постоянной примесью к хвойным лесам. Местами леса прерывались открытыми степными пространствами с преобладанием пыльцы травянистых растений [9], [12]. Таким образом, можно предполагать, что в период существования Озерковских стоянок природно-климатические условия были близки современным. Это подтверждается новейшими палеоэкологическими исследованиями культурных слоев Мурадымовского и Ново-Байрамгуловского I поселений, Лабазовского, Скворцовского курганных могильников, расположенных в схожих природно-климатических условиях Южноуральского региона [4], [12: 58–61], [13], [25].

Полученные предварительные выводы дают возможность синхронизации Озерковских 1–5 стоянок и Береговского-I поселения, а также открывают перспективу возможного удревнения взаимосвязанного комплекса поселенческих памятников в системе Лопушистых озер. Разнообразие же ландшафтных типов, по-видимому, удовлетворяло потребности коллективов при ведении комплексного хозяйства, что, в свою очередь, обуславливало длительное проживание населения в пределах микрорайона.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Определения научного сотрудника Отдела археологии ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» А. А. Романова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахшиев И. И. Проблема межкультурного взаимодействия населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: культурная стратиграфия и относительная хронология // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. 2. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 158–163.
- Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф. Разведочные работы в Башкирской АССР // *Археологические открытия*. М.: Наука, 1979. С. 193–194.
- Красноперова (Викторова) В. Д. Научный отчет Мелеузовского разведочного отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1954 г. // *Архив Института археологии РАН*. Ф. 1. Р. 1. № 1034.
- Лаптева Е. Г., Корона О. М. Растительность лесостепи Южного Зауралья в голоцене // *Экология древних и традиционных обществ: Сб. докладов конференции*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 55–58.
- Мухаметдинов В. И., Русланов Е. В. Технико-технологический анализ керамики позднебронзовой стоянки Озерки-1 в Башкирском Приуралье // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: «История. Регионоведение. Международные отношения»*. 2015. № 5 (35). С. 9–16.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. 98 с.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.
- Немкова В. К. История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время // *Актуальные вопросы современной геохронологии*. М.: Наука, 1976. С. 259–275.
- Немкова В. К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // *К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья*. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1978. С. 4–45.
- Немкова В. К. Природные условия Южного Предуралья в эпоху бронзы // *Бронзовый век Южного Приуралья*. Уфа: Изд-во БФАН, 1985. С. 111–115.
- Обыденнов Г. Т., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998–2008 гг.) // *Труды Камско-Вятской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. 5. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 76–83.
- Петренко А. Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Сер.: «Археология евразийских степей». Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2007. Вып. 3. 144 с.
- Рафикова Я. В., Федоров В. К. Исследования поселения Ново-Байрамгулово-1 (святилище Бакшай) в 2015 году // *Вестник ВЭГУ*. 2015. № 6 (80). С. 198–202.

14. Русланов Е. В. О правомерности выделения Береговского археологического микрорайона в лесостепном Приуралье // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 41–43.
15. Русланов Е. В. Природно-географические условия пространственной организации поселений эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 362–365.
16. Русланов Е. В., Обыденнов М. Ф. Памятник эпохи поздней бронзы «Озерки-1, стоянка» (предварительные результаты междисциплинарных исследований) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 321–324.
17. Рутто Н. Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.
18. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
19. Хисматов М. Ф., Сухов В. П. География Башкирии. Уфа: Китап, 2000. 197 с.
20. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.
21. Хотинский Н. А. Следы прошлого ведут в будущее. Очерки палеогеографа. М.: Мысль, 1981. 160 с.
22. Черных Е. Н. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
23. Юшкова М. А. Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 272–277.
24. Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew A. C. Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. № 312. P. 333–367.
25. Sherbakov N., Shuteleva I., Obydenova G., Balonova M., Khohlova O., Golyeva A. Some results of the application of a complex approach to the research of the late Bronze age Muradymovo settlement in the Volgo-Ural region // *Interdisciplinaria archaeologica natural sciences in archaeology*. Vol. I. Issue 1–2/2010. P. 29–36.

Ruslanov E. V., State Budgetary Institution of Historical and Cultural Memorial Estate “Ancient Ufa”
(Ufa, Russian Federation)

LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE SYSTEM OF OXBOW LAKES OF BEREGOVSKY ARCHAEOLOGICAL DISTRICT (BASHKIR CISURALS)

The article provides preliminary interpretations of collected archaeological materials on wood log settlements of the late Bronze Age Ozerki 1–5. The settlements are situated on the banks of the oxbow lakes of Beregovsky archaeological district, which is located on the foothills of the Western slopes of southern Urals. The special character of Beregovsky district is conditioned by the latitudinal direction of the flow of the river Belaya. The topography of the area is well expressed at the crossroad of ancient rivers. Multiple advanced cup-shaped shells developed in the area. Due to the particular natural environment and special characteristics of the local soil the area developed unique fauna. Environmental conditions at the time of the camps' existence were reconstructed in the course of our research. Relationships of the natural environment and the role of the oxbow lakes in the development of the settlements' system in Beregovsky district of the late Bronze Age are revealed and described. Results of the research showed that the most common types of settlements were located in the coastal area of the lake. The area of Beregovsko-Ozerkovskaya archaeological sites was distinguished. These sites are characterized by compact human settlements and by the presence of additional settlements on distant pastures.

Key words: Bronze Age, wood log culture, archaeological district, dating, paleoecology

REFERENCES

1. Bakhshiev I. I. The problem of intercultural interaction of the population of the Bashkir Trans-Urals in the Bronze Age: cultural stratigraphy and relative chronology [Problema mezhkul'turnogo vzaimodeystviya naseleniya Bashkirskogo Zaural'ya v epokhu bronzy: kul'turnaya stratigrafiya i otnositel'naya khronologiya]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami*. Book 2. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2012. P. 158–163.
2. Gorbunov V. S., Obydenov M. F. Exploration in the Bashkir ASSR [Razvedochnye raboty v Bashkirskoy ASSR]. *Arkheologicheskie otkrytiya*. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 193–194.
3. Krasnoperova (Viktorova) V. D. Scientific report of Meleuz exploration group South Ural archaeological expedition 1954 [Nauchnyy ochet Meleuzovskogo razvedochnogo otryada Yuzhno-Ural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1954 g.]. *Arkhiy Instituta arkheologii RAN*. F. 1. R. 1. № 1034.
4. Lapteva E. G., Korona O. M. Vegetation of forest-steppe of southern Trans-Urals in the Holocene [Rastitel'nost' lesostepi Yuzhnogo Zaural'ya v golotsene]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Sbornik dokladov konferentsii*. Tyumen, IPOS SO RAN Publ., 2011. Issue 4. P. 55–58.
5. Mukhametdinov V. I., Ruslanov E. V. Technical and technological analysis of the ceramics of the late Bronze Ozerki-1 in the Bashkir Urals [Tekhniko-tekhnologicheskii analiz keramiki pozdnebronzovoy stoyanki Ozerki-1 v Bashkirskom Priural'e]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: "Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye ot-nosheniya"*. 2015. № 5 (35). P. 9–16.
6. Morgunova N. L., Gol'eva A. A., Evgen'ev A. A., Kitov E. P., Kuptsova L. V., Salu-gina N. P., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A. *Labazovskiy kurgannyi mogil'nik sрубnoy kul'tury* [Labazowski burial mounds of the wood log culture]. Orenburg, OGPU Publ., 2009. 98 p.
7. Morgunova N. L., Gol'eva A. A., Degtyareva A. D., Evgen'ev A. A., Kuptsova L. V., Salugina N. P., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A. *Skvortsovskiy kurgannyi mogil'nik* [Skvortsovskiy burial ground]. Orenburg, OGPU Publ., 2010. 160 p.
8. Nemkova V. K. History of the vegetation of the Urals during the late-and postglacial time [Istoriya rastitel'nosti Predural'ya za pozdne- i poslednikovoe vremya]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy geokhronologii*. Moscow, Nauka Publ., 1976. P. 259–275.
9. Nemkova V. K. Stratigraphy of the late-and postglacial deposits of the Urals [Stratigrafiya pozdne- i poslednikovyykh otlozheniy Predural'ya]. *K istorii pozdnego pleystotsena i golotsena Yuzhnogo Urala i Predural'ya*. Ufa, BFAN Publ., 1978. P. 4–45.
10. Nemkova V. K. Natural conditions of the southern Urals during the Bronze Age [Prirodnye usloviya Yuzhnogo Predural'ya v epokhu bronzy]. *Bronzovyy vek Yuzhnogo Priural'ya*. Ufa, BFAN Publ., 1985. P. 111–115.

11. Obydenнова G. T., Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B. Research results of the archeological expedition VGPU named after M. Akmulla in the last 10 years (1998–2008) [Itogi raboty arkheologicheskoy ekspeditsii BGPU im. M. Akmully za poslednie 10 let (1998–2008 gg.)]. *Trudy Kamsko-Vyatskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. Issue 5. Perm, PGPU Publ., 2008. P. 76–83.
12. Petrenko A. G. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoy deyatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Predural'ya (po arkheozoologicheskim materialam)*. Seriya "Arkheologiya evraziyskikh stepey" [The formation and development of bases of livestock activities in the history of the peoples of the Middle Volga and Urals (according to archaeo-zoological materials)]. Kazan, Institut istorii AN PT Publ., 2007. Issue 3. 144 p.
13. Rafikova Ya. V., Fedorov V. K. Research on the settlement of Novo-Bayramgulovo-1 (the sanctuary of Bakshi) in 2015 [Issledovaniya poseleniya Novo-Bayramgulovo-1 (svyatilishche Bakshay) v 2015 godu]. *Vestnik VEGU*. 2015. № 6 (80). P. 198–202.
14. Ruslanov E. V. On the legality of the allocation of Beregovsky archaeological district in the Urals forest-steppe [O pravomernosti vydeleniya Beregovskogo arkheologicheskogo mikrorayona v lesostepnom Priural'e]. *Perekhodnye epokhi v arkheologii: Materialy Vserossiyskoy arkheologicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniye"*. Syktyvkar, IYaLI NTs UrO Publ., 2013. P. 41–43.
15. Ruslanov E. V. Natural and geographical conditions of the spatial organization of settlements of the Bronze Age archaeological Beregovski district [Prirodno-geograficheskie usloviya prostranstvennoy organizatsii poseleniy epokhi bronzy Beregovskogo arkheologicheskogo mikrorayona]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan, Otechestvo Publ., 2014. Vol. IV. P. 362–365.
16. Ruslanov E. V., Obydenov M. F. Monument of the late Bronze Age Ozerki-1, (preliminary results of an interdisciplinary study) [Pamyatnik epokhi pozdney bronzy "Ozerki-1, stoyanka" (predvaritel'nye rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 321–324.
17. Rutto N. G. *Srubno-alakul'skie svyazi na Yuzhnom Urale* [Wood log culture of South Urals]. Ufa, Gilem Publ., 2003. 212 p.
18. Sal'nikov K. V. *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of southern Ural]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 408 p.
19. Khismatov M. F., Sukhov V. P. *Geografiya Bashkirii* [Geography of Bashkortostan]. Ufa, Kitap Publ., 2000. 197 p.
20. Khotinskiy N. A. *Golotsen Severnoy Evrazii* [Holocene of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 200 p.
21. Khotinskiy N. A. *Sledy proshlogo vedut v budushchee. Ocherki paleogeografa* [Traces of the past lead into the future. Essays of paleogeography]. Moscow, Mysl' Publ., 1981. 160 p.
22. Chernykh E. N. The formation of the Eurasian "steppe belt" of pastoral cultures: viewed through the prism of archaeometallurgy and radiocarbon chronology [Formirovaniye Evraziyskogo "stepnogo poyasa" skotovodcheskikh kul'tur: Vzgl'yad skvoz' prizmu arkheometallurgii i radiouglerodnoy khronologii]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2008. № 3 (35). P. 36–53.
23. Yushkova M. A. Metal products of the Bronze Age in the North-West Russia [Metallicheskie izdeliya epokhi bronzy na Severo-Zapade Rossii]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2010. Vol. 12. № 2. P. 272–277.
24. Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew A. C. Towards refined chronology of the Bronze Age of the southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. № 312. P. 333–367.
25. Sherbakov N., Shuteleva I., Obydenнова G., Balonova M., Khohlova O., Golyeva A. Some results of the application of a complex approach to the research of the late Bronze Age Muradymovo settlement in the Volga-Ural region // *Interdisciplinaria archaeological natural sciences in archaeology*. Vol. I. Issue 1–2/2010. P. 29–36.

Поступила в редакцию 16.03.2016

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЕРМАКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования гуманитарного факультета, Тюменский государственный университет (Тюмень, Российская Федерация)
ermakova25@yandex.ru

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ПРОКОПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования гуманитарного факультета, Тюменский государственный университет (Тюмень, Российская Федерация)
prokopova.maya@yandex.ru

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ: СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИИ В ТЕКСТЕ

Рассматривается проблема индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц, которая квалифицируется как окказиональная фразеологическая деривация. Создание окказиональных фразеологизмов обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами автора текста. Произведенный языковой анализ позволяет утверждать, что производная единица сохраняет деривационные связи с мотивирующим узуальным фразеологизмом, а преобразовательные возможности фразеологизмов зависят от структуры, семантики, образной основы производящего фразеологизма, его способности/неспособности к грамматическим изменениям. Результаты исследования показывают, что уникальность отфразеологических окказионализмов позволяет создать эффект новизны, свежести восприятия проблемы, подчеркнуть эмоциональность, экспрессию. Наиболее яркие отфразеологические окказионализмы становятся востребованными, повторяются в языке других авторов и, как следствие, постепенно входят в лексико-фразеологическую систему русского языка. Ключевые слова: неологизация, отфразеологический окказионализм, агглютинация, отфразеологическое словообразование

Анализируя неологизацию как языковое и речевое явление и неологизмы как единицы языка и речи, нельзя не разграничивать их с окказиональными словами. Термином «окказиональное слово» обозначаются все речевые новообразования независимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка. Окказиональные слова присущи только определенному контексту, они создаются одномоментно для определенного текста, для речевого акта. Исходя из такого понимания новое в языке квалифицируется как неологизм, новое в речи – как окказионализм. Создание и употребление окказиональных единиц разных уровней является одной из возможностей создания экспрессии, она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что, в свою очередь, приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом.

Фразеологическим единицам (ФЕ) также не чуждо явление окказиональности, которое квалифицируем как явление окказиональной фразеологической деривации. В результате образуются окказиональные варианты и окказиональные фразеологизмы, соотносимые со своей деривационной базой – узуальными ФЕ. Под окказиональным фразеологизмом понимаем фразеологизм, претерпевший структурно-семантические или семантические трансформации, обусловленные коммуникативно-прагматическими задачами автора текста, сохранившие деривационные связи с мотивирующим фразеологизмом [4].

Особенно часто ФЕ подвергаются индивидуально-авторской трансформации в текстах художественных произведений. Потенциальные возможности преобразований фразеологизмов зависят от структурно-семантических особенностей ФЕ, их образного характера, специфики внутренней формы, расчлененности грамматической структуры. Одна из основных причин использования языковых единиц-трансформов в художественном тексте заключается в том, что «преобразование фразеологизмов позволяет вернуть эффект неожиданности и свежесть восприятия, вновь выделить устойчивые образные выражения в контексте обыденной речи» [5]. Наиболее яркие отфразеологические окказионализмы становятся востребованными, повторяются в языке других авторов, таким образом постепенно входят в лексико-фразеологическую систему русского языка.

Вслед за Н. М. Шанским, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко называют два типа индивидуально-авторских преобразований: семантические и структурно-семантические. Каждый тип преобразований включает в себя различные приемы. На наш взгляд, одним из активных структурно-семантических преобразований является агглютинация. Под агглютинацией в сфере фразеологии понимаем способ образования слов на базе фразеологизмов, при котором происходит механическое соединение не соединяемых в свободном употреблении двух (или более) компонентов фразеологизма в одно целое: *лить воду* →

водолей, закидать шапками → шапкозакидательство, трепать нервы → нервотрепка, сосать кровь → кровосос, щипать душу → душещипание, лизать блюдо → блюдолиз, испускать бумагу → бумагоиспускание [3: 212]. На первый взгляд, процесс агглютинации напоминает сложение или сращение (способы словообразования), так как «при образовании производного слова на базе фразеологизма компоненты “приклеиваются, склеиваются” и превращаются в морфему в составе новообразования». Но все же отличие агглютинации весьма существенно: «компоненты фразеологизма только фонетически отражают связь со словом, так как в составе фразеологической единицы они преобразовались, но не сохранили того лексического значения, которое было свойственно им, когда они были самостоятельными лексемами; следовательно, они утратили и свойство самостоятельного слова называть предметы, действия, признаки, явления и т. д. в отличие от сложных слов, которые образуются при соединении самостоятельных лексем». При этом «структура производного слова остается прозрачной, границы морфем отчетливо видны, на стыках морфем не возникает, как правило, значительных звуковых изменений, а возникшие носят единичный характер» [4: 265–266].

Производную лексему, появившуюся в результате агглютинации, квалифицируем как отфразеологический окказионализм – неузualmente речевую лексическую единицу, образованную на базе ФЕ, созданную говорящим одновременно под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом – для выражения смысла, необходимого в данном случае [4].

Такого рода новации особенно востребованы в художественной литературе, публицистике. Их уникальность позволяет создать эффект новизны, свежести восприятия проблемы. Более того, окказиональная лексема может стать отправной точкой для формирования образной системы всего текста, делая его запоминающимся и оригинальным.

Так, интересно проследить рождение и существование в русском языке окказиональной отфраземной лексемы *какбычегоневышлисты*. В основе окказиональной лексемы лежит крылатая фраза, ставшая фразеологизмом, *как бы чего не вышло*, которая «восходит к “Современной идиллии” М. Е. Салтыкова-Щедрина, где чиновники хором твердят: “Как бы чего не вышло!” Широкую популярность обороту принесло его употребление А. П. Чеховым» [11]. Действительно, главный герой рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» учитель Беликов крайне мнителен и осторожен во всем, жизнь его ограничена правилами и запретами, и эту ограниченность он распространяет на окружающих его людей: «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. <...> В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда в городе раз-

решали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо: – Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да **как бы чего не вышло**».

Значение данного выражения определяется в словарях следующим образом: «о поведении и принципе жизни трусливого и нерешительного человека» [11], «иронический комментарий к поведению робкого, “забитого”, излишне осторожного человека» [12].

Выражение *как бы чего не вышло* выступило в качестве производящей базы для слов *какбычегоневышлизм* и *какбычегоневышлист*.

В. П. Изотов считает, что способ словообразования, имеющий здесь место, – «голофразис в комбинации с апокопой и суффиксацией» [7], Е. А. Земская квалифицирует подобные образования как слияние [6].

Впервые в художественной литературе слово *какбычегоневышлист* встречается в стихотворении Н. И. Глазкова «Пароход четвертый», написанном в 1943 году: «**Какбычегоневышлисты и прочие дурни** // В литературе заботились лишь об одном: // Чтоб уровень стихов не превысил уровня // Хлебных, продуктовых и прочих норм» [1]. Стихотворение изображает мироощущение военной эпохи не с традиционной героической его стороны со свойственным времени высоким патриотическим пафосом, а с позиции очень личного (если не сказать – бытового) патриотизма и очень личного же отношения ко всем происходившим тогда событиям. Война для поэта – время потерь: «Все переменились и стали не те мы: // На фронте – потери, в тылу – потери», а кажущаяся упрощенность и сниженность оценок: «...было трудно: водки и хлеба // Населению не хватало», – на самом деле объясняется безыскусственностью восприятия реальности, пронзительной искренностью и прямотой: «Война грохочется, // Все еще ворочаясь, // Мне очень хочется, // Чтобы закончилась». С точки зрения Н. Глазкова, во времена потерь людей могла бы поддержать литература, не только официальная, но и та, что не воспевает, по его выражению, «знамен кармин», но чиновники от искусства следят, чтобы и стихи «выдавались» населению на уровне «хлебных, продуктовых и прочих норм». *Какбычегоневышлисты* в данном контексте – те, кто живет в соответствии с принципом «как бы чего не вышло», те, кто отнимает у людей, лишенных хлеба, еще и свободное слово, те, чья излишняя осторожность приводит во времена потерь к еще большим потерям, совершенно в этом случае не оправданным. Поэтому *какбычегоневышлисты* откровенно поставлены автором в один ряд с «дурнями».

Наряду со словом, обозначающим людей – носителей определенного образа мыслей, в публицистических и художественных текстах появляется и слово, обозначающее целое явление, – *какбычегоневышлизм* (по аналогии: капиталисты – капитализм, нигилисты – нигилизм). По наблюдениям Е. А. Земской, оно прозвучало у Е. Евтушенко уже «в 1971 году в речи

на V съезде писателей СССР: «...мы выбьем из траншеи искусства окопавшуюся там сейчас серость, трусость, **какбычегоневышлизм**» [6].

Оба окказионализма присутствуют и в стихотворении Е. Евтушенко с аналогичным названием, опубликованном в газете «Правда» в сентябре 1985 года: «Пока доказываются истины, // рушатся в никуда // **какбычегоневышлистами** высасываемые года... // **Какбычегоневышлизм**, // как засухой, столько выжгло» [2]. Стихотворение, остросатирическое по своему содержанию, написано в стилистике В. Маяковского, и потому неудивительно, что Евтушенко, и без того склонный в течение всей своей творческой жизни к продолжению традиций В. Маяковского, обращается к характерным для этого поэта приемам словотворчества. Кроме того, совершенно очевидно, что Е. Евтушенко был знаком с произведениями Н. Глазкова, составителем сборника стихов которого он выступил в 1989 году, и, конечно, цепляющее слово *какбычегоневышлисты* не могло пройти мимо него. Кстати говоря, впервые употребляя это слово в тексте, поэт закавычивает его, тем самым подчеркивая более раннее (вне данного текста) происхождение окказионализма: «Но есть *алкоголики трусости* // – особая категория. // “**Какбычегоневышлисты**” // – по образному слову» [2].

Впрочем, у Е. Евтушенко была собственная версия авторства данного слова. В интервью «Высказанная мысль – это тоже поступок...», взятом у поэта Александром Ольбиком в Риге все в том же 1985 году, приводится следующее его высказывание: «К написанию стихотворения “Какбычегоневышлисты” я долго готовился. Это не мое слово – это сказал Ленин: “Какбычегоневышлизм”. Как известно, у Ленина вообще очень много интересных неологизмов. Это слово я употреблял в своих выступлениях – в том числе на съездах писателей, на различных собраниях. Это определение уже давно звучит во мне и служит уничижительным ярлыком для всех трусов, перестраховщиков. И мне захотелось его реставрировать, поэтому я и расшифровал его в развернутом виде в стихотворении. Очень важно написать о явлении, которое видят все, но которое никто не затрагивает. Понимаете? “Какбычегоневышлисты” вовсе не заказ какого-то конкретного человека или какой-то редакции – это заказ времени, который висел в воздухе» [10].

Нельзя не заметить, что в произведении Е. Евтушенко окказионализм приобретает новый оттенок значения. *Какбычегоневышлизм*, слово с характерной формой, обозначает здесь не просто стиль жизни отдельных людей, а масштабное общечеловеческое явление, сопоставимое с такими нравственными категориями, как добро и зло, правда и ложь, милосердие и равнодушие, берущее начало в давние времена, от Архимеда, который просил точку опоры и которому «не дали этой точки: // “Кабы чего не вышло...”», продолжающееся в эпоху, когда «в колеса вставляли палки первому паровозу», и благополучно дожившее до современности с ее электрическим светом и кибернетикой. Намеренно гипертрофируются масштабы как послед-

ствий этого явления (*«Какбычегоневышлизм, // как засухой, столько выжгло»*), так и попытки с ним бороться (*«Кулаком по земному шару // Архимед колотил, как всевышний»*) [2].

С другой стороны, Е. Евтушенко, как и Н. Глазков, низводит *какбычегоневышлистов* до уровня «прочих дурней», окружая их собирательный образ атрибутами кондового бюрократизма и приземленной обывательщины: *«графины с водою»*, которые *«побулькивают по-алкашески»*, самовар, который *«весь от сомнений кипит»*, *«сытое и мордовитое»* ворчание. Активно Евтушенко использует здесь сниженную лексику: *по-алкашески*, *словесная бормотуха*, *прет кипятком*, разговорный фразеологизм *тамбовский волк* и трансформированные фразеологические единицы: *волокитовая шкатулка*, *рыцари долгого ящика* и др. Стремление к снижению образа и более четкой нравственной оценке явления приводит к появлению еще одного окказионализма – *какбычегоневышлистики*: *«Я приветствую время, когда по законам баллистики // из кресел летят вверх тормашками – // “какбычегоневышлистики”»* [2]. Использование суффикса *-истик* придает значению образованного окказионализма оттенок пренебрежительности, презрения. Нельзя также исключить и важности для автора созвучия слов – узуального и окказионального: *политик* – *какбычегоневышлистик*. Упоминаемые *кресла* и *кабинеты* (*«из кресел летят вверх тормашками»*; *«Великая Родина наша, // из кабинетов их выставь»*) в данном контексте выступают атрибутами высокой должности, атрибутами политика. Но *политик-какбычегоневышлистик* – это человек власти, употребляющий эту власть не во благо, *политик-консерватор*.

В этой связи интересно рассмотреть функцию появления в тексте окказионима *Какбычегоневышлистенко*: *«...и подсекала под корень // измученный колос лысенковщина, // и квакать учились курицы, // чтоб не попасть под налог. // В лопающемся френче // **Какбычегоневышлистенко**, // сограждан своих охраняя от якобы вредных затей, // видел во всей кибернетике лишь мракобесье и мистику // и отнимал компьютеры у будущих наших детей»*. В данном фрагменте речь идет о ряде политических кампаний, направленных против исследователей-новаторов, которые имели место в советскую эпоху. В частности, поэт говорит о лысенковщине – гонениях на ученых-генетиков, которые связывались с именем Т. Д. Лысенко, создателя лженауки «мичуринской биологии», хотя в переносном значении термин «лысенковщина» сегодня используется для обозначения любого административного преследования за передовые научные взгляды. Можно сделать вывод, что окказиональная фамилия *Какбычегоневышлистенко* составлена на основе окказионализма *какбычегоневышлист* с оглядкой на фамилию Лысенко как мифологизированного исторического лица. Такая деталь, как *френч*, в который, по воле автора, облачен персонаж, тоже вполне объяснима: по некоторым предположениям, к организации гонений ученых были причастны государственные

деятели, в том числе и сам И. В. Сталин. В строке: «*видел во всей кибернетике лишь мракобесье и мистику*» прочитывается ссылка на известную своим заголовком статью Михаила Ярошевского «Кибернетика – “наука” мракобесов», напечатанную 5 апреля 1952 года в «Литературной газете». Ссылка эта призвана указать на вполне конкретный случай проявления в целом вневременной и вненациональной проблемы. И хотя противодействие советского государства развитию кибернетики, которое якобы затормозило продвижение электронных технологий в нашей стране, сегодня признано одним из исторических мифов, у Е. Евтушенко эта аллюзия, так же как упоминание «Мастера и Маргариты», Маяковского, Гагарина и Филонова, работает на раскрытие основной идеи произведения. Кроме того, перечисленные персоналии демонстрируют извечное противостояние творческой личности (названы реально существовавшие люди, внесшие свой вклад в развитие культуры и цивилизации) какбычегоневышлестам, консерваторам, имеющим в стихотворении собирательный шаржированный облик и подчеркнута вымышленные имена – Петр Сомневалыч и *Какбычегоневышлестенко*.

Нельзя не обратить внимание также и на то, как обыгрывает Е. Евтушенко значение входящего в состав исходной фразеологической единицы компонента «выйти». В состав фразеологизма как бы чего не вышло глагол *выйти* входит со значением «произойти, случиться, получиться как следствие чего-либо» (ср.: *как бы чего не случилось*). Евтушенко же использует это слово и с другим его значением: «получиться в результате работы»: «*Есть люди, // всю жизнь положившие // чтобы хоть что-нибудь вышло, // и трутни, // чей труд единственный – чтобы не вышло ничто*». Таким образом, фразеологическая единица как бы чего не вышло опосредованно переживает семантическую трансформацию (как бы чего не было создано), и тем самым, соответственно, другое значение сообщается и образованным от нее окказионализмам: *какбычегоневышлесты* – это не только люди, живущие в страхе от всего нового, но и люди, активно противодействующие созиданию и творчеству.

Подытоживая вышесказанное, позволим себе не согласиться с Игорем Милославским, который пишет: «К сожалению, не становятся общеупотребительными словами русского литературного языка и полезные словесные изобретения наших выдающихся деятелей культуры. Евтушенковское *какбычегоневышлесты* умерло при рождении по многим причинам. Слишком длинно, во-первых. Опора на прецедентный текст из “Человека в футляре” А. П. Чехова, а значит, отсутствие уверенности стопроцентной узнаваемости критической массой носителей русского языка, во-вторых. А главное – нет познавательного открытия, поскольку называет то, для чего уже есть *перестраховщики, боящиеся ответственности, не готовые рисковать, бездейственные трусы*» [9]. С нашей точки зрения, сам поэт не опасается «внутренней конкуренции»

использованных для создания художественного эффекта средств, пожалуй, даже стремится достигнуть своеобразного словообразовательного излишества: «*И, отвергая всё новое, отклады- ватели, непушатели: “Это беспрецедентно!” – грозно махали печатями*». Как видим, Евтушенко ставит центральный окказионализм рядом с не менее яркими и экспрессивными словами: *откладыватели, непушатели*, несущими большую образную нагрузку, но тем не менее они не зате- няют необычность формы отфраземной лексемы: лексема *какбычегоневышлесты* сохраняет внутри произведения приоритет оригинальности, задает тон, выступает своего рода стержнем, на котором держится вся художественная конструкция стихотворения, объединяет и выстраивает все прочие изобразительно-выразительные средства языка (типа *алкоголики трусости*) в единую систему. Подобное явление, как отмечают исследователи, было характерно не только для Е. Евтушенко, но и для поэтики всех шестидесятников, в чьей среде, собственно, он и сложился как поэт: «В поисках усиления публицистической экспрессии у “шестидесятников” шлифовалось искусство афористической, хлесткой фразы, высокую цену приобретало акцентное слово – слово-клеймо, слово-ярлык, слово-эмблема» [8]. *Какбычегоневышлесты* является именно таким словом-клеймом, призванным обратить внимание на социальное явление, дать ему точную оценку, заставить запомнить.

Кроме того, по нашим наблюдениям, окказионализм *какбычегоневышлесты* вовсе не «умер при рождении», а занял свою нишу в публицистике, в различного рода медиатекстах и особенно в высказываниях на интернет-форумах, например: «<...> Вот господа “*кабычегоневышлесты*”, раз- решившие эту затею, и перестраховались: если не получится – ущерб державе невелик» (Сегодня № 86 (838) за 17.04.2001; режим доступа: <http://www.segodnya.ua/oldarchive/c2256713004f33f5c2256a30003eaaa4.html>); «<...> в условиях надвигающегося мирового кризиса <...> нужно было придумать некую страшилку <...> его пальчики в базе и как бы чего не вышло (так называемые “*какбычегоневышлесты*”)» (режим доступа: <https://charter97.org/ru/news/2010/4/21/28311/comments/>); «Такие вот раб- лепствующие консервативные “*кабычегоневышлесты*” и обеспечивают ту стабильную стагнацию, которую мы сейчас здесь имеем» (режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26417/3290645/>). Поэтому более справедливым кажется нам мнение Е. А. Земской по данному поводу: «Словечко *какбычегоневышлестизм*, видимо, семантически значимо для нашей эпохи. <...> Это существительное используется неоднократно; возможно, оно перейдет в разряд обычных слов языка» [6].

Возможно, окказионализмы *какбычегоневышлестизм, какбычегоневышлесты* и не войдут в активный словарный запас современных носителей языка, однако благодаря их появлению в соци- ально и культурно значимых художественных текстах они узнаваемы, употребительны и в целом вполне востребованы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 129.
² Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Сост. В. Серов. М., 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазков Н. И. Избранное / Сост. и науч. подгот. текста Н. Старшинова и Евг. Евтушенко. М., 1989. 541 с.
2. Евтушенко Е. Кабычегоневышлысты // Правда. 1985. 9 сентября. № 252 (24509).
3. Ермакова Е. Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 206–214.
4. Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: Монография. Тюмень, 2009. 414 с.
5. Ермакова Е. Н., Прокопова М. В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 271–281.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2007. 224 с.
7. Изотов В. П. О принципах составления словаря окказионализмов Николая Глазкова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipah-sostavleniya-slovyara-okkazionalizmov-nikolaya-glazkova> (дата обращения 12.03.2016).
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: В 3 кн. М., 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nnre.ru/literaturovedenie/sovremennaja_russkaja_literatura_1950_1990_e_gody_tom_2_1968_1990/p1.php (дата обращения 12.03.2016).
9. Милославский И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. 2006. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/mi14.html> (дата обращения 12.03.2016).
10. Ольбик А. «Высказанная мысль – это тоже поступок...» // Ностальгические хроники. М., 1985 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://det.lib.ru/o/olbik/naeshafotchtobydoc.shtml> (дата обращения 12.03.2016).

Ermakova E. N., Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev
(Branch of Tyumen State University) (Tobolsk, Russian Federation)

Prokopova M. V., Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev
(Branch of Tyumen State University) (Tobolsk, Russian Federation)

PHRASEOLOGICAL OCCASIONALISMS: THEIR TEXT FUNCTIONS AND WAYS OF FORMATION

The article deals with the problem of the author's individual transformation of phraseological units, which is regarded as an occasional phraseological derivation. Occasional phraseological units are determined by the communicative and pragmatic goals pursued by the author of the text. A conducted linguistic analysis suggests that a derivative unit retains derivational connections with the motivational phraseological unit. Transformative possibilities of phraseological units depend on the structure, semantics, figurative meaning of produced phraseologies, and their ability/inability to grammatical changes. According to the results of the research, unique phraseological occasionalisms are assistive in the creation of the effect of novelty and freshness of the problem perception. It also emphasizes emotiveness and expression. The most striking phraseological occasionalisms, due to their popularity, are used in the language of other authors, and, as a result, gradually become part of the lexical-phraseological system of the Russian language.

Key words: neology, phraseological occasionalism, agglutination, phraseological word-formation

REFERENCES

1. Glazkov N. I. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, 1989. 541 p.
2. Evtushenko E. I wish for nothing bad to happen [Kabychegonevshlysty]. *Pravda*. 1985. 9 sentyabrya. № 252 (24509).
3. Ermakova E. N. Word Formation Derived from Phraseological Units in the Contemporary Russian Language: Reasons, Conditions, and Mechanism [Otfrazeologicheskoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke: prichiny, usloviya, mekhanizm]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 2. P. 206–214.
4. Ermakova E. N. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii sovremennogo russkogo yazyka* [Word and Phrase-formation in the Field of Phraseology in Modern Russian Language]. Tyumen, 2009. 414 p.
5. Ermakova E. N., Prokopova M. V. Transformation of Phraseological Units as a Language Strategy of the Mass Literature (On the Basis of “Jade Beads” by B. Akunin) [Transformatsiya frazeologicheskikh edinit kak yazykovaya strategiya massovoy literatury (na materiale tsikla B. Akunina “Nefritovye chetki”)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 3. P. 271–281.
6. Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an active process]. Moscow, 2007. 224 p.
7. Izotov V. P. About Principles of Complying the Dictionary of Occasionalisms by Nicolai Glazkov [O printsipakh sostavleniya slovyara okkazionalizmov Nikolaya Glazkova]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012. № 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipah-sostavleniya-slovyara-okkazionalizmov-nikolaya-glazkova> (accessed 12.03.2016).
8. Leyderman N., Lipovetskiy M. *Sovremennaya russkaya literatura: V 3 kn.* [Modern Russian Literature]. Moscow, 2001. Available at: http://www.nnre.ru/literaturovedenie/sovremennaja_russkaja_literatura_1950_1990_e_gody_tom_2_1968_1990/p1.php (accessed 12.03.2016).
9. Miloslavskiy I. The Russian language as a cultural and an intellectual value and as a school subject [Russkiy yazyk kak kul'turnaya i intellektual'naya tsennost' i kak shkol'nyy predmet]. *Znamya*. 2006. № 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/mi14.html> (accessed 12.03.2016).
10. Ol'bik A. “A thought spoken aloud is also a brave act...” [“Vyskazannaya mysl' – eto tozhe postupok...”]. *Nostal'gicheskie khroniki*. Moscow, 1985. Available at: <http://det.lib.ru/o/olbik/naeshafotchtobydoc.shtml> (accessed 12.03.2016).

Поступила в редакцию 15.04.2016

ЛИАННА БЕНИАМИНОВНА МАТЕВОСЯН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации факультета русской филологии, Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)
lianna.matevosyan@ysu.am

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В «ПАУТИНЕ» КОНТЕКСТА

В процессе коммуникации говорящий воздействует на слушающего, побуждая его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. Часто одно и то же высказывание может иметь множество значений, которые ситуационно обусловлены и оформлены. В процессе общения слушающий дифференцирует их благодаря интонации и конситуации. Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога. Иностранцам такие значения часто представляются непонятными, поэтому этот аспект должен занять определенное место в обучении иностранцев живой русской речи.

Ключевые слова: высказывание, живая русская речь, множество значений, конситуация, интонация

По справедливому замечанию швейцарского лингвиста Ш. Балли, «...для каждого из нас язык, которым он пользуется ежеминутно и на котором выражает свои самые сокровенные мысли, является богатейшим источником самого достоверного лингвистического материала» [3: 38]. Таким источником является разговорная речь. «Воистину, – считает О. А. Лаптева, – настала пора конкретизировать мысль Л. В. Щербы, высказанную много десятилетий тому назад применительно к разговорной речи, – о ее роли как **кузницы языковых изменений**» (выделено нами. – Л. М.) [10: 345]. Ф. де Соссюр писал: «...наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающий в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучать то, что происходит в клеточках нашего мозга» (цит. по: [14: 14]).

При общении мы пользуемся знаками языка. Языковой знак обладает определенным, ясно осознаваемым значением. Ученые по-разному понимают значение: 1) значение – образ или информация (Л. О. Резников); 2) значение – обозначаемый предмет (считают логики); 3) значение – отношение (Л. А. Абрамян); 4) значение – функция, роль знака (И. С. Нарский). Наиболее верной нам представляется точка зрения Л. А. Абрамяна: значение – это отношение между элементами так называемой знаковой ситуации [1]. «Знаковая ситуация есть совокупность реальных семиотических элементов: знака, предмета, субъекта, других знаков, других субъектов, – закономерно связанных между собой» [7: 97]. Значение проявляет себя только в таких ситуациях, в которых функционируют знаки. Значение – это такое свойство знака, которое позволяет знаку служить посредником между

человеком и предметом обозначения. Значение позволяет знаку заменять собой предмет обозначения в актах коммуникативной и интеллектуальной деятельности человека. Знак воздействует на адресата потому, что он обладает значением. Каждый знак имеет значение до известной степени общее для множества или большинства людей, которые вместе с тем являются истолкователями, интерпретаторами знака. Безусловно, условием существования языка и является общепонятность знаков. Однако не следует забывать о «многозначности» знаков, возникающих в различных конситуациях общения. Таким образом, можно говорить лишь об относительном постоянстве значения знака: к конситуативной обусловленности значения знака присовокупляется также индивидуальное его истолкование [9: 44].

В процессе коммуникации говорящий воздействует на слушающего, побуждая (заставляя) его узнать свое намерение. Значение, которое имеет в виду говорящий, далеко не всегда совпадает с объективным смыслом высказывания. «Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием», – писал Дж. Серл [18: 68]. Обычно такие «значения говорящего» сиюминутны. Они, впитывая в себя конкретную коммуникативную ситуацию, рождаются и тут же погибают, не становясь достоянием всех носителей языка. С другой стороны, в процессе речевого общения мы наблюдаем, как те или иные «значения говорящего» (косвенные смыслы) повторяются и в силу этого закрепляются за данным высказыванием, которое используется уже не одним, а всеми членами языкового коллектива.

Сравним два внешне одинаковых высказывания, различающихся по смыслу: *Что вы (ты)*

делаете(-шь)?! – 1) как «вопрос-проявление интереса» и 2) как «констатация неодобрения» (= *Я не одобряю Ваших (твоих) действий*). В первом случае высказывание выступает в прямом значении – в значении вопроса о смысле действий адресата. Во втором случае мы имеем прагматическую интерпретацию (значение, которое имеет в виду говорящий) высказывания (см. [8: 370]).

Задача прагматики, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «...вывести те общие закономерности, которые действуют в беспокойной безбрежности субъективных смыслов, и установить степень их конвенциализованности» [2: 357].

Частотность многозначных высказываний в диалоге не удивляет, ибо именно «...диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и – шире – **как форма существования языка**» (выделено нами. – Л. М.) [5: 300]. Еще Л. В. Щерба указывал, что «...подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге» [17: 4]. Если целью речевой деятельности является коммуникация между членами коллектива, то представление о коммуникации, взаимодействии, контакте связано именно с диалогом. «Ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога...» [4: 27]. В качестве единицы диалога принято выделять диалогическое единство (см. [16]). Диалогическое единство представляет собой минимальную структурно-семантическую текстовую единицу диалогической речи, соотносимую со сверхфразовым единством в прозе. Диалогическое единство состоит из двух, реже – трех или четырех предложений-реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно. Именно диалогическое единство чаще всего является тем микро-текстом, в котором многозначное высказывание разворачивается, реализуя свое значение.

Иногда для понимания многозначного высказывания достаточно части диалогического единства, либо, наоборот, границы диалогического единства раздвигаются, расширяются. Контекст функционирования многозначных высказываний – это речевые построения, при помощи которых говорящие создают одну мысль. Обрамлением мысли говорящих является ситуация. Лингвистическая ситуация – это «содержательный базис жизни языка в социуме». При этом «функционирование языка в социуме не только ситуационно определено, но и ситуационно оформлено» [13: 150]. Многозначные высказывания, как правило, многоситуативны.

Многие высказывания речевого этикета многозначны и многоситуативны, но они носят ритуальный характер и в буквальном значении (значении «пожелания») употребляются редко. Однако Женьке, герою рассказа В. Токаревой «Зануда», присуще «...буквальное, прямое по-

нимание формул речевого этикета, без учета их условности, ритуальности. “Здравствуйте” он понимал как “будьте здоровы”, а “до свидания” как “до следующей встречи”. Ср.: В пять часов с работы вернулся Юра. Увидев его, Женька остановился и замолчал. – Добрый день, – поздоровался Юра. – Да, – согласился Женька, потому что считал сегодняшний день для себя добрым. Юра удивился такой форме вежливости» [11: 189].

Иногда буквальное понимание многозначного высказывания – всего лишь игра слов (каламбур), например:

...Где такая сила? – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она?

Максим пожал плечами:

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Вот те раз?

– Вот те два. Я такой силы не знаю. (В. Шукшин, Верую).

Или ответ *Сколько лет, столько и зим* на восклицание *Сколько лет, сколько зим?!*

Многозначность в многоситуативных высказываниях развивается на базе их эмоционального переосмысления говорящим. Высказывание *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)?* употребляется в прямом (буквальном) значении, равном сумме лексических значений составляющих высказывание слов (ср.: синонимичное ему предложение *Что тебе (вам) дать?*), и в значении «выражения недовольства», что является результатом эмоционального переосмысления его значения говорящим, которое в речи реализуется и дифференцируется благодаря ситуации и интонации. (Чувства свои выражаем не столько словами, сколько интонацией.) Например:

[Борис:] *Да я ведь не прошу мне отметки ставить за поведение. И расписываться в дневнике не прошу.* [Забродин:] *Нет, если бы ты поступил как полагается – ты бы просил. Ты бы всем свой дневник в нос совал.* [Борис:] *Чего ты хочешь от меня?* [Забродин:] *Хочу, чтоб ты был Забродин. Вот и все...* (И. Шток, Ленинградский проспект).

Высказывание *Что ты (вы) говоришь(-ите)?* употребляется в прямом значении «вопроса-просьбы повторить сказанное» и в значении «недоверия», «удивления-недоумения», «несогласия с мнением собеседника», «непонимания»:

[Катя (Мите):] *У него прекрасная тема для курсовой, уверяю тебя.* [Петя (хмуро):] *Невыгодно это.* [Митя:] *Что значит – невыгодно?* [Петя:] *Невыгодно – это и значит невыгодно. У меня вообще, честно сказать, последнее время раздумья, что я не туда пошел.* [Катя (в панике):] *Что вы говорите* (= Я не согласна с вами; Я не понимаю вас; Я недоумеваю.), *Петя? Вы ведь на хорошем счету, способный студент.* (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя зоря).

Высказывания *Что (это) такое? Что это значит?* употребляются как «вопрос с чисто

познавательной установкой» (выясняется, например, значение символа, слова) и могут выражать «непонимание» с оттенком «недоумения», а порой – «упрека» и «негодования». Ср.:

[Мотя (показывая книги):] *Вот тебе – шуба. Вот – коньки. А вот – варежки. Кто умен – догадайся, а кто глуп – молчи, жди до завтра.* (Уходит.) [Леонид (вслед):] *Не так, не так надо загадывать. Не дерево, а с листочками, не рубашка, а сшита. Что такое?* {чисто познавательный вопрос} Книга... (А. Афиногенов, Машенька).

[Нина:] *Что такое?* {«непонимание» = Что случилось? О чем речь?} *Кто нашелся? Какой брат?* (А. Вампилов, Старший сын).

[Эдуардов:] *Слава богу, отвязалась...* [Наконечников (вышел из оцепенения):] *Слушай, парень... Ты в своем уме или нет?* [Эдуардов:] *А что такое?* {«непонимание» с оттенком «недоумения»} (А. Вампилов, Несравненный Наконечников).

[Васенька (вдруг):] *Дрянь! Дрянь!* [Макарская:] *Что? Что такое?* {«непонимание» с оттенком «возмущения», «упрека»} *Ну и порядки!* [Васенька:] *Прости... Прости, я не хотел.* (А. Вампилов, Старший сын).

(Калошин «ворвался» в номер Виктории.) [Калошин:] (Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.) (Спокойно.) *Вам кого?* [Виктория:] *Что это значит?* {«упрек»} [Калошин:] *Вы о чем?* [Виктория:] *Что вы делаете?* [Калошин:] *Я?.. Лежу, как видите.* [Виктория:] *Да, но... Что это значит?* {«негодование»} [Калошин:] *Ничего. Лежу, и все... Решил немного отдохнуть, полежать, почитать книжечку. Что же тут удивительного?* [Виктория:] *Но это... это... Очень даже странно!* [Калошин:] *Об чем разговор, не понимаю.* [Виктория:] *Это же просто... я даже не знаю...* [Калошин:] *А что такое?* {«непонимание»} *Что вас волнует, не понимаю...* (А. Вампилов, Провинциальные анекдоты).

Высказывания *Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-те)? Что такое? Что это значит?* полисемантичны, между их значениями (прямым и переносным) существует определенная семантическая связь, имеются некоторые общие «элементы смысла» – значение «неопределенности». В одних высказываниях (*Что (Чего) ты (вы) от меня хочешь (хотите)? Что ты (вы) говоришь(-те)?*) семантический «зазор» между прямым и переносным значениями меньше, в других (*Что (это) такое? Что (это) значит?*) – больше. Эмоциональное переосмысление подобных высказываний в речи привело к образованию новых эмоционально-модальных значений. Таким образом, в речи чувства часто выражаются не только и не столько в слове, сколько в интонации, преобразующей значение целого высказывания.

Часто в семантике многоситуативных многозначных высказываний можно наблюдать яв-

ление синкретизма – такого сплава значений, который не поддается расщеплению, дифференциации. Такой сплав наблюдается, например, в высказывании *Вот как (что)?* Обычно оно выражает «удивление» (семантика такого типа предложений неопределенна, трудно объяснима, она обусловлена ситуацией). В определенной конситуации высказывание *Вот как?* может одновременно выражать и «удивление», и «сомнение», и «непонимание», и «неодобрение», и «упрек».

[Репникова:] *Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого – пусть.* [Репников:] *Нашей дочери ты желаешь...* *Вот как?* [Репникова:] *Так. И еще неизвестно, как лучше – так или по-другому.* [Репников:] *Я тебя не понимаю.* (А. Вампилов, Прощание в июне).

Вот как? может означать: *Я не понимаю, как ты можешь...; Я удивляюсь тому, что нашей дочери ты желаешь...; Я сомневаюсь в том, что...; Я не одобряю то, что ты...; Я упрекаю тебя за то, что ты...* Безусловно, в данном случае (как и во всех остальных) немаловажную роль играет интонация.

Таким образом, в высказывании «...форма часто способна выражать несколько, притом даже противоречивых, эмоций и часто выражает их не расчлененно, а синкретично – это отражает саму диалектику чувств живого человека» [6: 77].

Часто эмоциональное переосмысление приводит к такому разрыву значений, что рождается антонимичная пара, так называемая **энантнотомия**. Ср. *Ах вот как (что)?* – как «упрек» и как «радость»; *Хорош(-а, -и) (!)* – как «положительная» и как «отрицательная оценка кого-, чего-либо»; *Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась) (!)* – как «положительная» и как «отрицательная оценка кого-, чего-либо»; *Очень (Больно) надо (нужно) (!)* – как «необходимость» и, наоборот, «ненужность».

В подобных высказываниях роль интонации в выражении эмоционально-модального значения существенно возрастает, особенно «...если интонационная оценка противоречит лексическому значению слова» [15: 18]. (Ср.: *Хорош(-а, -и)!* или *Очень (Больно) надо (нужно)!* – сказанные иронически или с возмущением.) Высказывание *Откуда только ты такой(-ая) взялся(-ась)!* сродни фразеологическим единствам (ср.: *держи карман шире, плакали наши денежки и т. п.*). Подобно фразеологическому единству его значение потенциально выводимо из семантической связи составляющих компонентов; по внешней же форме оно совпадает со свободным предложением. Высказывание *Хорош(-а, -и) (!)* в прямом значении выражает положительную эмоцию (оценку), в переносном – отрицательную. Высказывание *Очень надо (нужно)* в буквальном значении, значении «необходимости», употребляется реже. Чаще оно употребляется в значении «ненужно-

сти», выступая в качестве эмоционально-экспрессивного синонима предложения **Не надо/Не нужно**, например:

[Лариса:] *Хочу, чтобы все началось сначала.*
[Валя:] *Опять в школу ходить? Очень надо!* {= Не надо.} [Лариса:] *Глупая ты, Валька.* (А. Арбузов, Иркутская история).

[Катя:] *...Помните эту пластинку? Ну, вспомните же быстро!* (Митя и Демин молчат.)
[Катя (качает головой):] *Вы действительно мхом обросли* [Демин (радостно):] *Вспомнил!* [Митя (удивленно):] *И что же такое сногшибательное ты вспомнил?* [Демин:] *А я Кате на ухо скажу.* (Встает, полупоклоном приглашает ее на танец.) *А ты сам постарайся вспомнить. Напряги головку-то, напряги малость.* [Митя (обиженно):] **Больно надо.** {= Не надо.} (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя зоря).

[Валя:] *Может, я вам приглянулась? Витенька, отойди, я тебя, кажется, разлюбила.* [Виктор (смеется):] **Нужна ты ему больно!** {= Не нужна ты ему.} *Он у нас парень дорогой. Лучшие на всем свете нет.* (А. Арбузов, Иркутская история).

Реализация данных высказываний в двух полярных, диаметрально противоположных, антонимичных значениях обусловлена прежде всего интонацией, важнейший компонент которой – ударение, словесное и смысловое. «Именно ударное слово является главной “точкой” выражения подтекста, а значит, и средоточием эмоций» [15: 10].

В высказывании **Очень надо (нужно)** в значении «необходимости» или «отрицания» логическое/смысловое ударение может падать как на слово **очень**, так и на слово **надо (нужно)**; иначе говоря, интонационный центр на слове **очень** (ИК-1) или **надо (нужно)** (ИК-6) не меняет значения высказывания (ср.: **Очень надо/нужно** и **Очень надо/нужно**). Здесь антонимия – результат эмоционального переосмысления данного высказывания говорящим.

Результатом эмоционального переосмысления является и омонимия высказываний. Ср.: **Спасибо** – как «благодарность», как «возражение», как «обида»; **Привет** – как «приветствие», как «прощание», как «возражение»; **Здравствуй(-те) (Здрасьте)** – как «приветствие» и как «удивление».

Высказывания **Смени(-те) пластинку, Его (ее, тебя, нас, вас, их) только не хватало**, которые сродни фразеологическим единствам (ср.: *намылить голову* в прямом значении и омонимичном – «побранить»), употребляются и в буквальном значении, и в переносном.

[Вера Ивановна:] *Но вы же в театр собирались.* [Катя:] *Ой, мама, смени пластинку.* {= Смени тему разговора.} (Э. Володарский, Беги, беги, Вечерняя зоря).

[Бусыгин:] *Будет дождь.* [Сильва:] **Его только не хватало.** {= Как он некстати.} (А. Вампилов, Старший сын).

Описанные выше факты дают основание для некоторых теоретических обобщений. Речь передает то, что нужно сообщить говорящему применительно к данной ситуации, включая и слушателя. Говорящий в силах – в известных пределах – изменять связи, установившиеся в знаке (если рассматривать предложения как знаковую систему) между означаемым, означающим и действительностью. Таким образом, высказывания часто оказываются «на поводу» у говорящего, а также слушателя. Каждый шаг (иначе – каждое употребление) высказывания может стать практикой, преобразующей и обновляющей его значение. Значение, которое имеет в виду говорящий, может включать нечто большее, чем буквальное значение предложения, или даже быть противоположным ему. Ср.: **Ну и быстро же ты пришел!** (в значении «медленно»); **Ну и умный же ты!** (в значении «глупый»); **Много ты понимаешь!** (в значении «не понимаешь»); **От тебя дождешься!** (в значении «не дожدهшься»). Переосмысление происходит благодаря иронической интонации. Интонацию в высказывании задает говорящий. Лингвист же, сталкиваясь с этим явлением, должен решить, является ли данное языковое выражение, передающее в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение, конвенциональным или нет. При решении вопроса о конвенциональности/неконвенциональности употребления высказывания в том или ином значении за основу следует брать частотность и повторяемость их употребления в речи, так как частотность и повторяемость употребления – показатель выражения молчаливого согласия членов социума.

Таким образом, многозначность, омонимия и антонимия высказывания (как проявление содружества или антагонизма лексической и конситуативной семантики) – это результат эмоционального переосмысления его значения говорящим в той или иной конситуации. Слушающий же в процессе общения дифференцирует значения высказывания благодаря ситуации и интонации.

Интонация позволяет эксплицировать любое скрытое значение («значение говорящего»). Эксплицируется то, что имплицитно содержится в высказывании. Имплицитность предполагает потенциальную эксплицитность. Имплицитность как лингвистическое явление существует постольку, поскольку существует эксплицитность, то есть имеется оппозиция имплицитность – эксплицитность (заметим – нет системы из одного знака). Неэксплицируемая информация (или значение), на наш взгляд, внутренний мотив, но не имплицитный смысл. Имплицитные значения легко воспринимаются носителями языка. Иностранцам же такие значения часто представляются непонятными, неожиданными, поэтому этот аспект должен занять определенное место

в обучении иностранцев живой русской речи. Такие стереотипные высказывания, или стационарные предложения, как *Здравствуй(-те), Я ваша тетя, Очень нужны они мне! Хрен я ей верну*, в повседневной речи русских употребляются как в буквальном, так и в переносном значениях (*Здравствуй(-те)* – как «приветствие» и как «удивление»; *Я ваша тетя* – в буквальном смысле и как «удивление-возражение»; *Очень нужны они мне!* – как «необходимость» и наоборот; *Хрен я вам верну* – в прямом значении и в значении «ничего не верну»). Омонимия данных высказываний – это результат их эмоционального переосмысления говорящим. Задача языковедов-практиков – уделить серьезное внимание описанию омонимичных высказываний при обучении, в данном случае, русскому языку как иностранному, ибо они нередко затрудняют процесс общения и в ряде случаев даже представляют опасность: возникает возможность неверного осмысления реплики.

Яркой иллюстрацией изложенного может служить анекдот, рассказанный профессором МГУ им. М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой: за границей женщину, говорящую только по-русски, судят за кражу. [Судья:] *Вы обвиняетесь в том, что украли курицу. Это правда?* [Подсудимая:] *Брала я вашу курицу!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что она курицу взяла.* [Судья:] *Зачем вы это сделали?* [Подсудимая:] *Да отстаньте! Нужна мне ваша курица!* [Переводчик:] *Она говорит, что курица была ей нужна.* [Судья:] *Вы специально приехали к нам, чтобы воровать?* [Подсудимая:] *Ну как же, я нарочно из Одессы приехала, чтобы украсть вашу курицу. Делать мне больше нечего!* [Переводчик:] *Подсудимая призналась, что приехала из Одессы специально, чтобы заниматься преступной деятельностью, так как дома она не может найти работу.*

[Судья:] *Да за это вас могут посадить в тюрьму – на срок до шести месяцев!* [Подсудимая:] *Всю жизнь мечтала оказаться за решеткой.* [Переводчик:] *Она говорит, что главная цель ее жизни – попасть в тюрьму.* [Судья:] *Она что, сумасшедшая?* [Подсудимая:] *Здравствуйте, я ваша тетя!* [Переводчик:] *Она вас приветствует и говорит, что является вашей близкой родственницей.* [Судья (устало):] *Ну если она родственница, то пусть заплатит хотя бы штраф.* [Подсудимая:] *Хрен вам!* [Переводчик:] *Подсудимая предлагает расплатиться овощами!* [Судья:] *Уберите отсюда эту ненормальную!* [Подсудимая (уходя):] *Ну и пёс с вами!* [Судья (испуганно):] *Что, что она говорит?* [Переводчик:] *Если я правильно понял, она уходит, а собаку оставляет вам* [12].

Неправильное понимание подобных высказываний иностранцами/инофонами (если исключить фактор «интонационной глухоты») свидетельствует об отсутствии у них знаний о существовании в русском языке их переносного употребления, а также незнании таких модусных смыслов, как «отрицание через утверждение» и «утверждение через отрицание», то есть аккумулятивная функция языка, или функция накопления общественного опыта и знаний, низведена до нуля. Другая причина – отсутствие данных значений в родном языке: например, во французском или английском языках названные высказывания в указанных значениях не употребляются, даже как окказиональные.

Умение чувствовать и распознавать эмоционально-экспрессивные оттенки значений высказывания, выбирать нужную реплику в той или иной ситуации, находить правильную интонацию облегчает общение, взаимопонимание, ибо реплика задает тон, определяет тональность диалога, от правильного выбора зависит судьба диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Значение как категория семиотики // Вопросы философии. 1965. № 1. С. 56–66.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 394 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах современных лингвистов // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 299–314.
6. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. 239 с.
7. Гарпушкин В. Е. Некоторые методологические вопросы определения значения «значения» // Проблемы методологии философского исследования. Горький, 1972.
8. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.
9. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
10. Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 345–353.
11. Михальчук Т. Г. Речевой этикет в произведениях Виктории Токаревой // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Сборник. М.: ЭКОН, 2000. С. 188–190.
12. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. СПб., 2013. № 2. С. 72–80.
13. Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. 150 с.
14. Слюсарева Н. А. Теория Фердинанда де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 112 с.
15. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1982. 207 с.
16. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 67–82.

17. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг.: Тип. А. Э. Коллинс, 1915. Т. 1. 194 с.
18. Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. New-York; San-Francisco; London, 1975. Vol. 3. P. 59–106.

Matevosyan L. B., Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

THE MEANING OF UTTERANCE IN THE CONTEXT'S "COBWEB"

In the process of communication a speaker influences his listener and encourages the listener in understanding his intention. The meaning that the speaker has in mind is not always the same as the objective meaning of the utterance. Rather frequently the same utterance may have multiple meanings that are situationally determined and formalized. In the process of communication the listener differentiates them by the intonation and context. The ability to feel and recognize emotional and expressive shades of utterance meanings, to select a desired response in a given situation, and to find the right intonation facilitates in communication and mutual understanding. A chosen response sets the tone, determines the atmosphere of the dialogue and its final outcome. For foreigners these meanings often come as incomprehensible and sometimes are rather unexpected, therefore, this problem should be addressed in the course of foreign students' language training.

Key words: utterance, live Russian speech, multiple meanings, context, intonation

REFERENCES

1. Abramyan L. A. Meaning as a Category of Semiotics [Znachenie kak kategoriya semiotiki]. *Voprosy filosofii*. 1965. № 1. P. 56–66.
2. Arutyunova N. D. Factor the Addressee [Faktor adresata]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. № 4. P. 356–367.
3. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 394 p.
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
5. Valyusinskaya Z. V. The Problems in Studies of Dialogue in the Works of Modern Linguists [Voprosy izucheniya dialoga v rabotakh sovremennykh lingvistov]. *Sintaksis teksta*. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 299–314.
6. Vasil'eva A. N. *Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka: Obshchie ponyatiya stilistiki, razgovorno-obikhodnyy stil' rechi* [A Course of Lectures of Russian Language Stylistics: General Stylistics, Everyday Speech]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1976. 239 p.
7. Garpushkin V. E. Some Questions of Determining Meanings of "Meaning" [Nekotorye metodologicheskie voprosy opredeleniya znacheniya "znacheniya"]. *Problemy metodologii filosofskogo issledovaniya*. Gorkiy, 1972.
8. Dem'yankov V. Z. Pragmatic Basics Interpretation Utterance [Pragmaticcheskie osnovy interpretatsii vyskazyvaniya]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. № 4. P. 368–377.
9. Dridze T. M. *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* [Language and Social Psychology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 224 p.
10. Lapteva O. A. Language Usage as the Arena of Language Changes [Uzuz kak arena yazykovogo izmeneniya]. *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. P. 345–353.
11. Mikhail'chuk T. G. Speech Etiquette in the Works of Victoria Tokareva [Rechevoy etiket v proizvedeniyakh Viktorii Tokarevoy]. *Russkiy yazyk i kul'tura (izuchenie i prepodavanie): Sbornik*. Moscow, EKON Publ., 2000. P. 188–190.
12. Pankov F. I. The Functional-communicative Grammar and Russian Language Picture of the World [Funktsional'no-kommunikativnaya grammatika i russkaya yazykovaya kartina mira]. *Mir russkogo slova*. St. Petersburg, 2013. № 2. P. 72–80.
13. *Printsipy opisaniya yazykov mira* [The Principles Describing the Languages of the World]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 150 p.
14. Slyusareva N. A. *Teoriya Ferdinanda de Sossyura v svete sovremennoy lingvistiki* [Theory of Ferdinand de Saussure in the Light of Modern Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 112 p.
15. Cheremisina N. V. *Russkaya intonatsiya: poeziya, proza, razgovornaya rech'* [Russian Intonation: Poetry, Prose, Everyday Speech]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1982. 207 p.
16. Shvedova N. Yu. To Study Russian Dialogic Speech. Replica-replays [K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory]. *Voprosy yazykoznaneya*. 1956. № 2. P. 67–82.
17. Shcherba L. V. *Vostochnoluzhitskoe narechie* [East Sorbian Dialect]. Petrograd, Tip. A. E. Kollins Publ., 1915. Vol. 1. 194 p.
18. Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. New-York; San-Francisco; London, 1975. Vol. 3. P. 59–106.

Поступила в редакцию 02.02.2016

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ)*

Рассматривается один из дискуссионных теоретических вопросов ономастики – вопрос о семантике имен собственных. Автор признает имена собственные семантически полнозначными и исследует специфику компонентов лексического значения на примере разных видов антропонимических единиц, зафиксированных в делопроизводственной письменности Карелии XV–XVII веков. Сигнификативный компонент в структуре значения антропонимов не является ярко выраженным, как и у всех групп онома. Денотативный и коннотативный компоненты анализируются с учетом деления на календарные и некалендарные личные имена и прозвища, поскольку семное выражение этих компонентов в структуре значения отличается своеобразием. Особо проявляется включенный в состав денотата мотивирующий признак. Однако полный спектр сем не может быть точно определен, так как основным источником исследования функциональных качеств у данных антропонимических единиц является текст документа.

Ключевые слова: ономастическая семантика, историческая антропонимия, календарное и некалендарное личное имя, прозвище, сигнификат, денотат, коннотат, мотив именования

Вопрос о лексическом значении (ЛЗ) имени собственного (ИС) до настоящего времени продолжает оставаться наиболее дискуссионным в исследованиях, посвященных системно-структурному изучению языка. Начиная с античности, очень активно в XIX веке, продуктивно в XX и XXI столетиях, с разной степенью глубины практически в каждой работе, касающейся лексической семантики, затрагивается вопрос о наличии или отсутствии значения у имени собственного, что подтверждает теоретическую значимость данной проблемы. «Мнений остается столько же, сколько спорщиков» [12: 59], хотя в полемике о ЛЗ ИС уже стало хрестоматийным сведение наиболее известных точек зрения к трем основным: 1) ИС не имеет значения, это этикетка, ярлык, который, по словам Дж. Ст. Милля, приклеивается однородным предметам [10]. 2) У О. Есперсена отмечено, что ИС имеет значение только в речи [7]. 3) После работ Л. В. Щербы [14], Е. Куриловича [8] разрабатывается позиция: ИС имеет значение и в языке, и в речи, но иного рода, нежели у имени нарицательного.

Расхождение мнений, по словам В. Д. Бондалетова, обусловлено сложностью и «многоликостью» имен собственных [3: 22] или, как справедливо замечает М. Э. Рут, стремлением решить данный вопрос для всех онома сразу [12: 59]. Размышления М. Э. Рут о семантике отдельной группы проприальной единицы – антропонимов, бытующих в современном социуме, стали толчком и послужили базой для характеристики компонентов ЛЗ на примере именований, зафиксированных в памятниках письменности Карелии донационального периода. Материалы такого рода не были

представлены для целей подобного исследования. Сохраняется та же схема рассмотрения особенностей ЛЗ ИС: сигнификат – денотат – коннотат.

Сначала о сигнификате. Согласимся с исследователями, которые, говоря о понятийной стороне ИС, подводят единичный объект под некоторый класс объектов так, что «по форме отражения и те и другие понятия представляют собой обобщения» [5: 90–91]. Ср. также тезис И. А. Арнольд и Л. Г. Шермет: «Это чрезвычайно общее понятие всегда присутствует в семантике указанных антропонимов и является фактом языка, а не речи... Причем бинарность языкового (общего) и речевого (частного) в антропонимах предельно противопоставлена: имя вбирает в себя самое общее и самое индивидуальное» [1: 14–15]. Данная идея, обозначенная также в других работах, в какой-то степени является универсальной для *любого разряда онимов любой эпохи, то есть и для антропонимов, представленных в источниках любой временной отнесенности*, поскольку у них тоже «отсутствует ярко выраженный сигнификат» [12: 60].

Что касается денотата и коннотата, то говорить о данных компонентах в структуре ЛЗ антропонима, отмеченного в письменных источниках, следует уже с учетом разграничения антропонимических единиц на календарное личное имя, некалендарное личное имя, прозвище¹ и т. д. и, возможно, всей структуры именования в целом, поскольку при выделении денотативного и коннотативного компонентов у данных разрядов антропонимов есть общие и специфические семы.

Прежде чем перейти к анализу особенностей денотативного и коннотативного компонентов,

отметим, что нами принимается положение о том, что социум – основной источник сведений об особенностях функционирования именованных; именно через социум особым образом проявляются такие компоненты ЛЗ, как денотат и коннотат (см. [12]). Однако этот тезис корректен для современного ономастикона, когда объективное существование отсоциумных (= речевых) сем устанавливается применительно к конкретному именуемому. Что касается именованных, функционировавших в ономастике XV–XVII веков, то мы имеем дело с единицами, актуализированными в тексте памятника. Именно его следует считать опосредованным представителем речи. Эта опосредованность является условной, поскольку письменный текст делового документа не дает полной информации о функционировании имени в социуме, и именно поэтому из текста памятника извлекается все, что может иметь отношение к именуемому лицу.

Рассмотрим денотативные и коннотативные компоненты календарного личного имени. В иллюстрации: «*Дер. Цилополе: в ней Тимошка, сеет ржи 2 коробы, сена косит 10 копен; обжа; доходу 2 белки, ключнику община*», Шуньгский погост, 1496 (ПКОП: 2)², – выделено модифицированное личное имя из русифицированного ономастикона. Анализ записи позволил определить следующую информацию, связанную с денотатом имени *Тимошка*. Это социальный статус именуемого, принадлежность к определенному месту жительства (в виде расширяющейся географии), указание на собственность, с которой берется налог. Таким образом, вычленились семы ‘крестьянин’, ‘житель деревни Цилополе Шуньгского погоста в Обонежье’, ‘имеющий определенный доход’. Таким образом, чем больше информации об именуемом находим в тексте, тем большее количество денотативных признаков можно вычленивать. Так, помимо уже выявленных сем, через текст могут быть определены различные семейные взаимоотношения: *дер. Головино: в ней Тараско Головин да брат его Кошута*, 1496 (ПКОП: 21): к сфере денотата имени Тараско следует добавить ‘сын человека по прозвищу Голова’, ‘брат Кошуты’; сфера деятельности, например, ‘овчинник’ исходя из записи: *дер. Ваглоба на Шунье озерке: в ней Гридка овчинник* (ПКОП: 6) и проч. Итак, набор определенных денотативных признаков зависит от представления лица в памятнике писцом или от того, насколько часто человек фиксировался в документах. Так, крестьянин *Гриша Сухонос*, житель Выгозерского погоста, 1563 (ПКОП: 160) зафиксирован не только в писцовой книге, но и в отводной 1556 года как *Гриша Офонасов сын Сухонос* (АСМ: 130). Без фиксации 1556 года невозможно было вычленивать семы ‘сын Офонасия’ и т. д.

При этом, помимо текстовых сем, важно помнить, что денотат антропонима (как и любого ИС) соотносится с мотивом именования. Поскольку ИС является вторичным по отношению к имени нарицательному (ИН), то, безусловно, при анализе антропонимической единицы возникают

вопросы: 1) В какой мере ЛЗ ИС связано с ЛЗ ИН? 2) Чем обусловлена эта связь? 3) Можно ли в структуре значения ИС выделить те же компоненты, что и у соответствующего ему имени нарицательного? 4) Какова роль этих компонентов?

Вернемся к имени *Тимошка*, которое, как и прочие церковные имена, этимологически соотносилось с иноязычным ИН, оставшимся за чертой словарного состава русского языка донационального периода: заимствовалось и адаптировалось в системе языка имя, а не апеллятив. Таким образом, несмотря на публикации этимологий церковных имен (например, в известных сочинениях М. Грека, Л. Зизания, П. Беринды), связь со значением соответствующего апеллятива была нарушена. Искать и предполагать компонент у имени *Тимофей*, мотивированный внутренней формой греческих слов *time* ‘честь, почет’ и *theos* ‘бог’ [11: 266], вряд ли стоит. Наиболее вероятный мотив именования отражал введение человека в круг христиан, оставляя этимологию внутренней формы в стороне³. Поэтому о календарных именах следует говорить как о вторичных номинациях, потерявших связь с мотивирующим апеллятивом еще до момента наречения.

Следовательно, денотат календарного личного имени имеет только текстовую нагрузку, и чем больше сведений, применимых к лицу, в документе, тем более содержательным становится денотат.

Что касается коннотативного компонента, который можно выделить в структуре ЛЗ календарного имени типа *Тимошка*, то однозначно можно отметить только одно: он есть, но его конкретное наполнение остается под вопросом, так как нельзя, как, например, в современном социуме, провести наблюдение за функционированием календарного личного имени. Для его точного обозначения отсутствуют основные условия: 1) возможность сравнения с исходной формой и 2) учет характерных черт жизни имени в средневековом обществе. Так, исходной формой (точкой отсчета, нормой) в современной антропонимической системе является официальное имя (*Тимофей*), все остальные формы по отношению к нему будут маркированы различными коннотациями: уменьшительное, ласкательное, грубое, просторечное и проч. Такие параметры для календарного антропонима, отмеченного в памятниках письменности, остаются предположительными. Мы не знаем, сталкиваясь иногда с единственной фиксацией имени в тексте документа, всего спектра возможных номинаций конкретного лица. Мы не знаем, имело ли именование в социуме определенную оценку и какую эмоцию оно вызывало. Так, в памятниках письменности Карелии XV–XVII веков, помимо самого частого модификата *Тимошка* (319 раз), фиксируются и другие: *Тимоха* (56), *Тимофейко(а)* (11), *Тимонка*, *Тимоня*, *Тимош(а)* (по 1) при официальном *Тимофей* (10). Налицо многообразие форм, но использовались ли они при номинации конкретного Тимофея, жившего в Обонежье, неизвестно.

Возможно, осознавалась разница между модификатом и официальным (каноническим) именем, поскольку от официального *Тимофей* чаще образовывались патронимы (*Тимофеев* – 29) и ойконимы (*Тимофеевская/-ое/-ой* – 29). Приведенная статистика подтверждает вывод исследователей, что модифицированные формы с суффиксами субъективной оценки передавали такие оттенки значения (= коннотат), как смирение, униженность и пренебрежение, реже имели уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение [4: 139]. Однако это утверждение верно только для текста памятника, в котором отражено взаимоотношение сословий. А какой оттенок значения был преобладающим при общении лиц, равных по статусу, или в семье при общении старший ~ младший, установить уже невозможно.

С коннотатом связана и оценка имени с точки зрения пристрастия, «ономастического вкуса»: «модные» имена, несмотря на диктат церкви, были во всех регионах Руси, иначе как объяснить существование тезоименности, например в пределах малого социума: *дер. Тайнинское: в ней три Ивашки*, 1496 (ПКОП: 2) или см. количественные показатели по имени *Тимошка*. Как следствие, предположение о возможной оценке имени как красивого и о дополнительной семе, которую необходимо включить в круг денотативных сем, – ‘имя в честь кого-то’.

Перейдем к особенностям проявления компонентов ЛЗ ИС на примере некалендарных личных имен (НЛИ) и прозвищ. Сигнификат, а также комплекс уже выделенных и описанных сем, входящих в денотативный компонент, у данных антропонимических единиц совпадают с теми, которые обозначены у календарных именовании. Отличия касаются денотативного и коннотативного компонентов, обусловленных особым проявлением мотивировочного признака, его явной, прозрачной связью с ЛЗ апеллиатива. Ср. *Ждан*⁵ – ‘тот, рождения которого ждали’, *Толстоног* – ‘тот, у кого толстые ноги’ и под. Не случайно НЛИ и прозвища можно объединить в семантические группы.

Так, НЛИ по семантике основы входят в следующие группы: 1) именование ребенка по порядку рождения (*Первой, Второй... Поздей*); 2) именование ребенка по времени рождения (*Зимко, Подосенко*); 3) именовании, указывающие на отношение родителей к факту рождения (*Бажен, Ждан, Неждан, Нечай*); 4) именовании, характеризующие внешний вид новорожденного (*Беляйко, Кроха, Некрас, Ушачко, Худячко*) или 5) определяющие черты характера, поведения, ярко выраженные с детства (*Бессонко, Будаец, Гневашко, Томилко, Истомка*). Названия групп в данном случае совпадают с характеризующим денотатом как гипероним, а конкретные соотношения с именуемым становятся гипонимическими компонентами. Например, за именем *Бессонко* стоят такие семы: ‘особенности поведения’ и ‘тот, кто плохо спал’. Первая денотативная сема объединяет имя *Бессонко* с такими именами,

как *Вязга, Гневашко* и проч., где также есть сема ‘поведение’, а последняя – дифференциальная – «собственность, принадлежность» некалендарного имени *Бессонко*.

Количество семантических групп у прозвищ также можно свести к обобщающему списку, отражающему связь с денотатом на уровне гиперонима и гипонима, а именно: 1) к названиям лиц по месту жительства (*Белозер, Двинянин, Москвитин, Толвуянин*); 2) к названиям лиц по этнической принадлежности (*Корелянин, Лопин, Чудин*); 3) к названиям лиц по профессии, роду деятельности (*Бирич, Винокур, Кузнец, Сапожник*); 4) к названиям лиц по морально-этическим качествам (*Базыка, Висленя, Деряга, Заляка, Рогоза, Самодур*); 5) к названиям лиц по физическим особенностям (*Белоус, Бибик, Кривоногой, Пуляко, Шадра*). Ср. семы прозвища *Самодур*: интегрирующую – ‘качество характера человека’ и различительную – ‘глупый, самоуверенный человек’, последняя сема установлена на основе сопоставления антропонима с лексическим значением мотивирующего апеллиатива *самодур* – ‘то же’.

Если связывать проявление денотативного компонента с социумом, то у НЛИ точкой возникновения таких сем является характеристика ребенка в семье, так как НЛИ давалось при рождении. Прозвище рождается в обществе, выходящем за пределы семьи, поскольку внутренняя форма прозвищ соотносится с апеллиативами, содержащими характерные особенности взрослого человека.

К данным денотативным компонентам следует добавить близкие потенциальные семы. Предполагаем, что и у НЛИ, и у прозвища мотив именовании отличала диффузность. Так, у некалендарного имени внутренняя форма контаминировалась с охраным и пожелательным мотивом, а у прозвищ – с профилактическим, иначе трудно объяснить, как могли существовать в системе именовании единицы с явно отрицательной внутренней семантикой (типа *Окул Сальное Рыло, Василий Борисов сын Рогатых Вшей*), почему человек самоинимировался таким именем. Ср. записи в актах Соловецкого монастыря: *Се яз, Семен Ондреев сын Худокуй*, 1520, купчая (АСМ: 35), *Се яз, Фома Угрим Иванов сын*, 1530/31, мировая (АСМ: 43), *Се яз, Тимофей Левонтеев сын Бушуй*, 1540/41, купчая (АСМ: 53) и проч. Поэтому такие семы, как ‘охрана’, ‘пожелание’ или ‘профилактика’, также надо иметь в виду. Однако, что доминировало при номинации, какой компонент становился преобладающим – это темное пятно в определении наполнения семантики у этих видов антропонимов. Бесспорно: именование появлялось в речи тогда, когда одна из характеристик лица (например, торопливость, нетерпеливость) становилась наиболее яркой, заметной и относительно постоянной. Ср. прозвище *Северга* и апеллиатив *северга*, зафиксированный в псковских говорах в значении ‘торопыга, нетерпеливый’ [6, Т. 4: 169]. Акт наречения в данном случае следует рассматривать «как естественный языковой процесс,

обладающий способностью отражать свойства обозначаемых явлений» [5: 89]. Таким образом, возникновение подобных прозвищ было предопределено, так как субъект идеально соответствовал содержанию, заключенному в ЛЗ апеллятива, что еще раз подтверждает тезис: такие именованья сохранили яркую характеристику лица, свойственную ИН. Ср. с высказыванием П. Ф. Строссона: «У слов, – естественно и регулярно употребляющихся для единичной референции, дескриптивная сила отражает наиболее для нас важные, заметные, относительно постоянные и прагматические характеристики предметов» [13: 80].

Итак, у некалендарных личных имен и прозвищ денотат тесно связан с лексическим значением апеллятива, по крайней мере, в начале номинативного процесса. С забвением мотива наречения исчезают в лексическом значении ИС и мотивирующие семы денотата. В этом случае отаппелятивное прозвище уподобляется календарным именованьям, обрастая новыми текстовыми семами, поскольку «любое самое меткое и полно характеризующее лицо прозвище все же оказывается гораздо беднее своего значения, поскольку многообразие личности

шире любого заявленного комплекса его параметров» [12: 62].

Теперь о коннотативных компонентах в структуре ЛЗ НЛИ и прозвищ. У прозвищ, восходящих к экспрессивным названиям лиц, коннотация выстраивается на семантической шкале полярно – ‘положительная оценка’ (+) ↔ ‘отрицательная оценка’ (–) – с перевесом к знаку минус, что имплицитно обусловлено стремлением к идеалу. У прозвищ (типа *Ведерник*, *Двинянин*, *Мешиерин*), не имеющих экспрессива в основе, коннотация, вероятно, нулевая. Хотя потенциальной семой может служить противопоставление ‘свой’ ↔ ‘чужой’ для антропонимов, образованных от катойконимов, этнонимов, а для названий лиц по профессии, роду деятельности в скрытый коннотат следует включить положительную сему – ‘отношение человека к труду’. Однако эти скрытые семы входят в денотат ЛЗ.

У НЛИ коннотации, как и денотат, формировались в семейном социуме, подтверждением являются модификаты, развитая деривация, что и является одним из критериев разграничения НЛИ и прозвищ, ср. словообразовательные гнезда именованья, зафиксированных в памятниках письменности Карелии:

Пятой → Пятуня → Пятунин
 ↓ ↓ ↓ ↓
 ↓ ↓ ↓ ↘ Пятуша → Пятушка
 ↓ ↓ ↘ Пятута
 ↓ ↘ Пятуха → Пятухин
 ↘ Пятка
 Докука → Докучка
 ↘ Докучай → Докучайко
 ↘ Докучаев

Позд- → Поздей → Поздейко
 ↓ ↓ ↘ Поздеец
 ↓ ↘ Поз(д)няк(а) → Поздняков
 ↘ Поздыш → Поздышев

Однако, как и в случае с календарными именами, трудно определить особенности функционирования имени и закрепления за одним лицом разных номинаций.

Подведем итоги. Лексическое значение антропонимов, зафиксированных в письменных источниках, представлено теми же компонентами (сигнификат, денотат, коннотат), что и у любого вида онимов. Однако наполнение этих компонентов семным содержанием (кроме сигнификата) следует рассматривать с учетом деления антропоними-

ческих единиц на календарные, некалендарные личные имена и прозвища. О сформировавшемся денотативном и коннотативном компонентах у этих антропонимов можно судить по информации, сопровождающей именуемое лицо в тексте документа, а у некалендарных личных имен и прозвищ данные компоненты обусловлены еще и лексическим значением мотивирующего апеллятива. Проявление оценок и эмоциональных оттенков связано также с исследованием различных модификатов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О критериях разграничения некалендарных личных имен и прозвищ см. [9].

² Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930.

³ Лишь небольшая часть календарных именованья, возможно, сохранила в структуре значения семы иноязычного апеллятива. Так, Л. В. Бабаева приводит примеры пословиц, включающих календарные имена: «Не будет Маланья – будет другая», «Маланья изба не беседа», «Худая слава, без кафтана Савва», «Варвара мне – тетка, а правда – сестра» и др., – имевших в период создания пословицы, по мнению исследователя, связь с генетически родственными апеллятивами [2: 405]. Ср.: Маланья – из др.-греч. *Msalané* из *melaina* ‘черная’, ‘темная’, ‘мрачная’, ‘жестокая’; Савва – из арамейского ‘старец’, ‘дед’; Варвара – из др.-греч. *Barbare* ‘иноземец’, в народном осмыслении ‘чужой’ [11: 194, 245, 76].

⁴ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / АН СССР, Институт истории СССР, Ленингр. отд-ние; Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с.

⁵ Здесь и далее все примеры именованья взяты из памятников письменности Карелии XV–XVII веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. А., Шеремет Л. Г. Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. В. Сентенберг. Волгоград: ВГПИ, 1985. С. 8–16.
2. Бабаева Л. В. Имена собственные в пословицах и поговорках // Ономастика Поволжья. 3. Материалы 3-й конференции по ономастике Поволжья / Отв. ред. Р. В. Кузеев, В. А. Никонов. Уфа, 1973. С. 402–406.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: Формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
5. Голев Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики: Сб. статей / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1974. № 8–9. С. 88–97.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982.
7. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; Под. ред. и предисл. проф. Б. А. Ильина. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
8. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 251–266.
9. Кюршунова И. А. Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 103–108.
10. Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования: Пер. с англ. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 6-е изд. М.: Русские словари: Астрель, 2000. 480 с.
12. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Вып. 4. 2001. № 20. С. 59–64.
13. Строссон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. (Проблемы референции) / Сост., редакция Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 55–86.
14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON SEMANTICS OF ANTHROPOLOGY (CASE STUDY OF KARELIAN WRITTEN MONUMENTS OF THE XV–XVII CENTURIES)

One of the most disputable theoretical issues of onomastics – the question of proper names' semantics is studied in the article. All proper names are considered semantically meaningful. The study explores specific components of the lexical meaning on the example of various anthroponymic units recorded in Karelian clerical scripts of the XV–XVII centuries. A component of "significance" in the structure of anthroponyms is not strongly pronounced. This phenomenon is characteristic of all onomah groups. Denotative and connotative components are analysed considering their division into calendar and non-calendar personal names and nicknames. A motivational component of the unit is studied. However, a full range of the SEM cannot be accurately determined, as the main source of the functional qualities' study in anthropological data units is a text document itself.

Key words: onomastic semantics, historical anthroponomy, calendar and non-calendar personal name, nickname, significant, denotation, connotation, motive naming

REFERENCES

1. Arnol'd I. A., Sheremet L. G. Types of SEM and the structure of the lexical meaning of personal names [Tipy sem i struktura leksicheskogo znacheniya lichnykh imen]. *Leksicheskoe znachenie v sisteme yazyka i v tekste: Sb. nauch. trudov*. Otв. red. I. V. Sentenberg. Volgograd, VGPI Publ., 1985. P. 8–16.
2. Babaeva L. V. Proper names in Proverbs and sayings [Imena sobstvennye v posloviyakh i pogovorkakh]. *Onomastika Povolzh'ya. 3. Materialy 3-y konferentsii po onomastike Povolzh'ya*. Otв. red. R. V. Kuzeev, V. A. Nikonov. Ufa, 1973. P. 402–406.
3. Bondaletov V. D. *Russkaya onomastika: Ucheb. posobie* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 224 p.
4. Volkov S. S. *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [The vocabulary of the Russian petitions of the seventeenth century: the Form, the traditional etiquette and stylistic means]. Leningrad, Izd-vo Lenigr. un-ta, 1974. 164 p.
5. Golev N. D. The "natural" nomination of objects of nature and their own common name ["Estestvennaya" nominatsiya ob"ektov prirody sobstvennymi i naritsatel'nymi imenami]. *Voprosy onomastiki: Sb. statey*. Otв. red. A. K. Matveev. Sverdlovsk, 1974. № 8–9. P. 88–97.
6. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1982.
7. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Per. s angl. V. V. Passeka i S. P. Safronovoy; Pod. red. i predisl. prof. B. A. Il'ina. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958. 404 p.
8. Kurilovich E. The position of the proper name in the language [Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke]. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. P. 251–266.
9. Kyurshunova I. A. Non-calendar personal names and their cognitive capacities in the regional onomasticon of the medieval era [Nekalendarnye lichnye imena i ikh kognitivnyy potentsial v srednevekovom regional'nom onomastikone]. *Vestnik SPbGU*. Part 9. 2012. Issue 3. P. 103–108.
10. Mill' Dzh. St. *Sistema logiki sillogicheskoy i induktivnoy. Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [System syllogisms and inductive logic. Statement of principles of the proof in connection with methods of scientific research]. Izd. 5-e, ispr. i dop. Moscow, LENAND Publ., 2011. 832 p.
11. Petrovskiy N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. 6-e izd. Moscow, Russkie slovari, Astrel' Publ., 2000. 480 p.
12. Rut M. E. The anthroponyms: reflections on semantics [Antroponimy: razmyshleniya o semantike]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. Issue 4. 2001. № 20. P. 59–64.
13. Strosson P. F. About references [O referentsii]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika. (Problemy referentsii)*. Sost., redaktsiya N. D. Arutyunovoy. Moscow, Raduga Publ., 1982. P. 55–86.
14. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Izd-e 2-e, stereotipnoe. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 432 p.

Поступила в редакцию 16.08.2016

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка филологического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Российская Федерация) ogtwd@gmail.com

РИФМОВКА ЛИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ (ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ РИФМОВКИ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МОДЕЛИ ПОСЛОВИЦ)

Описаны и проанализированы русские пословицы, включающие в свой состав личные имена собственные. Указано, что появление таких имен, называющих лиц мужского и женского пола, обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Описаны модели, показывающие преднамеренное включение имени собственного в аналогичные по синтаксическому строению группы русских пословиц, где выбор личного имени случайно обусловлен словом, с которым оно рифмуется. Выявлены и описаны модели таких пословиц с рифмующимися онимами. Показано, что частотной является модель с притяжательным или определительным местоимениями *наш*, *всяк* (*всякий*), *каждый*. Утверждается, что отсутствием тесной связи с единичным конкретным объектом, признанной многими исследователями для имени собственного как основной, объясняется их достаточно формальное использование в русских пословицах. Материал данной статьи будет интересен специалистам в области ономастики, паремиологии и исследования рифмы.

Ключевые слова: ономастика, пословицы, рифма, имена собственные

В науке неоднократно поднимался вопрос о рифмовке в русских пословицах. Возникнув в очень отдаленные времена человечества, в «доистории русского фольклора» [3: 30], русские пословицы являются единицами устного народного творчества и хранителями истории и культуры народа, а как устойчивые выражения относятся к языковому уровню. Известный специалист по народному стихосложению М. П. Штокмар замечал, что, «очевидно, пословицы были первыми из народнопоэтических жанров, где зародилась рифмовка» [16: 163]. Е. А. Ляцкий в XIX веке в своих замечаниях к вопросу о пословицах и поговорках писал: «Рифма, созвучие окончаний, представляет чрезвычайно важную принадлежность пословиц, в ней выражается вместе с тем степень музыкальной чуткости народа, его безотчетное стремление к полноте и красоте звука. Рифма придает окончательную форму пословице, вершит здание, делает пословицу (конечно, относительно) неподвижной и вместе с тем легко западающей в память»¹.

Целый ряд работ (О. П. Альдингер [1], [2], Т. И. Востриковой [4], Т. Н. Кондратьевой [6] и др.) посвящен изучению имени собственного в составе русских пословиц, но они в большей степени связаны с историко-культурологическим анализом. Так, О. П. Альдингер приводит статистические данные о выявленных ею в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля 812 антропонимах [2: 14], о наиболее распространенных антропонимах: «Иван (76 употреблений), Фома (50), Макар (31), Еремей (20)» [1: 4].

Материалом нашего исследования также стали русские пословицы (около 300 примеров)

с личными именами собственными, выбранные из книги «Русские пословицы и поговорки» [11] (включает пословицы из сборников XVIII–XX веков) и из знаменитого сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»², напр.: *Иван* (личн. имя собств.) *был в Орде, а Марья* (личн. имя собств.) *вести рассказывает* [11: 117], в том числе и называющие отчество: *Один у Мирона сын, да и тот Миронович* (личн. имя собств., отчество) [11: 241]. Появление этих имен существительных в структуре пословиц действительно обусловлено экстралингвистическими (общерусскими) факторами: удобопроизносимостью имени, его широкой распространенностью, известностью и популярностью в русской языковой культуре, а также симпатией-антипатией народа к этому имени. Очевидно, что такие имена собственные могут называть: лиц мужского пола: *По бедному Захару* (муж. пола) *всякая щепка бьет* [11: 254] и лиц женского пола: *Не твое дело, Федосья* (жен. пола), *собирает чужие колосья* [11: 226]. Личные имена собственные очень частотны в структуре пословиц и представлены во всех падежных формах: именительного падежа: *Варвара* (имен. п.) *мне тетка, а правда – сестра*. [11: 41], что вполне объяснимо значением именительного падежа в русском языке как падежа действующего субъекта, так как одушевленные имена, обозначающие людей, при предикатах занимают верхнюю ступень в иерархии глубинных падежей [13: 76]; родительного: *У Сидора* (род. п.) *обычай, у Павла* (род. п.) *другой* [11: 309]; дательного: *Добро к Фоме* (дат. п.) *пришло, да промеж рук ушло* [11: 80]; винительного: *Фоку* (вин. п.) *да Якова* (вин. п.) *и сорока знает* [11: 315];

творительного: *Если бы не был молодцом, Акулькой* (твор. п.) *бы звали* [11: 92]; предложного: *Ведает о Ерёме* (предл. п.) *в большой хороме*³.

Однако кроме экстралингвистических факторов есть и собственно лингвистические причины использования имен собственных в русской поговорке. Рифма в поговорках «преимущественно простая, точная и парная, охватывающая созвучием обычно большое количество звуков» в наиболее существенных словах – главным образом в существительных и глаголах [5: 105]. О рифмовке имен собственных в русских поговорках писал В. И. Даль в своем «Напутном слове». Разграничивая у поговорки «внутреннюю и внешнюю одежду» и понимая под последней «грамматику и просодию»⁴, он относил личные имена «ко внешней одежде поговорок», так как они «большею частию взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры: таковы, например, поговорки, в коих поминаются: Мартын и алтын, Иван и болван, Григорий и горе, Петрак и батрак, Мокей и лакей и пр.»⁵. С. Г. Лазутин указывает, что антропонимы включаются в поговорку в прямой зависимости от того, «с каким словом это имя должно рифмоваться» [7: 145]. Однако определенные аспекты рифмовки антропонимов все же изучены недостаточно, в частности нигде не описано синтаксическое строение поговорок с рифмующимися онимами, наглядно показывающее преднамеренность такой рифмовки. Этим обусловлена актуальность данной работы, продолжающей наше исследование рифмовки поговорок, начатое в [14], [15]. В этой статье мы обратимся к грамматическому анализу рифмовки онимов в русских поговорках, подробно опишем модели, включающие в свой состав личные собственные имена, выбор которых обусловлен словом, с которым оно рифмуется.

О преднамеренном включении имени собственного свидетельствуют по крайней мере две группы поговорок:

- 1) с попарно подобранными рифмующимися именами;
 - 2) с аналогичным синтаксическим строением.
- Опишем несколько подробнее обе группы.
1. Наш материал показывает, что в пределах одной поговорки (в ряду однородных членов или в частях сложного предложения) могут быть попарно подобраны, намеренно, каждое «под свою рифму»:

- а) сразу два личных имени собственных, ср.: *Варлам* (личн. имя собств.) *ломит пополам*, а *Денис* (личн. имя собств.) *со всяким делись!* [11: 42]. Еще примеры: *Федул всех надул*, а *Денис на суку повис* [11: 314]; *Ефрем любит хрен*, а *Федька – редьку* [11: 93]; *Горе, горе*, что муж *Григорий*: *хоть бы болван*, да *Иван* [11: 67]; *Инат* наделал *лопат*, а *Федос* про-
давать *понес* [11: 120]; *Тезоименита лопата*

- Ипату*, а *Вавиле* – *могила* [11: 299]; *Барашки* у *Малашки*, а *две сумы* у *Фомы* [11: 16]; *Били Фому про куму*, а *Трошку про кошку* [11: 21];
- б) три имени собственных: *Ванька*, *встань-ка*. *Сёмка*, *пойдем-ка*; *да ступай* и *ты*, *Исай!* [11: 41]. Ср. также поговорку, состоящую только из слов, попарно рифмующихся между собой: *Сашки – канашки*; *Машки – букашки*; *Маринушки – разинушки*⁶;

- в) и даже пять имен собственных, представленных, напр., в таком перечне: *Вавило*, *красное рыло*. *Иван болван*. *Андрей ротозей*. *Федул губы надул*. *Пахом вся рожка в один ком*⁷.

2. Преднамеренное включение имени собственного особенно видно в аналогичных по синтаксическому строению группах поговорок, где выбор личного имени собственного случайно обусловлен словом, с которым оно рифмуется, когда имя собственное как бы подстраивается под рифму. Ср. рифмы в поговорках, имеющих однотипную синтаксическую структуру:

- в модели: «Наш + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным» рифмы *Андрей – злодей*, *Антон – (о) том* и др., ср.: *Наш Андрей* (личн. имя собств.) *никому не злодей*. *Наш Антон* (личн. имя собств.) *не тужит о том*: *мать умирает*, а он *со смеху помирает* [11: 204]. Это очень частотная модель, приведем еще примеры: *Наш Афоня* в одном *балахоне* и в *пир*, и в *мир*, и в *подоконье*. *Наш Мишка* не берет *лишка* [11: 204]; *Наш Пахом* с *Москвой знаком*. *Наш Сергунько* не *брезгунько* – *ест пряники* и *неписаные*. *Наш Тарас* не хуже *вас*. *Наш Фаддей* ни на себя, ни на *злодей*. *Наш Филат* всегда *виноват*. *Наш Филат* не *бывает виноват* [11: 205]. Ср. варианты:
- «Нашего (нашему) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Нашего Минь* не *примешь* и в *три дубины*. *Нашего Обросима* *невеста куда забросило*. *Нашему Ивану* нигде нет *талану*: *к обедне пришел* – *обедня прошла*, *к обеду пришел* – *отобедали* [11: 205];
- «У нашего (нашей) + личное имя собственное, + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *У нашего Гришки* нет *отрыжки*. *У нашего Андрюшки* нет ни *полушки*. *У нашего Тита* за *пьянство спина бита*. *У нашего Филата* *спина горбата*. *У нашей Пелагеи* все *новые затеи*. *У нашей Федосьи* из *глаз растут волосы* [11: 308];
- в модели: «(Не) Всяк + личное имя собственное, про себя (себе) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Всяк Демид* себе *норовит*. *Всяк Еремей* про себя *разумей*: *когда сеять*, *когда жать*, *когда в скирды метать* [11: 54]; *Не всяк Наум* (личн. имя собств.) *наставляет на ум*. *Не всяк Тарас* *подпевать горазд* [11: 211]. Отметим варианты модели:

- «Всякий (Всякая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Всякий Демид* (личн. имя собств.) *себе поровит*. *Всякий Филат на свой лад*. *Всякий Яков про себя всякий*. *Всякая Ховря знай свою ровню* [11: 55];
- «(Не) Всякому + по + имя собственное + (...)», напр.: *Всякому по Якову* [11: 55];
- «У всякого + личное имя собственное, своя (свой) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *У всякого Павла своя правда*. *У всякого Гришки (Ермишки) свои делишки*. *У всякого Федотки свои отговорки* [11: 306];
- в модели: «Каждый (Каждая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Каждая Алёнка хвалит свою бурёнку* [11: 122]; *Каждый Еремей про себя разумеи*. *Каждый Никитка хлопочет о своих пожитках* [11: 123];
- в модели: «Каков + личное имя собственное, таков + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Мартын, таков у него и алтын* [11: 128]. Ср. также варианты этой модели: «Каков (какова) + (на) имя собственное, такова (таково, такова) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Ананья, такова у него и Маланья*. *Каков Дема, таково у него и дома* [11: 128]; *Каков Пахом, такова и шапка на нем*. *Каков Савва, такова ему и слава*. *Какова Аксинья, такова и ботвинья* [11: 129]; *Каково на Фому, таково и самому* [11: 130];
- в модели: «У + личное имя собственное + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *У Акульки хороши бакульки* [11: 305]; *У Ивашики белая рубашка*. *У Ипата к пирогам борода с лопату* [11: 307]; *У Николы две школы: аз, буки учат да кануны твердят* [11: 308]; *У Парашки что глаза у барашки* [11: 309]; *У Фили были, у Фили пили, да Филю ж и побили (били)* [11: 310];
- в модели: «Худ + личное имя собственное, + когда + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Худ Матвей когда не умеет потчевать гостей*. *Худ Роман, когда пуст карман* [11: 211].

В пословицах описанных групп может рифмоваться сразу пара личных имен собственных типа *Ананья – Маланья*, ср. модель: «Каков + имя собственное, такова (...) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Ананья, такова у него и Маланья* [11: 128].

Наибольшая частотность пословиц, построенных по моделям «Наш + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», «Всяк + личное имя собственное, про себя (себе) + слово, рифмующееся с именем собственным», «Каждый (Каждая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», а также их вариантам, мы объясняем наличием в их структуре притяжательного или определительного местоимений

наш, всяк (всякий), каждый. Такие «универсальные» местоимения употребляются «в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса» [9: 134], при этом в высказываниях, начинающихся словами типа «каждый человек» и т. п., «лицо» выступает как «собирательная национально-языковая личность» [8: 167]. Приблизительно с таким значением используются в пословицах описанные нами онимы, употребление которых Ф. И. Буслаев считает видом синекдохи, так как «живее и нагляднее употребить название лица вместо человека вообще»⁸. И следовательно, характеризуются они не только общепризнанной «семантической редукцией» [10: 13] или отсутствием «связи с понятием» [12: 32], но и отсутствием «тесной связи с единичным конкретным объектом» [12: 32], признанной многими исследователями для имени собственного как основной.

Именно такой возникающей семантической опустошенностью анализируемых нами онимов, видимо, и объясняется их достаточно формальное использование в русских пословицах. О семантической опустошенности имени собственного свидетельствует также возможность трансформации пословицы с заменой онима типа: *Всяк (Семён) Аксён про себя умён* [11: 54] или с его устранением типа: *Наш никому не злодей* или *Всяк про себя умён*, что в принципе наблюдается в пословицах с субстантивированными местоимениями со значением лица, ср. примеры с местоимением *наши* (во мн. ч., имен. п.): *Наши в поле не робеют*. *Наши дерутся, так волосы в руках остаются*. *Наши плачут, да и ваши не скачут* [11: 206]; с местоимениями *всяк, всякий* (в ед. ч., имен. п. или дат. п.): *Всяк своё хвалит*. *Всяк своим умом живёт*. *Всякий спляшет, да не как скоморох*. *Всякий сам на себя хлеб добывает* [11: 54]; *Всякому своё дитя жалко*. *Всякому своё счастье* [11: 56] и с местоимением *каждый* (в ед. ч., имен. п. или дат. п.): *Каждый кружится по-своему: один кругом, другой через голову*. *Каждому добрый – себе злой*. *Каждому своя болезнь (ноша) тяжела* [11: 54].

Таким образом, в русских пословицах достаточно частотны личные имена собственные, появление которых обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. По собственно лингвистическим причинам имена собственные используются в русских пословицах для преднамеренной рифмовки, что особенно наглядно проявляется в пословицах с попарно подобранными рифмующимися именами или с аналогичным синтаксическим строением. Наибольшая частотность анализируемых пословиц с онимами, рифмующимися с апеллятивами, обусловлена наличием в их структуре притяжательного или определительного местоимений *наш, всяк (всякий), каждый*. Отсутствием тесной связи с единичным конкретным объектом, признанной многими исследователями для имени собственного как основной, объясняется достаточно формальное использование онимов в русских пословицах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ляцкий Е. А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. АН. 1897. 1–2, Т. 2. Кн. 3. СПб., 1897. С. 745–782. С. 776.
- ² Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. I. М.: Изд-ние книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. 685 с. Т. II. М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. 638 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eknigi.org/raznoe/28428-posloviy-russkogo-naroda.html> (дата обращения 15.05.2016).
- ³ Там же. Т. 2. С. 459.
- ⁴ Там же. Т. I. С. XLVI.
- ⁵ Там же. Т. I. С. LI.
- ⁶ Там же. Т. I. С. 382.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 255.
- ⁸ Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. Буслаевым. М.: Тип. А. Семена, 1854. 176 с. С. 59.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альдингер О. П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В. И. Даля: статистический аспект // Седьмые Поливановские чтения. Смоленск: СГПУ, 2005. Ч. III. С. 3–11.
2. Альдингер О. П. Фразеологическая картина мира в «Пословицах русского народа В. И. Даля»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.
3. Андреев Н. П. Проблема истории фольклора // Советская этнография. 1934. № 3. С. 28–45.
4. Вострикова Т. И. Антропонимы в «Пословицах русского народа» В. И. Даля: к возможности лексикографического описания // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в школе и вузе: Материалы Всерос. науч. конф., Астрахань, 24–26 сент. 1998 г. / Науч. ред. А. Н. Тихонов. Астрахань: Астраханский пед. ун-т, 1999. С. 115–119.
5. Глухих В. М. О благозвучии пословиц и поговорок // Русская речь. 1997. № 2. С. 103–106.
6. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в месяцесловах, пословицах, поговорках, загадках, заговорах и сказках русского народа / Науч. ред. М. О. Новак. Казань, 2004. 340 с.
7. Лазутин С. Г. Ритм, метрика и рифма пословицы // Поэтика русского фольклора. М.: Высш. шк., 1989. С. 136–147.
8. Овчинникова И. Г. Ассоциативные структуры и текст // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4: Семантика и коммуникация / Под ред. Л. В. Сахарного. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 163–177.
9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 232 с.
10. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9–34.
11. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
12. Суперанская А. В. Аппеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. С. 5–33.
13. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
14. Твердохлеб О. Г. Третья лабиализация звука [’э] в [’о] в древнерусском языке: к вопросу о рифмовке русских пословиц // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф.: Тез. докл. / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 258–260.
15. Твердохлеб О. Г. Утрата конечного сонорного -л- вследствие падения редуцированных и рифмовка русских пословиц // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа / Отв. ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 106–108.
16. Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток // Звезда Востока. 1965. № 11. С. 149–163.

Tverdokhlebo O. G., Orenburg State Teacher Training University (Orenburg, Russian Federation)

PERSONAL PROPER NAMES' RHYME SCHEMES IN RUSSIAN PROVERBS (PREMEDITATED RHYMES, GRAMMATICAL FEATURES AND PATTERNS OF PROVERBS)

The article describes and analyzes a set of Russian proverbs that contain personal names. The appearance of such words, which name people of different genders in Russian proverbs, is conditioned by a set of extra-linguistic and linguistic factors. Models with a deliberate inclusion of proper names into similar by syntactic structure groups of Russian proverbs are described. The choice of a personal name, rather accidental by nature, is determined by the word it rhymes with. Models, which include rhyming with proverbs containing animals, are described and analyzed. It is shown that the most frequently met models are the ones that incorporate possessive or attributive pronouns: our, everyone, everybody. It is argued that the lack of close connection between a proper name of the proverb with a single distinct object, recognized by many researchers, explains their rather formal usage in Russian proverbs. The article may present a particular interest to the specialists in the field of onomastics, paremiology, and research rhymes.

Key words: onomastics, Proverbs, rhymes, proper names

REFERENCES

1. Al'dinger O. P. A Proper Name in the "Proverbs of the Russian nation" V. I. Dal: statistical aspect [Imya sobstvennoe v sostave "Poslovits russkogo naroda" V. I. Dal'ya: statisticheskiy aspekt]. *Sed'mye Polivanovskie chteniya*. Smolensk, SGPU Publ., 2005. Part III. P. 3–11.

2. Al'dinger O. P. *Frazeonomasticheskaya kartina mira v "Poslovitsakh russkogo naroda V. I. Dal'a": Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phrase like picture of the world in the "Proverbs of the Russian people by V. I. Dal": Author's abst. PhD. philol. sci. diss.]. Smolensk, 2006. 24 p.
3. Andreev N. P. The problem of the history of folklore [Problema istorii fol'klora]. *Sovetskaya etnografiya*. 1934. № 3. P. 28–45.
4. Vostrikova T. I. Anthroponyms in "Proverbs of the Russian nation" V. I. Dal: the possibilities of the lexicographic description [Antroponimy v "Poslovitsakh russkogo naroda" V. I. Dal'a: k vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya]. *Aktual'nye problemy sovremennoy leksikografii. Slovarnaya rabota v shkole i vuze: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Astrakhan', 24–26 sent. 1998 g.* A. N. Tihonov (scientific. ed.). Astrakhan, Izd-vo Astrakhanskogo ped. universiteta, 1999. P. 115–119.
5. Glukhikh V. M. About the euphony of Proverbs and sayings [O blagozvuchii poslovits i pogovorok]. *Russkaya rech'*. 1997. № 2. P. 103–106.
6. Kondrat'eva T. N. *Sobstvennye imena v mesyatseslovakh, poslovitsakh, pogovorkakh, zagadkakh, zagovorakh i skazkakh russkogo naroda* [Proper names of the months, Proverbs, sayings, riddles, conspiracies, and fairy tales of the Russian people]. M. O. Novak (ed.). Kazan, 2004. 340 p.
7. Lazutin S. G. Rhythm, metric and rhyme of the proverb [Ritm, metrika i rifma poslovitsy]. *Poetika russkogo fol'klora*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. P. 136–147.
8. Ovchinnikova I. G. Associative patterns and the text [Assotsiativnye struktury i tekst]. *Problemy sovremennoy teoreticheskogo i sinkhronno-opisatel'nogo yazykoznaniya. Vyp. 4: Semantika i kommunikatsiya*. L. V. Saharnyj (ed.). St. Petersburg, SPbGU Publ., 1996. P. 163–177.
9. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 232 p.
10. Reformatskiy A. A. Toponomastica as a linguistic fact [Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt]. *Toponomastika i transkripsiya*. Moscow, Nauka Publ., 1964. P. 9–34.
11. *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. V. Anikin (ed.). Moscow, Khud. Lit. Publ., 1988. 431 p.
12. Superanskaya A. V. Appellative – onomah [Apellyativ – onoma]. *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe: Sbornik nauchnykh statey*. A. V. Superanskaya (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1978. P. 5–33.
13. Stepanov Yu. S. *Imena, predikaty, predlozheniya: Semiologicheskaya grammatika* [Names, predicates, sentences: Semiotic grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 360 p.
14. Tverdokhlebova O. G. Third labialization sound [ʲe] to [ʲo] in old English: the question of the rhyme of Russian Proverbs [Tret'ya labializatsiya zvuka [ʲe] v [ʲo] v drevnerusskom yazyke: k voprosu o rifmovke russkikh poslovits]. *Avanesovskie chteniya: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. M. L. Remneva & M. V. Shulga (ed.). Moscow, MAKSS Press Publ., 2002. P. 258–260.
15. Tverdokhlebova O. G. The loss of the final Sonatnogo is reduced due to the decrease of reductions and rhymes in Russian Proverbs [Utrata konechnogo sonornogo -l- vsledstvie padeniya redutsirovannykh i rifmovka russkikh poslovits]. *Yazyk i poetika russkogo fol'klora: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya V. Ya. Proppa*. N. V. Patroeva (ed.). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2015. P. 106–108.
16. Shtokmar M. P. A poetic form of Russian Proverbs, sayings, riddles, rhymes [Stikhotvornaya forma russkikh poslovits, pogovorok, zagadok, pribautok]. *Zvezda Vostoka*. 1965. № 11. P. 149–163.

Поступила в редакцию 17.03.2016

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БЕЛОУСОВ

аспирант, научный сотрудник кафедры иудаики Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
 mail@serbel.ru

ОТ СЛОВА *СОВСЕМ* КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В русском языке существует конструкция *X от слова Y*, используемая для отсылки читателя к словообразовательному или этимологическому источнику. Однако в современном языке (прежде всего в Интернете) получили распространение выражения вроде *финальный от слова совсем*. Как показано в статье, конструкция *X от слова совсем* возникла естественным для языка образом в результате процесса грамматикализации. Путь грамматикализации представляет собой типологически распространенный переход от элементов со значениями «true» и «bad» к показателям интенсификации. То, что это выражение не является результатом ошибки и не представляет собой игру слов, а следует глубинной логике языка, подтверждается, во-первых, употреблением в различных коммуникативных ситуациях, а во-вторых – наличием целого ряда иных выражений, устроенных до определенной степени сходным образом и развивающихся в качестве самостоятельных языковых элементов.

Ключевые слова: грамматическая конструкция, интенсификатор, совсем, язык Интернета

В современном русском языке заметное распространение получила группа конструкций-интенсификаторов, среди которых наиболее заметна *X от слова совсем*. Затруднительно установить первый случай употребления выражения; самый ранний пример, который удалось найти, датирован 2005 годом:

- (1) [Hopsr] Единственный крупный минус – водонепроницаемость **отсутствует, от слова «совсем»** [airsoftgun.ru/phpBB/viewtopic.php?t=5383 (2005)].

Коммуникация в этом случае была успешной, то есть выражение было понятно читателям и не вызвало у участников дискуссии удивления, в связи с чем можно предположить, что история рассматриваемой конструкции началась раньше.

Со временем выражение *от слова совсем* стало употребляться шире и даже было зафиксировано в Национальном корпусе русского языка:

- (2) [listeriam] И вообще меня не понимала, когда я пыталась объяснить, что ребенок (4,5 года между прочим) вообще с ней один на один не останется без меня и разговаривать тем более **не будет**, как говорится, **от слова совсем** [НКРЯ. Форум: Проблемы с социализацией (2012)]¹.

Значительное число случаев употребления приходится на конец 2015 – 2016 год. Тогда же выражение *от слова совсем* проникло в печатную литературу².

Еще на начальном этапе своего распространения конструкция привлекла к себе внимание пользователей Интернета и вызвала ряд дискуссий, где одни участники употребление конструкции порицали как некорректное с точки зрения литературного русского языка³ и даже называли «идиотизмом очевидным»⁴, тогда как другие

придерживались более умеренной точки зрения и делали попытки объяснения. В частности, *от слова совсем* называлось идиомой и анаколуфом⁵, что нам представляется не вполне корректным.

Идиома в традиционном понимании характеризуется неразложимостью целого выражения на части и ограничена в вариативности элементов, а анаколуф представляет собой нарушение грамматических норм. Рассматриваемое же выражение, как показано ниже, является разновидностью более широкой модели, допускающей вариативность, и формально ни одного грамматического правила литературного русского языка не нарушает. Так что если это и идиома, то в филлморовском понимании – *familiar pieces unfamiliarly arranged* («известные элементы расположены необычным образом») [6: 508]. Поскольку рассматриваемое выражение нарушает принцип композициональности («значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними» [2: 22]), в данной статье предлагается *X от слова совсем* считать грамматической конструкцией.

Начнем разбор с попытки выделить элементы, из которых состоит конструкция:

1. Объект, или свойство, или качество *X*, чье значение модифицируется при употреблении в той или иной конструкции.
2. Составляющая *X от слова Y*.
3. Составляющая *совсем Z*.

Конструкция *X от слова Y*

Одним из способов объяснить или уточнить значение непонятных или неоднозначных слов в тексте – отсылка к «авторитетному источнику», не вызывающему у читателя сомнений. Данный прием характерен для научного или псевдонауч-

ного дискурса, типичны отсылки к этимологическому источнику. Возможны как полные предложения с глаголом (как правило, *происходит*), так и варианты с эллипсисом, где глагол опущен:

- (3) **Слово качество происходить от слова какой** или какое (подобно как **количество от слова колико**; во многих других языках имѣють они подобное же происхождение: латинское **qualitas отъ quails, quantitas отъ quantum**) [НКРЯ. А. С. Шишков. Письма къ Я. I. Бардовскому (1811)].

- (4) Вероятно, русское название «**седмичник**» произошло от слова «**седьмь**» – *семь* да так и закрепилось за диковинным растением <...> [НКРЯ. Наталья Карпушина. В поисках семицветика // «Наука и жизнь», 2009].

Возможна ссылка на этимологический источник с опущением промежуточных звеньев, то есть обращение к *переводу* иностранного слова без упоминания его (5), либо упоминания не напрямую (в скобках, как в примере (6)).

- (5) [*korzh18*] **Террорист от слова ужасный**... [http://volodymir-k.livejournal.com/659711.html (2012)].

- (6) **Субстанция** (substance) – слово **от слова** по-русски **сущность** [НКРЯ. М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)].

Можно найти и экзотические примеры:

- (7) <...> Он предъявил журналу свои условия и обязался приходить на все редакционные, так называемые **темные** (от слова «**тема**») заседания <...> [НКРЯ. В. П. Катаев. Трава забвенья (1964–1967)].

В примере (7) представлен случай неоднозначности, которую трудно было разрешить. Чтобы исключить если не первоначальное неправильное чтение, то хотя бы конечное понимание прилагательного *темный* как *тёмный*, дается ссылка на слово *тема* с ударным *е*, что указывает на контекстуально верное чтение *тёмный* и тем самым решает проблему. Кроме того, прилагательное *тёмный* редко употребляемо, и значение его может остаться непонятным даже при наличии ударения над *е*, а потому авторское объяснение не было бы лишено смысла даже при поставленном ударении.

Конструкция *Х от слова Y* используется также в народной этимологии и языковой игре. Необходимое условие – оба вариативных элемента должны быть однокоренными или созвучными:

- (8) – **Художник** – от слова **худо** жить, – ввернула Галя [НКРЯ. Варлам Шаламов. Дневники (1954–1979)].

- (9) Вообще-то он всегда боялся толпы, тесноты, давки, скученности. «**Скучно от слова скученно**», – говорил он не то шутя, не то совершенно серьезно [НКРЯ. Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть I (1978)].

В примере (9) отсылка к слову *скученно* обуславливает чтение [скуч'нъ] вместо соответствующего литературной норме [скушнъ], что является дополнительной речевой характеристикой персонажа.

Распространение конструкции *Х от слова Y* в разговорной речи можно объяснить ее стилистической принадлежностью: корни ее, по видимому, следует искать в клише школьных уроков русского языка и литературы – источник целого ряда выражений, получивших новую жизнь в Интернете, как, например, «тема не раскрыта»⁶. Все эти выражения устойчивы и в целом на слуху у носителей русского языка.

Итак, конструкция *Х от слова Y* в русском языке выполняет функцию объяснения и верификации (путем апелляции к источнику), причем *от слова* является устойчивым, практически фразеологизированным элементом с ярко выраженной стилистической окраской, отсылающей к научным или псевдонаучным текстам.

Конструкция *совсем Z*

Согласно определению «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка», «*Совсем P*» в значении *полноты* «указывает, что свойство *P* представляется говорящему в качестве максимума по сравнению с окрестностью *P*»⁷ [1: 150]. Действительно, в современном русском языке слово *совсем* используется для эмпазы, особенно в случае «усиленного отрицания» [1: 150], и указания на крайнюю степень проявления какого-либо свойства или состояния, что соответствует грамматическому значению интенсивности.

Похоже, что «усиленное отрицание», о котором говорится в «Путеводителе», конструкцией *совсем Z* воспринимается шире, то есть, скорее, как проявление отрицательного качества или негативной характеристики вообще, чем непосредственное наличие отрицательных частиц:

- (10) а. Вася **совсем дурак**.

б. *Вася **совсем гений**.

Интенсификатор *совсем* в предложении (10а) хорошо сочетается с негативной характеристикой, тогда как в (10б) может быть признано допустимым предложением русского языка только контекстуально – в случае языковой игры или иронии.

Сочетаемость наречия *совсем* довольно широка, возможны варианты с инфинитивными оборотами в качестве сентенциального актанта:

- (11) Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение **совсем не оканчивать фразы** <...> [НКРЯ. Н. В. Гоголь. Шинель (1842)].

Широкая вариативность грамматической формы *Z* в выражении *совсем Z* определяет успешность образования более широкой конструкции *Х от слова совсем* и многообразие ее конкретных реализаций.

Образование конструкции *Х от слова совсем*

Выше были рассмотрены две основных составляющих конструкции *Х от слова совсем*. Объяснительная составляющая *от слова* теряет ограничение на созвучие или этимологическую

связь элементов – происходит разрушение ее практической функции в исходном виде, но элемент апелляции к источнику при этом сохраняется.

Образование конструкции можно рассматривать как комический прием: во-первых, говорящий обманывает стилистические ожидания слушающего, который сталкивается с парадоксальным нарушением логики объяснения, во-вторых, возникает противоречие стилей и коннотаций: исторически подчеркнуто нейтральный научный стиль сталкивается с эмоционально окрашенным элементом. Если взять заголовок (12) Часть $6\frac{3}{4}$, она же **финальная, от слова совсем** [www.drive2.ru/b/2296324/ (2009)]⁸

и разобрать его буквально, то получится что-то вроде **часть $6\frac{3}{4}$ – финальная в значении совсем*. Читатель же «ожидает» увидеть что-то вроде *финальная от слова финал (конец)*, или *финальная, то есть последняя*. Правильное прочтение возможно только при рассмотрении составляющей *от слова* в отрыве от ее лексического значения, то есть если видеть в ней «связку» при интенсификаторе *совсем*: *финальная от слова совсем* – ‘действительно последняя’.

Итак, имея набор исходных элементов – *X от слова Y* и *совсем Z*, мы можем проследить этапы возникновения конструкции *X от слова совсем*: место *Y* занимает *совсем*, а *Z* сохраняется в виде негативной (в широком смысле) коннотации.

Дальнейшее развитие

Известно, что конструкции «должны меняться – причем меняться в целом, то есть не только семантически, но и морфологически, и синтаксически» [2: 22]. Выражение *от слова совсем* также претерпело ряд изменений, наиболее очевидное из которых – очищение грамматической конструкции от фиксированного элемента, а именно от слова *совсем*. Таковы конструкции, где *совсем* заменяется на полные или частичные синонимы для выражения значения интенсификации (конструкция *X от слова Z*):

- (13) [ArIZ] Почему этого момента нет ни в каком виде ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда? **Нет от слова вообще** [forums.drom.ru/vladivostok/t1152235882-p46.html (2015)].
- (14) [alienintheworld] Возможности подключить безлимитный **НЕТ, от слова НИКАКОЙ** (частный сектор, просят \$ 400 за подключение – такой wifi нам не нужен) [useful-faq.livejournal.com/14889303.html (2012)].

Возможны даже нецензурные варианты:

- (15) «3d не нужно **От слова нэ*****»⁹ (с). Вот поэтому все наши кинотеатры от активных технологий перешли на пассивные (АКА LG) [http://sysadmins.ru/topic455958-10.html (2015)].

Дальнейшие стадии развития отмечаются потерей отрицательной семантики. Этот процесс

естественен, так как эмоциональная и стилистическая характеристика не являлась свойством элемента *Z*, а обуславливалась коннотациями слова *совсем*. При замене этого лексического элемента стали возможны примеры с подчеркнуто одобрительной интонацией:

- (16) [*scally*] «Семейные узы» (1982–1989) – **прекрасны от слова совершенно**. Невероятно смешной, добрый, а временами и драматичный сериал [ru-serial.livejournal.com/509049.html (2012)].

Как видно из примера (16), сохраняется и экспрессивная функция конструкции в целом, и комический эффект, который по-прежнему достигается за счет столкновения нейтрального научного стиля и эмоционально окрашенного элемента¹⁰.

Возможны конструкции, где комический эффект минимален из-за отсутствия эмоционального компонента в вариативной части конструкции, однако экспрессивная функция конструкции сохраняется:

- (17) [Minion] Обзор не врет: действительно, для того чтобы собрать комплектуху на этом корпусе, для начала его нужно разобрать. Причем **разобрать от слова полностью** [habrahabr.ru/post/245421/ (2014)].

Итак, конструкция с отказом от фиксированного элемента стала продуктивной, и вариативный лексический элемент обуславливает эмоциональный окрас.

На данном этапе в большинстве случаев рассматриваемую конструкцию можно заменить обычной предикативной конструкцией («нет от слова совсем» → «совсем нет»)¹¹. Однако и эта структура может нарушаться:

- (18) [Heeoyin] Совершенно нечитаемо. От слова «совершенно» [www.livelib.ru/review/339180 (2014)].

Если повторить «буквальный разбор», проведенный выше над примером (12), получится, что пример (18) сообщает: **совершенно совершенно нечитаемо*. При этом приведенное высказывание воспринимается нормально.

Более того, конструкция допускает использование слов, которые вряд ли возможны в одной предикативной конструкции:

- (19) Идя в кино (к слову, зал был **полон от слова «целиком»**), я не знала, что это лишь одна из частей [shoni-mei.diary.ru/?order=frombegin&tag[]=17049 (2011)].
- (20) [abadesa2014] Честно говоря, тема бохо – **совсем не мое, от слова вовсе**. Мне меры нехватает, не скатиться в безвкусицу... [www.instagram.com/p/8_GG_ogg3N/ (2015)].

Сведя пример (19) к предикативной конструкции, мы получим **зал целиком полный*, что, кажется, не является корректным выражением русского языка, тогда как предложение *зал был полон от слова целиком* не воспринимается как

однозначно недопустимое, то есть конструкция не полностью синонимична обычной предикативной или атрибутивной, хотя и имеет с ней много общего. То же касается и примера (20). «Восстановив» предикацию, мы получим предложение с двойной интенсификацией, грамматичность которого вызывает вопросы:

(20') ***совсем вовсе не мое**.

Если убрать один из элементов, предложение вновь станет приемлемо:

(20'') ^{ок} **её совершенно слишком жестокий** конец.

Пример (20) и его модификации свидетельствуют о том, что роль принципа композиционности продолжает снижаться.

В некоторых случаях оказывается достаточно одного отрицания на конструкцию, то есть пропадает ограничение на «эмоциональное согласование» элементов *X* и *Z*, но по-прежнему в силе комический эффект, связанный с нарушением ожидания:

(21) [*dyasny*] Твое мнение **интересно от слова нисколько** [<http://www.linux.org.ru/forum/general/12363597?lastmod=1455736137708#comment-12363952> (2016)].

Вместо ожидаемого **не интересно от слова нисколько** автор использует вариант без первого отрицания. Буквально восстановить «исходную» форму не представляется возможным:

(21') *...твое мнение **нисколько интересно**, при этом

(21'') ^{ок} ...твое мнение **нисколько не интересно** не нарушает требования двойного отрицания и является приемлемым предложением русского языка.

Родственные конструкции

Как правило, «в языке конструкции существуют целыми семействами», а «близкие конструкции устроены похоже» [2: 22]. Примеры, рассматриваемые далее, ближе к классическому выражению *художник от слова худо*, чем к конструкции *X от слова совсем* (впрочем, популярность этой конструкции могла сыграть роль в распространении других), хотя также являются интенсификаторами:

(22) [*bulder*] Вот он **бесстрашный, от слова без-мозглый** [rusdtp.ru/15786-chudom-razehalis.html (2013)].

(23) [*Хельна Лонли-Локли*] **Парикмахер от слова идиот** [vk.com/album223498190_197319774 (2014)].

Особый интерес представляет ситуация, когда конструкция *X от слова Z* становится репликой в диалоге. Автор примера (24) воспроизводит на письме «диалог с чиновницей Минкульта»:

(24) А: – Да вы **утопист**!

Б: – **От слова утопить?**

А: – **От слова дурак** [echo.msk.ru/blog/t dutybq1/1556792-echo/ (2015)].

Любопытный аналог – «флуд», бессодержательная беседа в Интернете:

(25) [*Amore Amore*] А вы **СТРАННИК – от СЛОВА «странный»???)** [*War*] я **странный от слова ужасный**))) [*Он*] Нет **от слова «ищущий»!**.. [*Светлана Савостина*] **от слова путешественник**))) [otvet.mail.ru/question/71309402 (2012)].

Высказываясь в рамках заданной стилистики, разные люди поддерживают одновременно и языковую игру, и «дискуссию».

Конструкция может использоваться для выражения агрессии:

(26) [*Вечно Краткий*] **«Троллейбус» – от слова «троль»?** [*maylrushnik*] **от слова «безмозглый»** [otvet.mail.ru/question/91132899 (2013)].

В примере (26) происходит подмена: место заданного в вопросе слова, требующего объяснения, в ответе занимает человек, задающий вопрос, и характеристика *Z* приписывается уже ему. Тем не менее, несмотря на нарушение оригинальных связей и практически полного разрушения исходной конструкции, коммуникация по-прежнему успешна и не порождает неоднозначностей.

Грамматикализация

Среди обычных лексических источников для нерелективных интенсификаторов выделяются единицы типа «BAD ('bad', 'terrible')» [5: 50], ср. *ужасно красивый* 'в значительной степени красивый' и «TRUE ('true', 'real')» [5: 302], ср. *действительно великий* 'в значительной степени великий'. Конструкция *X от слова совсем* сочетает в себе оба этих пути: составляющая *от слова Y* является ссылкой на источник, то есть изначально служит верификации – подтверждению истины (элемент TRUE), а составляющая *совсем Z*, как было показано выше, свободнее всего сочетается именно с элементами, содержащими негативную окраску, то есть своего рода BAD. Таким образом, конструкция *X от слова совсем* следует универсальным закономерностям развития языка.

Еще одно доказательство в пользу того, что рассматриваемые выражения являются грамматическими конструкциями: их единственный неизменный элемент – слово *слова* – проходит процесс делексистикализации, который выражается в типичной для грамматикализации «редукции морфологической парадигмы» [3: 451]. На первый взгляд, естественными кажутся примеры, где количество слов, к которым идет отсылка, влияет на грамматическое число слова *слово*:

(27) [*Димитрий Саввин*] Но к сути вопроса она сермяга не относится никак. **От слов совсем и вообще** [www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=983986825005899&id=100001837714360 (2016)].

Однако в процессе деграмматикализации элемент *слова* становится неизменяемым. Возможны

как примеры с «обычной» игрой слов типа «художник от слова худо»:

- (28) [Андрей Бухаров] Как говаривал наш преподаватель топографии майор Степанов, топография **от слова много топать**... [www.proza.ru/2012/05/26/366 (2014)],

так и с интересующей нас грамматической конструкцией – интенсификатором:

- (29) [The...] Кто самый глупый (**от слова «много амбиций и мало мозгов»**) человек нашего шоубизнеса? [otvet.mail.ru/question/61773043 (2012)].

Деграмматикализация проявляется и в случае немногочисленных примеров с дублированием *X* в позиции *Z*:

- (30) [Илона Панова] Потому что поставщиков **нет. От слова «совсем нет»** [pics.ru/iskusstvo-godovyh-kolets-biznes-ilony-panovoj (2016)].

Снова *слова* отсылает нас к двум словам – *совсем нет*, однако согласования по числу (*от слов «совсем нет»*), как и в прошлых примерах, не происходит.

Выветривание лексического значения *от слова* позволяет провести параллель с английским *of* в конструкциях-интенсификаторах типа *a(n) X of a(n) Z*:

- (31) *He is a prince of a friend* = 'a friend who is a prince, who is magnificent' [4: 136] ≈ 'он принц из друзей' (по аналогии с *лучший из лучших*), то есть 'он обладает такими превосходными качествами, которые типичны для принца'.

По своей структуре это выражение оказывается аналогичным примеру (23) «**Парикмахер от слова идиот**».

ВЫВОДЫ

Если говорить об идиоматичности новой конструкции в целом, то ее следует отнести к типу *familiar pieces unfamiliarly arranged* в терминологии Филмора и Кея [6: 508], то есть отдельные составляющие конструкции представляют собой «обычные» слова и выражения языка, однако способ их соединения нов и необычен. При этом конструкция, как было показано, представляет собой продуктивную модель, допускающую различное лексическое наполнение для замещения составляющих, тем самым попадая в класс *формальных идиом* [6: 505].

Успех конструкции определяется тем, что система языка содержит большое количество потенциальных возможностей для образования и модификации конструкций. Под влиянием тех или иных факторов, а в случае *от слова совсем* – следуя типологическим закономерностям – становится возможным реализация той или иной из них.

Можно подкрепить это утверждение тем, что конструкция *X от слова совсем* и ей подобные проникли в родственные языки, связанные с русским общим культурным пространством, – украинский и, в меньшей степени, белорусский:

- (32) *укр. <...> в тонкощах якої ви не розбираєтесь від слова «зовсім»* [www.trud.gov.ua/control/uk/publish/printable_article.jsessionid=5F8426662E5464BF7358AAAAAC626E88?art_id=478462 (2014)] – 'в тонкостях которой вы не разбираетесь **от слова совсем**'.

- (33) *блр. [Максім Л.] Не хвалюся, ад слова зусім* [be.wikipedia.org/wiki/Размовы:Беларускі_калабарацыянізм_у_Другой_сусветнай_вайне (2013)] – 'Не волнуюсь, **от слова совсем**'.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ряд примеров для настоящей статьи был собран в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru), однако в связи с неполнотой охвата корпусом «низких» жанров последних лет мы обратились также к общедоступным поисковым системам «Google» и «Яндекс». Дата доступа всех электронных ресурсов – 28.06.2016.

² По свидетельству системы «Google Books».

³ «[Wellenbrecher] Откуда взялся этот убогий, совершенно не по-русски звучащий оборот?» [http://lingvoforum.net/index.php?topic=70230.0 (2014)]. Один из участников обсуждения отмечает, что конструкции «больше двух лет», то есть датирует ее, по крайней мере, 2012 годом.

⁴ [http://yakov-a-jerkov.livejournal.com/1015875.html (2014)]. Автор данной записи датирует появление конструкции примерно 2013 годом: «В последний буквально год, по-моему, на сумасшедший ход встал оборот „от слова совсем“».

⁵ [http://www.diary.ru/~kruzhok/p171782669.htm (2012)].

⁶ Благодарю за наблюдение В. А. Плунгяна.

⁷ Переменной *P* в нашем разборе из соображений локального единообразия соответствует *Z*.

⁸ Вероятно, порядковый номер $6\frac{3}{4}$ действительно может быть *последним*: вспомним «угрожающий» счет в детских играх, когда считающий дает дополнительное время: *Раз... Два... Два с половиной...* – и так далее, оттягивая наступление *три*, то есть главное – не достичь следующего целого числа.

⁹ Читателю представляется самостоятельно восстановить оригинальный текст, следуя своему языковому чутью.

¹⁰ Впрочем, противопоставление *нейтральное* – *негативное* значительно заметнее, чем *нейтральное* – *положительное*, а потому и комический эффект заметно слабее.

¹¹ Возможность свести конструкции со значением интенсификации к предикативным конструкциям отмечал Д. Болинджер, например: *What a fine bargain!* 'До чего выгодная сделка!' ~ *The bargain is so fine!* 'Сделка такая выгодная!' [4: 84].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
2. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Введение. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 18–79.

3. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. Глава 3. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 398–454.
4. Bolinger D. Degree words. The Hague; Paris: Mouton, 1972. 324 p.
5. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press, 2004. 400 p.
6. Fillmore Ch. F., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // Language, 64.3. P. 501–538.

Belousov S. S., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

OT SLOVA SOVSEM AS A GRAMMATICAL CONSTRUCTION

A construction X developed from the word Y can be found in the Russian language. It can be used to indicate a derivative or an etymological source of the word in order to resolve ambiguity. However, the expression may be found on the Internet in a different form – *X from the word "sovsem"* is translated as *final*. Standard language rules forbid expressions of the sort; nevertheless, it is argued that this expression is natural for contemporary Russian. A new construction acts as an intensifier and in its development follows specific patterns of grammaticalization, which are characteristic of intensifiers. For example TRUE > intensifier or BAD > intensifier. Other evidences supporting a suggestion of such natural expressions' development are their successful employment in various communicative situations and formation of similar constructions, some of which continue their further development as independent language elements.

Key words: grammatical construction, intensifier, entirely, language of the Internet

REFERENCES

1. Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A Guide to Russian Discourse Words]. Moscow, Pomovskiy i partnery Publ., 1993. 207 p.
2. Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Introduction. Construction Grammar: Theories, Advocates, Similar Ideas [Vvedenie. Grammatika konstruktsey: teorii, storonniki, blizkie idei]. *Lingvistika konstruktsey*. Moscow, Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik" Publ., 2010. P. 18–79.
3. Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Karpova O. S. Chapter 3. Semantic Shift in Attribute Constructions: Metaphor, Metonymy and Rebranding [Glava 3. Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktseyakh: metafora, metonimiya i rebrending]. *Lingvistika konstruktsey*. Moscow, Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik" Publ., 2010. P. 398–454.
4. Bolinger D. Degree words. The Hague; Paris: Mouton, 1972. 324 p.
5. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press, 2004. 400 p.
6. Fillmore Ch. F., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // Language, 64.3. P. 501–538.

Поступила в редакцию 09.09.2016

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА НИКОЛАЕВА

аспирант кафедры немецкой филологии РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация) olyanik1983@mail.ru

О ДИНАМИЧНОСТИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Б. ШЛИНКА)

Концепт «Vergangenheit» является базовым для индивидуальной картины мира современного немецкого писателя Б. Шлинка. Анализируя изменение ряда характеристик данного культурного концепта в двух романах Б. Шлинка, созданных в последние годы, «Das Wochenende» (2008) и «Die Frau auf der Treppe» (2014), автор статьи делает вывод об эволюции авторской картины мира. В романе «Das Wochenende» ядро концепта «Vergangenheit» приобретает абстрактный характер и ассоциируется в восприятии читателя с «судьбой человека как представителя своего поколения». В романе «Die Frau auf der Treppe» выделенная характеристика, напротив, конкретизируется и обозначает «жизнь конкретного человека, личную судьбу». О динамичности авторской картины мира, таким образом, свидетельствует ее изменение от отвлеченности к конкретике.

Ключевые слова: немецкая языковая картина мира, индивидуально-авторский концепт прошлого, объективация концепта «Vergangenheit», Бернхард Шлинка, романы «Das Wochenende» и «Die Frau auf der Treppe»

Весь сложный и противоречивый опыт немецкого прошлого, будь то преступления против человечности, совершенные национал-социалистами в эпоху Третьего рейха, или поражающие бессмысленной жестокостью террористические акты, осуществленные в 1970–1980-е годы XX века леворадикальной организацией «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF), способствует концептуализации данной темы в мировосприятии современных носителей немецкого языка. Соответственно, концепт «Vergangenheit» («прошлое») закрепляется с течением времени в качестве ментального комплекса, представленного средствами немецкого языка, обретает национальную специфику и становится одним из весьма значимых элементов в немецкой языковой картине мира.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает экспликация одноименного культурного концепта в пределах авторской картины мира. Не лишаясь общечеловеческих и национальных характеристик в пределах ядерной и приядерной зон, он в данном случае обнаруживает на периферии «личностные особенности авторского мировосприятия» [2: 135], несомненно «составляющие суть художественного творчества» [2: 138], и превращается в индивидуально-авторский концепт. В этой связи интересно проследить динамику индивидуальной картины мира писателя в русле тех изменений в репрезентации, которые претерпевает в творчестве автора один из его базовых индивидуальных концептов.

Наверное, нет в немецкой литературе двух последних десятилетий другого писателя, который, подобно Бернхарду Шлинку, автору прославленного романа «Чтец» («Der Vorleser») (1995), столь же активно обращался бы к теме преодоления

немецким народом своего прошлого, сделав последнюю одной из магистральных тем творчества и превратив соответствующий культурный концепт «Vergangenheit» в базовый для своей индивидуальной картины мира. При этом работа писателя над осмыслением этой проблемы находит свое отражение не только в теоретических установках (в частности, в цикле из трех лекций на тему «Размышления о писательстве. Гейдельбергские лекции по поэтике» («Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen») 2011 года). Прежде всего позиция Б. Шлинка по данному вопросу в ее становлении обнаруживается в тех видоизменениях, которые претерпевает авторская картина мира писателя и, в частности, культурный концепт «Vergangenheit» в романах последних лет. В качестве примера динамики авторской картины мира следует сослаться на изменение ряда характеристик культурного концепта «Vergangenheit» в романах Б. Шлинка «Три дня» («Das Wochenende») (2008) и «Женщина на лестнице» («Die Frau auf der Treppe») (2014).

Известно, что ядерные характеристики концепта являются облигаторными и общепринятыми для всех представителей определенной лингвокультуры [1: 112–113]. Под ядром концепта «Vergangenheit» мы понимаем (с опорой на толкование, приведенное в словаре «DUDEN-DUWB, 1989») «жизнь человека до настоящего момента» («jemandes Leben bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt») [3: 1642].

В романе «Das Wochenende» названная ядерная характеристика приобретает более абстрактный характер и трансформируется в своеобразный «метафизический суд» над прошлым, в критический анализ фактов прошлой жизни главного героя, немецкого террориста Йорга,

одного из лидеров ультралевой экстремистской организации RAF, помилованного после двадцати четырех лет заключения. Этот «суд» происходит в первые дни пребывания главного героя на свободе во время встречи со старыми друзьями-единомышленниками в небольшом загородном доме его сестры.

Постоянное обращение участников встречи к прошлому Йорга находит отражение, прежде всего, в часто повторяемых в тексте лексических номинациях прошлого: «sich erinnern», «zurückdenken», «Vergangenheit», «damals», «einst», «früher», «das Geschehene», «vor Jahren», «seit Jahren». Эти лексические единицы (ЛЕ) репрезентируют в данном романе в совокупности индивидуально-авторский концепт «Vergangenheit», являющийся его понятийно-тематической доминантой. Данные ЛЕ наиболее часто используются представителями национального лингвокультурного сообщества для репрезентации одноименного культурного концепта [1: 113]. Любопытен и тот факт, что из всех лексем этого списка наибольшее распространение в тексте получают ЛЕ «damals» (42), «sich erinnern» (36) и их дериваты, а также основной лексический репрезентант анализируемого концепта – ЛЕ «Vergangenheit» (9). Все они содержат в своей семантической структуре семы «Zurückliegendes», «im Gedächtnis bewahrt haben», «sich ins Bewusstsein zurückrufen», «zurückdenken» [3]. Указанные лексемы формируют идею «воскрешения минувшего и сохранения его в памяти» и способствуют, по нашему мнению, возникновению противопоставления двух временных планов: 1) настоящего, из которого ведется повествование, и 2) минувшего («damals» «Vergangenheit»), в которое возвращаются мысли повествователей – участников встречи, поочередно вспоминаящих прошлое и пытающихся вскрыть причины поступков главного героя и на примере его судьбы переосмыслить недавнее террористическое прошлое Германии (die jüngste Vergangenheit Deutschlands).

Тем не менее, несмотря на тот факт, что центральное место в романе отведено прошлому Йорга, одноименный культурный концепт отнюдь не исчерпывается своей ядерной характеристикой – «жизнь конкретного человека до настоящего момента». Перед читателем предстает биография не столько личная, сколько целого поколения, то есть не единичная судьба, но судьба целого поколения тех молодых немецких интеллектуалов конца 1960-х годов, которые под влиянием ложных идеалов и убеждений встали на путь терроризма.

Подтверждение этому находим в имплицитной репрезентации индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit», в тех лексических, грамматических, стилистических средствах, которые маркируют уникальность языковой личности писателя и актуализируют характеристики концепта, формирующие его ассоциативно-образный и оценочный слои [1: 113].

В беседах собравшихся на трехдневную загородную встречу людей, бывших некогда близкими друзьями и единомышленниками, прошлое Йорга как «героя своего времени» – дерзкие похищения и убийства, ультиматумы правительству, постоянный риск и фанатичная вера в идею «городской партизанской войны» против государства – не более чем «безобразная, отвратительная болезнь, дурман и морок», которые поразили террористов много лет назад, но с которыми необходимо окончательно расстаться во имя будущего.

Ассоциативный слой концепта «Vergangenheit» формируется признаками «нездоровье», «помрачение», «дурман», а его оценочный слой характеризуется выраженной отрицательной направленностью.

(1) «Ja, der Kampf war Unsinn. Aber alles war damals Unsinn.<...> wenn ich daran zurückdenke, kommt es mir verrückt vor <...>» (44)¹

(2) «Sie fand Jörg krank. Muss nicht krank sein, wer Leute umbringt, nicht aus Leidenschaft und Verzweiflung, sondern klaren Kopfs und kalten Bluts?» (88)

(3) «<...> das Gefühl eines kranken Themas, eines Themas, bei dem über eine Krankheit gesprochen wurde, die damals die Terroristen befallen hatte» (88)

(4) «Das alles tat einer hässlichen, abstoßenden Krankheit viel zu Ehre an» (88)

(5) «Sie wollte tun, was sie konnte, damit die Kranken nicht noch kranker würden» (88)

(6) «Was für ein Rausch der Freiheit!» (112)

(7) «Habt ihr so viel getrunken, dass ihr ihn im Nebel des Suffs ermordet habt?» (158)

Формами реализации ассоциативных смыслов нездоровья, помрачения, дурмана в нижеследующих микроконтекстах являются:

а) градации ЛЕ «krank» и ее дериватов, абстрактного имени «Krankheit», собирательного имени «die Kranken» и компаратива «kranker» (их эмоционально-оценочная направленность усиливается благодаря включению в соседние, сходные в структурном плане предложения, которые связаны друг с другом отношениями смыслового сцепления, в конструкции-распространители; этой же цели служит и использование усилительных частиц);

б) многочисленные повторы ЛЕ «krank» и ее дериватов, а также ее контекстуальных, частно-оценочных синонимов «Unsinn» и «verrückt»;

в) «генитивные метафоры» «ein Rausch der Freiheit», «im Nebel des Suffs»;

г) градация эпитетов «hässlich» и «abstoßend», входящих в состав атрибутивной группы абстрактного существительного «Krankheit»;

д) риторический вопрос (2), негативная оценочность которого усиливается отрицательной частицей nicht и антитетичным построением вопросительного высказывания.

Опубликованный в 2014 году роман Б. Шлинка «Женщина на лестнице» повествует о случайном столкновении главного героя и одновременно

рассказчика истории, пожилого преуспевающего немецкого адвоката, с печальным эпизодом его прошлого, историей его первой, трагической любви, и о том, как эта «встреча» изменяет настоящее и будущее персонажа. Семантическое ядро культурного концепта «Vergangenheit» как «жизни некоего человека до настоящего момента» редуцируется до сингулярного, «личного» прошлого главного героя и переживаемых им по этому поводу чувств и эмоций.

Прошлое персонажа – это главным образом история его безответного и глубокого чувства к Ирине, женщине, изображенной на картине, которую герой неожиданно видит вновь через сорок лет в Художественной галерее Сиднея. Этот случай воскрешает в памяти главного персонажа все обстоятельства, сопутствовавшие внезапному исчезновению его возлюбленной, напоминает ему об обмане Ирины и будит в нем непреодолимое, сопровождавшее его все годы потаенное желание докопаться до сути произошедшего.

Соответственно в контексте произведения индивидуальный концепт «Vergangenheit» обретает смысл «эмоционального переживания событий прошлого» и находит отражение в соседстве лексем – номинантов прошлого (как и в «Das Wochenende», они представлены наиболее частотными ЛЕ «damals» (57), «Erinnerung» (39), «Vergangenheit» (21)) со значением ощущения, восприятия и чувственного представления: ЛЕ «Gefühl», «Verlangen», «Verletzung», «Erschütterung», «beklommen», «verletzt», «traurig», «wütend», «plagen», которые включают в свою семантическую структуру семы «Gefühlserlebnis» и «gefühlsmässige Einstellung zu einer Situation» [3].

Случившееся много лет назад не дает адвокату покоя и вынуждает вновь обратиться к своему прошлому, произвести его пересмотр и тем самым «отпустить» его, придав ему некий правильный смысл.

(1) «Aber sie (die Vergangenheit) ließ sich nicht abtun. Sie saß in meinem Kopf<...>» (25)²

(2) «Mir wurde die Erinnerung körperlich unangenehm» (69)

(3) «Nur schwer mache ich meinen Frieden damit, dass die Vergangenheit immer wieder keinen rechten Sinn macht» (69)

(4) «Vierzig Jahre war alles her, und sie würde lächerlich finden, dass mich die Vergangenheit nicht losließ. Ich selbst fand lächerlich, wie gegenwärtig sie mir war» (69)

Ассоциативный слой анализируемого концепта формируют такие признаки, как «отсутствие покоя», «мучительное, навязчивое состояние», а оценочный слой, как и в романе «Das Wochenende», имеет ярко выраженную отрицательную направленность. В приведенных микроконтекстах в качестве форм реализации этих смыслов выступают:

а) градация глагольных групп, объединенных семантикой «лишение покоя» (отрицательная оценочность усилена частицей nicht) (1);

б) синестетическая метафора, объединяющая физические и ментальные ощущения отрицательной направленности (2);

в) использованные в рамках гипотаксиса окказиональные синонимы – фразеологические сочетания (эмоционально-оценочная направленность сохраняется благодаря усилительной частице nur и отрицанию kein) (3);

г) антитеза, построенная на базе ЛЕ, являющихся узуальными антонимами (4).

В романе «Die Frau auf der Treppe», как и в «Das Wochenende», присутствует образ «прошлого-болезни», «прошлого-помрачения», связанного в данном случае с основным женским персонажем произведения, «женщиной на лестнице» Ириной. Прошлое Ирины – это неустанные, бесконечные поиски настоящего мужчины, с которым она смогла бы прожить истинную жизнь, наполненную стремлением к великим свершениям, ради которых можно пожертвовать всем и вся: «Ich dachte wirklich, mit dem richtigen Mann würde ich das richtige Leben finden. Ein Leben, in dem etwas Großes von mir Besitz ergreift, wofür ich alles geben mag» (126). Однако изначально благое жизненное устремление оборачивается для героини, как и в случае с Йоргом, «погоней за миражами». Уже постаревшая Ирина, описывая свою прошлую жизнь, использует для этого развернутую метафору, которая, благодаря наличию ассоциативного смысла «наркотический дурман», «помрачение», содержит ярко выраженную отрицательную оценочность: «So verrückt das Leben war, so verrückt ich war... Ich war aus den Fugen, frei von allem, was mich begrenzt – und allem, was mich gehalten hatte. Ein Leben wie eine Sucht. Danach war ich wie auf Entzug, mit Schlaflosigkeit, Herzjagen, Schweißausbrüchen» (43). Отрицательно-оценочный смысл болезненного дурмана реализуется в значениях ЛЕ «verrückt», «aus den Fugen», «Sucht», «auf Entzug», «Schlaflosigkeit, Herzjagen», «Schweißausbrüchen», выступающих в качестве контекстуальных синонимов, описывающих симптомы пребывания в наркотическом и абстинентном состоянии и сохраняющих негативные коннотации, закрепленные за ними в узусе. Кроме того, метафору «Ein Leben wie eine Sucht», которую Б. Шлинк эксплицитно связывает с прошлым Ирины (на это указывают и претеритальные глагольные формы, использованные в речевом сегменте героини), усиливает прием градации «Ich war aus den Fugen» – «frei von allem» – «wie auf Entzug». Заметим также, что, подобно роману «Das Wochenende», «экзистенциальная болезнь» героини обретает и свое фабульное воплощение: Ирина стремительно угасает на руках адвоката от рака поджелудочной железы. В этой связи в произведении возникает еще одна метафора, коррелирующая с индивидуальным концептом «Vergangenheit», – «прожитая жизнь как упавшая на пол и разлетевшаяся на осколки ваза»: «Mein Leben fühlt sich wie eine Vase an, die auf den Boden gefallen und in Stücke

zersprungen ist» (127), актуализирующая для читателя в ЛЕ «Vase», «auf den Boden gefallen», «in Stücke zersprungen» ассоциативные смыслы хрупкости и необратимости прошедшего.

Итак, анализ особенностей репрезентации культурного концепта «Vergangenheit» в двух романах Б. Шлинка, созданных в последние годы, позволяет сделать некоторые выводы об эволюции авторской картины мира. В романе «Das Wochenende» ядерная характеристика анализируемого концепта приобретает более абстрактный характер и ассоциируется в восприятии читателя с «судьбой человека как представителя своего поколения». В романе «Die Frau auf der Treppe» выделенная характеристика, напротив, конкретизируется и обозначает «жизнь конкретного человека, личную судьбу».

Образ прошлого как болезни, недуга, надежденный отрицательной оценочностью, является стабильным компонентом авторской картины мира в обоих романах, однако в романе «Das Wochenende» ему отводится центральное место, а в «Die Frau auf der Treppe» – второстепенное. Это объясняется тем, что в первом случае Б. Шлинк сосредоточен на критическом анализе прошлой жизни центрального персонажа Йорга

как «героя своего времени», судьба которого, становясь предметом пристального рассмотрения, ассоциативно связывается автором с отвратительной болезнью. Во втором романе в фокусе авторского внимания оказывается эмоциональное переживание главным героем произведения событий своего личного прошлого. Метафора «прошлое-дурман» возникает в данном случае в связи с образом Ирены, «женщины на лестнице», и является антитезой по отношению к судьбе центрального персонажа.

Видоизменение ядерных характеристик индивидуально-авторского концепта «Vergangenheit» вызывает как следствие и изменение средств его репрезентации. В романе «Das Wochenende» наибольшее распространение получают ЛЕ, содержащие в семантической структуре сему воскрешения и сохранения в памяти, имплицитные противопоставление временных планов прошлого и настоящего главного героя, что отвечает авторскому замыслу. В романе «Die Frau auf der Treppe» концепт находит выражение в соположении лексем – номинантов прошлого с лексикой чувственного восприятия, что выдвигает на первый план эмоциональное отношение центрального персонажа к своему личному прошлому.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Schlink B. Das Wochenende. Roman. Zürich: Diogenes Verlag, 2008. 239 s. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера страницы арабской цифрой.
- ² Schlink B. Die Frau auf der Treppe. Roman. Zürich: Diogenes Verlag, 2014. 245 s. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера страницы арабской цифрой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меняйло В. В. Динамичность авторской картины мира // *Studia linguistica*. Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник. 2009. № 18. С. 110–117.
2. Филиппова С. Г. О слоисто-полевой организации авторского концепта // *Studia linguistica*. Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник. 2009. № 18. С. 135–141.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Nikolaeva O. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ABOUT THE DYNAMISM OF AUTHOR'S WORLD-IMAGE (A CASE STUDY OF B. SCHLINK'S NOVELS)

Concept "Past" is considered to be one of the basic concepts for individual world-image of a modern German writer Bernhard Schlink. While analyzing how a number of characteristics of the following cultural concept have been changing in two novels, written by Bernhard Schlink in recent years, "The Weekend" (2008) and "The Woman on the Stairs" (2014), the author of the paper draws a conclusion about the evolution of author's world-image in these novels. In the novel "The Weekend" the core of the concept "Past" takes an abstract form and readers could associate it with "a destiny of a person as a representative of his/her generation". In the second novel "The Woman on the Stairs" the following characteristics, though, is concretized and has a meaning of "a concrete person's life, personal destiny". Therefore, the dynamism of author's world-image is manifested in the change of its core characteristics from the abstract to specific form.

Key words: German linguistic world-image, individual author's concept of Past, objectification of the concept of Past, Bernhard Schlink, novels "The Weekend" and "The Woman on the Stairs"

REFERENCES

1. Menyaylo V. V. Dynamism of author's world-image [Dinamichnost' avtorskoy kartiny mira]. *Studia linguistica. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaneya: Sbornik*. 2009. № 18. P. 110–117.
2. Filippova S. G. About a layered field-type organization of author's concept [O sloisto-polevoy organizatsii avtorskogo kontsepta]. *Studia linguistica. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaneya: Sbornik*. 2009. № 18. С. 135–141.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 s.

Поступила в редакцию 12.09.2016

ВЕРА ГЕННАДЬЕВНА ПЕРЦЕВА

аспирант кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии, Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
vera.perczewa@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ ЯЗЫКА ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ ЦИТАТ)

Целью статьи является исследование особенностей построения макро- и микроструктуры специальных словарей цитат политиков. Выбор данной темы обусловлен популярностью цитирования высказываний известных личностей во всех видах дискурса, в частности в политическом. Используются следующие методы исследования: метод лексикографического анализа (наблюдение, обобщение, типологизация), разработанный отечественными лексикографами Л. П. Ступиным и О. М. Карповой, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод контекстуального анализа. В результате изучения структурных особенностей словарей цитат политических деятелей автор приходит к выводу о том, что цитата представляет собой знак системы языка и культуры, носитель культурной информации, незнание которой вызывает сложности декодирования значения. Основная задача лексикографа заключается в детальной семантизации цитаты, необходимой для решения коммуникативных задач активным пользователем. Следовательно, словарная статья словаря цитат должна включать максимальное количество информационных категорий, создающих многоаспектный лексикографический портрет высказывания. Прагматический аспект цитаты раскрывается посредством языковой и речевой зон словарной статьи и лингвокультурного комментария, знакомящего пользователя с коммуникативной ситуацией.

Ключевые слова: словарь, макроструктура, микроструктура, цитата, политик, перспектива пользователя, семантизация, лексикографический портрет

Словари цитат являются сокровищницей, регистрирующей прецедентные тексты как неотъемлемую часть лингвокультурного фонда нации. В связи с интенсивной политизацией общества, интеграцией стран в глобальное политическое, социальное и экономическое пространство, высокой степенью интереса лингвистов и политологов к политическому дискурсу особую популярность в англоязычной лексикографии XXI века получили словари цитат политических деятелей. Справочники такого типа отличаются специфической структурой, которая формируется под влиянием основных тенденций английской лексикографии, таких как ориентация на перспективу пользователя и стремление к конвергенции разных типов словарей.

Цель данного исследования заключается в отражении структурно-семантических и прагматических особенностей словарей цитат политиков на основе обобщения данных лексикографического анализа конкретных справочников цитат. Анализируя структуру любого лексикографического произведения, нельзя не упомянуть исследователя Л. П. Ступина, который разработал методику анализа словарей, впоследствии развитую в работах Ивановской лексикографической школы под руководством доктора филологических наук, профессора О. М. Карповой [2], [3]. Данный подход успешно применялся в исследованиях М. В. Горбунова [1], Н. С. Уткиной [6], О. А. Мелентьевой [5] и многих других.

Методика проведения лексикографического анализа словарей включает определение типа словаря по следующим параметрам: язык (одноязычный, двуязычный, многоязычный), объект описания (лингвистический, энциклопедический), размер словаря (большой, средний, малый), лексикографическая форма словаря (конкорданс, индекс, глоссарий, толковый словарь, тезаурус), форма представления материала (печатный, электронный), охват лексики (общий, специальный), адресат словаря (студент, переводчик, специалист и т. д.). Важным этапом лексикографического анализа словаря является анализ источников, которые могут включать лексикографические издания, научно-техническую и художественную литературу, статьи из газет и журналов и т. д. Безусловно, следующие три этапа анализа – исследование особенностей мега-, макро- и микроструктуры справочников – представляют собой неотъемлемую составляющую лексикографического анализа любого словаря [2: 16].

В современной науке о словарях значительный подъем испытывает составление словарей языка политических деятелей, в частности словарей цитат политиков. Богатый репертуар справочников данного типа отражен в книге В. Мидера *International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms* [4], [18]. Анализ современных словарей цитат политических деятелей показал, что их мегаструктура,

как правило, универсальна и характеризуется наличием следующих компонентов: вводной части, словника и ряда приложений. В силу того что важнейшими компонентами словаря цитат являются словник и словарная статья, в данной работе остановимся более подробно именно на анализе этих компонентов, а не мегаструктуры словаря.

Языковой материал в словарях цитат политиков может быть упорядочен в словнике в соответствии с алфавитным, тематическим, тематико-алфавитным и прагматическим принципами. С нашей точки зрения, невозможно однозначно выделить достоинства и недостатки каждого способа систематизации цитат, так как среди них существуют справочники активного типа (расчитанные на специалистов, которые изучают особенности словоупотребления того или иного политического деятеля, систему его взглядов и убеждений, цитату как стилистический прием, ее функции в политическом дискурсе и т. д.) и пассивного типа (ориентированные на пользователя, обращающегося к словарю с целью декодирования значения высказывания, уточнения его источника и получения справки лингвокультурного характера).

Так, словарь *The Wit and Wisdom of John F. Kennedy. An A-to-Z Compendium of Quotations* by Alex Ayres (1996 год) представляет собой образец алфавитного подхода к формированию макроструктуры [8]. Поскольку словарь носит монографический характер, поиск цитаты осуществляется по первой букве ключевого слова, как принято в большинстве словарей современной английской лексикографии. В сводных словарях цитат политиков, например в справочнике *The Dictionary of Conservative Quotations* by Iain Dale (2013 год), цитаты распределены по авторским рубрикам, расположенным в алфавитном порядке [9]. Безусловно, подобный подход оптимизирует поиск информации, позволяет пользователю легко установить авторство и источник высказывания. Однако, как нам представляется, авторский принцип систематизации языкового материала неудобен для продуктивного использования, то есть для поиска цитат с целью их употребления в новом контексте, например в устных выступлениях и различных видах письменных работ.

В свою очередь, тематический принцип расположения прецедентных высказываний в большей степени отвечает коммуникативным запросам пользователя. Тематическая категория объединяет цитаты, тесно связанные общностью семантического значения. Так, в словаре *The Biteback Dictionary of Humorous Political Quotations* by F. Metcalf (2012 год) тематические категории расположены в алфавитном порядке, начиная с *Agriculture* и заканчивая *Work*, и включают высказывания, отвечающие обозначенной предметной рубрике, раскрывая содержание ключевого слова посредством цитат, прямо или косвенно соответствующих данной теме и представляющих собой смысловое единство [17].

Однако тематический подход к формированию словника требует от лексикографа глубокого понимания контекста возникновения и употребления цитаты, так как в интерпретации прецедентного высказывания значительную роль играет субъективный фактор, связанный с культурными и индивидуально-личностными особенностями реципиента. Отсюда следует, что тематическая перегруппировка подходит только в том случае, если план содержания цитаты определяется однозначно. Так, в словаре цитат Т. Рузвельта *The Bully Pulpit. A Teddy Roosevelt Book of Quotations* by H. Paul Jeffers (2002 год) в рубрике *Happiness* зарегистрировано следующее высказывание:

If you have small, shallow souls, shallow souls and shallow hearts, I will not say you will be unhappy; you can obtain the bridge-club standards of happiness; and you can go through life without cares and without sorrows, and without conscious effort, in so far as your brains will enable you to do so; but you have richly deserved the contempt of everybody whose respect is worth having [12: 68].

Однако лексический и семантический анализ данной цитаты показывает, что ее можно также включить в рубрики *Respect* и *Contempt*. Следовательно, восприятие и декодирование значения цитаты весьма субъективно и предполагает разные варианты прочтения, поэтому некоторые прецедентные тексты сложно классифицировать по тематическому критерию.

Схожим с тематическим, но наиболее широким по охвату понятийных категорий следует признать ассоциативный подход составителей, который в большей степени характерен для принципов построения тезаурусов. Он предполагает более детальное подразделение тематической рубрики на множество подрубрик, создавая тем самым широкое ассоциативное поле высказывания. Данный способ построения макроструктуры справочника цитат представляется удобным, так как позволяет рассмотреть прецедентные тексты во всем их многообразии и формирует прочные ассоциативные связи между цитатами в сознании пользователя словаря, облегчая выбор необходимого высказывания для выражения своих мыслей.

Следует отметить, что достаточно распространенным среди словарей цитат политиков является функционально-прагматический способ систематизации языкового материала. Данный подход предоставляет пользователю возможность выбрать цитаты для определенных коммуникативных ситуаций: поздравлений, приветствий, замечаний, докладов и т. д. Подобное расположение цитат нередко близко к жанровому расположению: шутки, пословицы, антипословицы, предсмертные слова, тосты и т. д. Так, в словаре *Churchill by Himself* by R. Langworth (2011 год), кроме тематических разделов, составитель группирует цитаты согласно жанровому принципу, выделяя среди них предсмертные

слова (*the immortal words*), максимы (*maxims*), «черчиллизмы» (*churchillisms*), анекдоты и истории (*anecdotes and stories*) [16].

Тем не менее, несмотря на прагматическую направленность данных справочников, среди словарей цитат политиков жанровая и функционально-прагматическая группировки высказываний не являются распространенными, поскольку требуют глубокого анализа на стилистическом и коммуникативном уровнях и знания контекста возникновения. Как показало наше исследование, такой способ более популярен в сводных словарях цитат с большим объемом словника. Ярким примером подобного подхода можно считать словарь цитат *Quotations for All Occasions* by C. Frank (2000 год), который регистрирует высказывания для таких случаев, как *Birthday, New Year, Martin Luther King Day, Chinese New Year, Valentine's Day, April Fool's Day, Easter, Mother's Day* и т. д. [10]. Безусловно, прагматический подход отвечает запросам современного пользователя, который стремится к повышению эффективности общения.

Следовательно, анализ словарей цитат политиков на макроуровне свидетельствует об адресной направленности словаря, особенностях расположения цитат, функциональном назначении и принципах отбора языкового материала, определяя тем самым круг потенциальных пользователей.

Отметим, что проблема отбора цитат для словника является одной из самых важных для лексикографов. Среди основных источников высказываний для словарей цитат политических деятелей можно назвать СМИ, публичные речи политиков, мемуары. Более того, электронные корпуса, такие как Британский национальный корпус (*British National Corpus*), во многом облегчают работу авторов словарей, так как представляют собой обширные базы данных, регистрирующие тексты из произведений художественной литературы, газет и журналов, фильмов и телепередач, отражая состояние современного английского языка и культуры. На основе данных корпусов составители могут сформировать цитатный фонд для своих словарей, руководствуясь при этом адресной направленностью, целями и тематикой словаря. При отборе прецедентных текстов значительную роль играют как объективные, так и субъективные факторы.

К объективным критериям отбора следует отнести частотность употреблений цитаты. Авторы современных словарей цитат стремятся отразить те высказывания, которые прошли стадию популяризации и заняли прочное место в сознании носителей языка. Показателем частоты употребления прецедентного текста является его воспроизводимость как в письменной, так и в устной речи. Наиболее популярные цитаты нередко становятся частью совершенно нового контекста, в котором подвергаются семантическим и структурным трансформациям. Что касается цитат по-

литических деятелей, значительную роль играет актуальность прецедентного текста в современном обществе, степень его распространенности в политическом и социокультурном контексте, соотнесенность с господствующей идеологией.

Несмотря на то что авторы словарей должны избегать субъективного подхода, нередко в справочнике отражается языковое сознание составителя, который руководствуется личными предпочтениями при отборе материала. Иными словами, цитаты соответствуют в определенной степени языковой картине мира автора справочника.

По нашему мнению, авторы словарей цитат политиков прежде всего должны стремиться к моделированию личности политического деятеля, цитаты которого они регистрируют, и моделированию личности пользователя. Субъективный подход к отбору цитат может быть преодолен двумя способами: 1) проведением опроса образованных носителей языка на узнаваемость высказывания и его актуальность в современном обществе; 2) изучением степени воспроизводимости данного высказывания на материале обширного корпуса текстов [13: 153].

Ориентация современной лексикографии на перспективу пользователя заключается не только в актуальности языкового материала, но также и в способе его подачи, поэтому особенную важность для лексикографа представляет разработка словарной статьи или микроструктуры словаря. В рамках словарной статьи можно условно выделить две части: реестровую (цитату) и интерпретационную.

Существенной проблемой при работе над словарем является объем входной единицы. На наш взгляд, чем объемнее контекст прецедентного высказывания, тем детальнее его семантизация. Среди существующих словарей нет строгих границ цитат. Так, в *Oxford Dictionary of Quotations* (1979 год) минимальный контекст высказывания составляет 3–4 слова, максимальный – 42 строчки, а в словарях языка писателей – 42 знака [14: 31–32], [21].

В словарях цитат политических деятелей контекст нередко играет ведущую роль в понимании смысла высказывания. Иногда микроконтекст цитаты, то есть ее ближайшее словесное окружение, способен пробудить ассоциации в памяти пользователя, и тогда восстановление полной формы высказывания не будет являться проблемой. Например, фраза *I have a dream* Мартина Л. Кинга в сознании образованного носителя языка пробуждает ассоциации с автором и его знаменитой речью 1963 года. Однако необходимо также учитывать такие явления, как интертекстуальность и повторное цитирование, когда прецедентное высказывание попадает в новый контекст и в тексте-реципиенте приобретает иной смысл. Видимо, поэтому в речи китайского государственного деятеля Вэнь Цзябао 2007 года мы находим следующее высказывание: *I have a dream to provide every Chinese, especially children, sufficient*

milk each day. Кроме того, речь самого Мартина Л. Кинга пронизана аллюзиями. Известно, что основным источником вдохновения для него стала проповедь 1962 года теолога Прасии Холл, которая в речи многократно использовала лексический повтор *I have a dream* [20], [22: 125–131].

Таким образом, словарная статья должна содержать не только основной и самый известный контекст высказывания, но и повторный. Необходимо учитывать, что с течением времени меняется семантическая нагрузка цитаты, происходит наложение новых смыслов в результате функционирования высказывания в новом контексте. Следовательно, данный подход позволяет составить наиболее полный лексикографический портрет цитаты.

Что касается интерпретационной части словарной статьи, то под ней понимается такое описание цитаты, при котором происходит ее полная семантизация. С этой целью авторы словарей цитат используют различные способы толкования, систему помет, сокращения и ссылки, которые в своей совокупности и составляют метаязык словаря. Словарная статья содержит целый ряд информационных категорий. Для словарей цитат политиков характерно указание на имя автора цитаты, краткую биографическую справку, текст цитаты, источник, датировку, контекст возникновения цитаты, прагматический параметр, стилистическую характеристику, лингвокультурный комментарий. Наличие и глубина разработки этих категорий может варьироваться в различных типах справочников, что является показателем полноты/дифференциальности лексикографической обработки входных единиц. Например, в издании *The Dictionary of Conservative Quotations* by I. Dale (2013 год) микроструктура характеризуется наличием 4 составляющих: имени автора, краткой биографической справки, цитаты и указанием текста-источника:

George H. W. Bush

b. 1924, US President 1988–92.

Read my lips: no new taxes.

Republican National Convention, 1988.

David Cameron

b. 1966; Member of Parliament 2001–, Leader of the Conservative Party 2005–, Prime Minister 2010– I joined this party because I believe in freedom. We are the only party believing that if you give people freedom and responsibility, they will grow stronger and society will grow stronger.

Leadership contest speech, 2005 [9].

Подобный словарь не раскрывает значения цитаты в полной мере, лишая пользователя возможности узнать контекст употребления. Полнота толкования цитаты достигается лишь в словарях, микроструктура которых содержит максимальное количество информационных категорий, обеспечивающих пользователя всесторонним описанием входной единицы.

С этой точки зрения интересным представляется словарь цитат А. Линкольна *The Wit and Wisdom of Abraham Lincoln, An A–Z Compendium*

of Quotes from the Most Eloquent of American Presidents by A. Ayres (1992 год) [7]. Микроструктура данного справочника представлена ключевым словом, лингвокультурным комментарием, цитатой и ссылкой:

ART

President Lincoln was once shown a painting that was perhaps ahead of its time in its nonpresentational departure from the laws of perspective and proportion. Asked his opinion of the canvas, Lincoln cleared his throat: “Why, the painter is a very good painter. He observes the Lord’s commandments... he hath not made to himself the likeness of anything that is in the heaven above, or that is in the earth beneath, or that is in the waters under the earth”.

(see PORTRAIT) [7: 12].

Данный пример показывает, как посредством лингвокультурного фона обеспечивается точность и полнота толкования цитаты. За счет дополнительного комментария пользователь активного типа узнает прагматическую ситуацию, в которой появилось высказывание. Однако следует отметить, что лингвокультурный комментарий не всегда присутствует в словарной статье справочника цитат, что объясняется ориентацией словаря на достаточно высокий образовательный и культурный уровень пользователя. Тем не менее пользователь справочника, владеющий языком, но не являющийся носителем культуры или не обладающий общим фондом когнитивных знаний, может испытывать трудности при декодировании значения цитат.

Так, в словаре *The Bully Pulpit: A Teddy Roosevelt Book of Quotations* by H. Jeffers (2002 год) пользователь может найти цитату под рубрикой: *Roosevelt on the Rough Riders*, за которой следует подробное энциклопедическое толкование происхождения реалии, что облегчает интерпретацию высказывания для пользователя, не сведущего в истории США, и раскрывает прагматический компонент значения цитаты [12: 150].

В микроструктуре словаря цитат выделяют языковую и речевую зоны, а также лингвокультурный комментарий, последние два компонента являются факультативными. Языковая зона словарной статьи включает цитату, атрибуцию и дефиницию цитаты. Атрибуция цитаты, то есть указание на авторство, источник и хронотоп, – важный компонент микроструктуры. Он подтверждает сам факт существования высказывания в языке, превращая справочник в достоверный информационный ресурс. Информация об авторе, предоставляемая в словарях цитат политиков, может иметь сходство со справкой, отраженной в энциклопедических и антропони-мических словарях, например:

Susan Brownell Anthony 1820–1906

American feminist and political activist

(*Concise Oxford Dictionary of Quotations* by S. Ratcliffe) [19: 14].

Michael Bakunin 1814–76

Russian revolutionary and anarchist

(*Lend Me Your Ears: Oxford Dictionary of Political Quotations* by A. Jay) [11: 22].

Речевая зона словарной статьи в словаре цитат подразумевает наличие иллюстративного примера, контекста цитаты, функциональной характеристики. Анализ словарей цитат политиков показал, что авторы многих изданий не включают речевую зону в словарную статью, ограничиваясь цитатой, указанием авторства, даты и источника.

Когда речь идет о денотативных цитатах, то информация, предоставляемая через словарную статью с небольшим набором составляющих, является достаточной для декодирования значения высказывания. Тем не менее встречаются коннотативные цитаты, понимание которых обусловлено контекстом и, следовательно, требует максимального набора лексикографических составляющих словарной статьи. Рассмотрим способ семантизации цитаты, значение которой зависит от контекста, в словаре *The Oxford Dictionary of Modern Quotations* by E. Knowles (2007 год):

H. R. Halderman 1929–93

American Presidential assistant to Richard Nixon; White House Chief of Staff 1969–73, indicted for his role in the Watergate cover-up and imprisoned 1975–8.

6 Once the toothpaste is out of the tube, it is awfully hard to get it back in.

On the emergence of information about the Watergate affair, when revelations of an attempt to bug the national headquarters of the Democratic Party led ultimately to the resignation of President Nixon. To John Dean, 8 April 1973, in Hearings Before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of US Senate: Watergate and Related Activities (1973) [15].

Лингвокультурный комментарий в данном примере указывает на адресанта (H. R. Halderman) и адресата сообщения (John Dean), на предмет речи (*the Watergate affair*) и хронотоп коммуникативной ситуации (*Hearings Before the Select Committee on Presidential Campaign Activities of US Senate: Watergate and Related Activities, 1973*). В рамках данной словарной статьи происходят процессы экспликации знаний о цитате в языковой зоне толкования и раскрытия имплицитной информации посредством лингвокультурного комментария.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главная задача лексикографа, работающего над составлением словаря цитат политических деятелей, заключается в полной семантизации высказывания. Составителям следует ориентироваться в первую очередь на активного пользователя, обращающегося к словарю цитат за толкованием цитаты, которая представляет собой особый знак культуры. В политическом дискурсе правильное понимание цитаты также зависит и от знания истории и политической ситуации в стране. За знаком цитаты скрыт обширный пласт фоновой информации, определяющей процесс декодирования ее значения.

Точность и полнота толкования прецедентного высказывания отражается через его связь с исходным текстом и авторством и значением, приобретенным при повторном цитировании в тексте-реципиенте. Поэтому макро- и микро-структура словаря цитат политика должны быть построены по принципу максимальной детализации толкования за счет включения множества информационных категорий и снабжения текста цитаты лингвокультурным комментарием, раскрывающим прагматический подтекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунов М. В. Культурологический аспект толково-энциклопедического словаря // Учитель, ученик, учебник: Материалы V юбилейной всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. М.: КДУ, 2009. С. 236–243.
2. Карпова О. М. Английская лексикография. М.: Академия, 2010. 176 с.
3. Карпова О. М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 192 с.
4. Карпова О. М. International Bibliography of Paremiography: непредвзятый взгляд лексикографа: Рец. на кн.: Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. Burlington: Vermont, 2011. 362 p. // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Вып. 1 (15). С. 63–66.
5. Мелентьева О. А. Гибридные словари языка Чосера: принципы построения (на примере A Lexical Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. Вып. № 2 – 2. С. 106–109.
6. Уткина Н. С. Волонтерские программы по составлению словарей: новые возможности и перспективы // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1 (69–70). С. 287–291.
7. Ayres A. The Wit and Wisdom of Abraham Lincoln, An A–Z Compendium of Quotes from the Most Eloquent of American Presidents. New York: MERIDIAN, 1992. 240 p.
8. Ayres A. The Wit and Wisdom of John F. Kennedy. An A-to-Z Compendium of Quotations. New York: Meridian, 1996. 256 p.
9. Dale I. The Dictionary of Conservative Quotations. London: Biteback Publishing, 2013. 416 p.
10. Frank C. Quotations for All Occasions. New York: Columbia University Press, 2000. 273 p.
11. Jay A. Lend Me Your Ears: Oxford Dictionary of Political Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2010. 446 p.
12. Jeffers H. The Bully Pulpit. A Teddy Roosevelt Book of Quotations. Lanham: Taylor Trade Publishing, 2002. 177 p.
13. Kachru B., Kahane H. Cultures, Ideologies, and the Dictionary: Studies in Honor of Ladislav Zgusta // Lexicographica. Series Maior (Том 64). 1995. 524 p.
14. Карпова О. English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 270 p.
15. Knowles E. Oxford Dictionary of Modern Quotations. New York: Oxford University Press, 2007. 479 p.
16. Langworth R. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations. New York City: Public Affairs, 2011. 656 p.
17. Metcalf F. The Biteback Dictionary of Humorous Political Quotations. London: Biteback Publishing, 2012. 384 p.

18. Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. Burlington: Vermont, 2011. 362 p.
19. Ratcliffe S. Concise Oxford Dictionary of Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2011. 580 p.
20. Smith S. King's Dream Began with a Woman Preacher. Available at: <http://www.faithstreet.com/onfaith/2010/01/18/the-power-of-influence/696> (accessed 12.05.2016).
21. The Oxford Dictionary of Quotations. Third Edition. Oxford: Oxford University Press, 1979. 907 p.
22. Zheng S. A Stylistic Analysis on "I have a dream" // Journal of Studies in Social Sciences. 2014. Vol. 9. № 1. P. 123–134. Available at: file:///C:/Users/s_users/Downloads/931-2110-1-PB.pdf (accessed 12.05.2016).

Pertseva V. G., Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)

COMPILING PRINCIPLES OF ENGLISH DICTIONARIES OF POLITICIANS' LANGUAGE (WITH SPECIAL REFERENCE TO DICTIONARIES OF QUOTATIONS)

The article is concerned with the study of peculiarities of macro-and micro structures essential for compiling special dictionaries of politicians' quotations. The choice of the topic is determined by the high citation index of famous personalities' statements employed in different discourse, and political ones in particular. The following methods of investigation were used in the research: the method of lexicographic analysis (observation, generalization, classification) elaborated by the Russian lexicographers L. P. Stupin and O. M. Karpova, the method of comparative analysis, the method of contextual analysis. Based on the result of the study the author concludes that a quotation is both a sign of the language and of the cultural system. It is also a medium of cultural information, unawareness of which causes difficulties in the process of decoding. The main task of any lexicographer is a detailed semantization of quotations in focus. Such scientific approach is paramount in the achievement of communicative purposes stated by an active user. Therefore, the entries in the dictionary of politicians' quotations should include a maximum number of information categories, which are facilitative in the creation of the multi-dimensional lexicographic portrait of politicians. A pragmatic aspect of the quotation is revealed through the language and speech zones of the entry. The linguacultural commentary acquaints the user with communicative situations.

Key words: dictionary, macrostructure, microstructure, quotation, politician, user's perspective, semantization, lexicographic portrait

REFERENCES

1. Gorbunov M. V. The Cultural Aspect of the Explanatory-Encyclopedic Dictionary [Kul'turologicheskiy aspekt tolkovno-entsyklopedicheskogo slovary]. *Uchitel', uchenik, uchebnik: Materialy V yubileyroy vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vol. 1. Moscow, KDU Publ., 2009. P. 236–243.
2. Karpova O. M. *Angliyskaya leksikografiya* [English Lexicography]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 176 p.
3. Karpova O. M. *Leksikograficheskie portrety slovarey sovremennoy angliyskogo yazyka* [Lexicographic Portraits of Modern English Dictionaries]. Ivanovo, IGU Publ., 2004. 192 p.
4. Karpova O. M. International Bibliography of Paremiography: the Impartial View of a Lexicographer. The Review of the Book: Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. Burlington: Vermont, 2011. 362 p. [International Bibliography of Paremiography: nepredvyatyy vzglyad leksikografa: Reti. na kn.: Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. Burlington: Vermont, 2011. 362 p.]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Ivanovo State University Newsletter. Series "The Humanities"]. 2015. Issue 1 (15). P. 63–66.
5. Melent'eva O. A. Hybrid Chaucer Dictionaries: the Principles of Architecture (With Special Reference to the Lexical Concordance of Geoffrey Chaucer's Works) [Gibridnye slovari yazyka Chosera: printsipy postroyeniya (na primere Lexical Concordance of Geoffrey Chaucer's Works)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Vyatka State Humanities University Newsletter]. 2013. Issue № 2–2. P. 106–109.
6. Utkina N. S. The Volunteer Programs of Dictionary Compiling: New Opportunities and Perspectives [Volonterskie programmy po sostavleniyu slovarey: novye vozmozhnosti i perspektivy]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality, Culture, Society]. 2012. Vol. XIV. Issue 1 (69–70). P. 287–291.
7. Ayres A. The Wit and Wisdom of Abraham Lincoln, An A–Z Compendium of Quotes from the Most Eloquent of American Presidents. New York: MERIDIAN, 1992. 240 p.
8. Ayres A. The Wit and Wisdom of John F. Kennedy. An A-to-Z Compendium of Quotations. New York: Meridian, 1996. 256 p.
9. Dale I. The Dictionary of Conservative Quotations. London: Biteback Publishing, 2013. 416 p.
10. Frank C. Quotations for All Occasions. New York: Columbia University Press, 2000. 273 p.
11. Jay A. Lend Me Your Ears: Oxford Dictionary of Political Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2010. 446 p.
12. Jeffers H. The Bully Pulpit. A Teddy Roosevelt Book of Quotations. Lanham: Taylor Trade Publishing, 2002. 177 p.
13. Kachru B., Kahane H. Cultures, Ideologies, and the Dictionary: Studies in Honor of Ladislav Žgusta // *Lexicographica*. Series Maior (Tom 64). 1995. 524 p.
14. Karpova O. English Author Dictionaries (the XVIth – the XXIst cc.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 270 p.
15. Knowles E. Oxford Dictionary of Modern Quotations. New York: Oxford University Press, 2007. 479 p.
16. Langworth R. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations. New York City: Public Affairs, 2011. 656 p.
17. Metcalf F. The Biteback Dictionary of Humorous Political Quotations. London: Biteback Publishing, 2012. 384 p.
18. Mieder W. International Bibliography of Paremiography: Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparisons, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms. Burlington: Vermont, 2011. 362 p.
19. Ratcliffe S. Concise Oxford Dictionary of Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2011. 580 p.
20. Smith S. King's Dream Began with a Woman Preacher. Available at: <http://www.faithstreet.com/onfaith/2010/01/18/the-power-of-influence/696> (accessed 12.05.2016).
21. The Oxford Dictionary of Quotations. Third Edition. Oxford: Oxford University Press, 1979. 907 p.
22. Zheng S. A Stylistic Analysis on "I have a dream" // Journal of Studies in Social Sciences. 2014. Vol. 9. № 1. P. 123–134. Available at: file:///C:/Users/s_users/Downloads/931-2110-1-PB.pdf (accessed 12.05.2016).

Поступила в редакцию 19.04.2016

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ГРЯКАЛОВА

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
natura3@yandex.ru

«РУДОКОПЫ ДУХА»: РУССКИЙ ИБСЕНИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕВЕРНОГО МОДЕРНА*

Рассматривается исторический контекст рецепции творчества норвежского драматурга. Среди факторов, способствовавших его популярности, подчеркнута роль локально-географической «северной» доминанты и ряда историко-ситуативных обстоятельств, влиявших на интерпретацию творчества Ибсена *sub specie Nordi*: начавшаяся в конце XIX века колонизация Русского Севера и пограничья России и Норвегии, открытие мифологии и фольклора северных народов, провозглашение независимости Норвегии в 1905 году и установление дипломатических отношений между странами. Выявляется содержание концепта «север» и производных от него идиом («северный модерн», «северный художник», «северный Ницше», «скандинавский гений»), ставших клише в том дискурсивном поле, в котором происходило освоение творчества Ибсена.

Ключевые слова: Ибсен, ибсенизм, русский символизм, северный модерн, миф, концепт, литературный топос

Одним из первых на складывающийся в России «культ Ибсена» и появление «восторженных *ибсенистов*» обратил внимание П. Д. Боборыкин еще в начале 1890-х годов, он же ввел в оборот понятие «русские ибсенисты»¹. Рецепция творчества норвежского драматурга в России на рубеже XIX–XX веков постоянно находилась в фокусе внимания исследователей, как и «ибсеновский миф» – продукт культурного сознания эпохи модернизма [10], однако становится все более очевидным, что эвристический потенциал данной темы отнюдь не исчерпан, напротив, она обретает новые экзистенциальные контуры в свете актуальных интерпретаций и источниковедческих штудий [1], [5], [11]. В данной статье феномен ибсенизма на русской почве предлагается рассмотреть с учетом стратегий регионально-культурной идентичности, а именно так конституировали себя национальные формы модернизма. Русский же модернизм в своем символистском изводе актуализировал северный локус как *locus nativus*, причем не только петербуржец А. Блок с его программными самоаттестациями («северный художник», «потомок северного скальда») или Ю. Балтрушайтис с его прибалтийской идентичностью, но и москвичи – К. Бальмонт, в поэтическом сборнике которого «Под северным небом» (1894) скандинавская (= норвежская) тематика концептуализирована как демонстративный ибсенизм, и особенно В. Брюсов, выстраивавший свой авторский миф с явной проекцией на нордические культурные топосы («Царю Северного Полюса», «Бальдеру Локи» и др.) [8], [12].

Популярность Ибсена в Западной Европе росла на фоне литературно-политического движения «скандинавизм», встраиваясь в общие процессы усиления региональной идентичности, что созда-

вало почву для консолидации сил литературной «периферии» по отношению к «центру» (в первую очередь Парижу как культурной столице). Французская исследовательница П. Казанова, считая Ибсена, ставшего «символом современного европейского театра», «главной фигурой в европейской литературной жизни 1890–1920-х годов», подчеркивает следующее обстоятельство: «Переводы, толкование и признание творчества Ибсена во Франции, Англии – великолепный пример того, как каждая из литературных столиц уподобляла себе автора, открывая в нем совершенно противоположные черты и стороны. В Лондоне Ибсена ценили за реализм, в Париже он был символистом, что свидетельствует о том, что признание творчества всегда является присвоением, поворотом в его сторону своего национального центра» [3: 181]. В России же феномен идентификации с «северным гением» затронул еще более глубокие ментальные пласты и был обусловлен концептуализацией психогеографического понятия «Север». Ибсен, уроженец Норвегии, добровольно покинувший берега Северного моря и проживший более четверти века в Италии и Германии, но писавший почти исключительно о своей родине, однозначно воспринимался *sub specie Nordi*. Так, например, Д. Мережковский, причисляя в 1897 году норвежского драматурга к когорте «вечных спутников», не преминул подчеркнуть нордическую составляющую его образа и тем самым определить *северную границу* символистской экспансии в борьбе за предшественников и единомышленников: «Слава Ибсена переступила пределы его родины и сделалась европейской. <...> Этот пришлец с далекого севера, подобно своим предкам-норманнам, медленно, шаг за шагом, борется

и завоевывает Европу»². Освоение творчества Ибсена русским модернизмом шло по линии культурной апроприации, то есть присвоения, что подразумевает не просто поверхностное заимствование и копирование «модных» образцов (хотя этот компонент также присутствовал), а тот процесс культурного обмена, который предполагает прочтение «чужого» как «своего», будут ли это «вычитывание» идей религиозного синтеза (Д. Мережковский), мистического анархизма (Г. Чулков), Вечной Женственности и мистифицированного национального чувства (А. Блок) или осмысление траектории собственного творческого движения как «восхождения на вершины» (А. Белый), или же примеривание «масок» ибсеновских *femme fatale* – Гедды Габлер, Хильды, Ребекки и идентификация с ними (З. Гиппиус, Л. Д. Блок, Н. Н. Скворцова и др.). В таком многовекторном интеллектуальном контексте Ибсен, решительно сочетавший в своем творчестве антибуржуазный пафос духовного аристократизма со «вкусом к идеям», углубленность в психологию человеческих отношений с возрастающим интересом к разработке «странных» характеров, концептуализировавший актуальные для эпохи понятия «воли» и «свободы выбора», а на уровне индивидуальной судьбы последовательно реализовавший идею подчинения жизни творчеству, становится – и как писатель, и как личность – объектом героизации и вырастает в фигуру жизнотворческого синтеза.

Русские символисты, осознавая свое творчество как «северное», имеющее «варяжские», «гиперборейские» либо прибалтийские истоки» [7: 185], в своем мифотворчестве связывали с концептом «север» не только представления об архетипе героического. Память о романтическом оссианизме этот литературный топос, безусловно, хранит. Но теперь он, во-первых, переосмысливается в духе модернистского неомифологизма и, во-вторых, связывается с процессами региональной идентичности. Факторы локально-географические теснейшим образом переплетались в модернистском сознании, замороженном прикосновением к «тайне», с характерными для эпохи геософскими спекуляциями и отсылками к эзотерическим традициям, и прежде всего к легендам о мифической *Ultima Thule*, или Гиперборее, расположенной на границе мира и населенной потомками титанов, которая, кстати, отождествлялась с Норвегией (ср. др.-сканд. *Nordveg* – северный путь, то есть морской путь на Север вдоль берегов Скандинавии). И если в архитектуре Петербурга к концу 1900-х годов все ощутимее заявлял о себе так называемый северный модерн, ориентирующийся, в силу регионального соседства и культурно-экономического обмена, на шведский и финский неоромантизм [4], то модернистская витальность, дискурсивно подпитывавшаяся из ницшенского источника,

находила для себя выход в «гиперборейском дионисизме» путем «перенесения» на Север открытой Ницше «темной Греции». Здесь уместна отсылка к внутрисимволистскому интертексту, где переплетены и драматургический замысел Блока о Дионисе Гиперборейском [1], и обращенные к нему строки другого петербургского «дионисийца»: «...Лирник-чародей, / Ты повернул к родимым выюгам / Гиперборейских лебедей!»³, а к последнему, в свою очередь, брюсовское посвящение: «И нашу северную лиру, / Сведя на эолийский звон...»⁴. Вполне концептуально и название журнала «Гиперборей», издававшегося уже в кризисный для символизма период, однако и для поэтов-акмеистов северная топика оставалась идентификационным маркером [6].

Колонизация Крайнего Севера (Кольский полуостров, Поморье, русская Лапландия, то есть пограничный российско-норвежский локус), активизировавшаяся с конца XIX века, открывает художественной элите мифологию и архаический фольклор «малых» северных народов, в частности поморов и лопарей, удовлетворяя регрессивную тягу модернистской культуры к «магическому» (на что позже откликнулся А. М. Ремизов вариациями мифа о лапландских колдунах-нойдах⁵). К участию в экспедициях привлекались представители «нового искусства»: так, в поездке по Русскому Северу, Норвегии и Швеции вместе с С. Ю. Витте и С. И. Мамоновым участвовали К. А. Коровин и В. А. Серов, натурные зарисовки которых экспонировались на Московской художественной выставке и вызвали общественный интерес⁶.

Появляется мода на северных писателей и художников: с успехом проходят выставки финских художников А. Галлен-Каллелы, Х. Зимберга, выпускаются художественные открытки с репродукциями этих образцов северного модерна; выходят «Северные сборники издательства „Шиповник“» (семь альманахов в течение 1907–1911 годов), знакомившие публику с новинками скандинавской и финской литературы, и специализированные норвежские сборники «Фиорды». Развивающаяся индустрия туризма предлагала путешественникам многочисленные справочники и путеводители по странам Скандинавского полуострова⁷. С. С. Розанов, один из многих популяризаторов творчества скандинавских писателей, следующим образом охарактеризовал культурную ситуацию и психологическую атмосферу эпохи: «Наши читательские и сценические симпатии заметно склоняются к северным писателям и северным драматургам. Мы охвачены тягой на Север, одержимы пристрастиями к его художественному и сценическому слову, тем самым выявляя созвучность своей души – северной. От нас, от нашего сердца протянулась нить глубокой заинтересованности и сочувственного понимания в страну седых клубящихся туманов,

оснеженных гор, в страну тихих, сумрачно грезящих фьордов. Ибсен, Гамсун, Бьернсон, Стриндберг, Банг, Гарборг, Гаукланд, Седерберг, Сельма Лагерлёф – вот громкие и негромкие имена северных авторов, особенно полюбившихся нам»⁸.

Нельзя не учитывать и ряд факторов социально-политического порядка, казалось бы, весьма далеких от литературы и искусства, влияющих, однако, на формирование литературного поля. 7 июня 1905 года Норвегия расторгла унию со Швецией и обрела государственную самостоятельность. Королем получившей независимость страны был провозглашен принц Карл, принявший имя Хокона II, который приходился родным племянником вдовствующей императрице Марии Федоровне (принцесса Дагмара Датская) и, соответственно, кузеном императору Николаю II, что способствовало укреплению отношений между царствующими домами. Процесс национального и государственного самоопределения Норвегии совпал по времени с настроениями общественно-го подъема в России и нашел поддержку в среде элиты, обеспечивая приоритеты в осуществляемых ею стратегиях культурного строительства.

В этом контексте русский ибсенизм получает дополнительные импульсы. А последовавшая вскоре – в мае 1906 года – смерть драматурга была воспринята его почитателями как успение пророка Новой жизни. К началу 1910-х годов окончательно складывается символистский «миф об Ибсене» и оформляется корпус приоритетных текстов: брошюра Г. Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена» (1907) и его же статья «Оправдание символизма» (1912), лекции и статьи Блока («Генрих Ибсен», 1908; «От Ибсена к Стриндбергу», 1912), Андрея Белого («Достоевский и Ибсен», 1906, опубл. в 1907; «Кризис сознания и Генрих Ибсен», 1910), сюда же можно включить и ряд некрологических заметок, в том числе Ю. Балтрушайтиса, о чем речь пойдет ниже. К фигуре Ибсена как символаобразующему центру стягивается символистский нарратив о пути современного художника. Естественно, что этот художник – *северный*. Локально-географическая детерминанта работает на формирование образа Ибсена как близкого и узнаваемого представителя северного модернизма – здесь не последнюю роль сыграли народная мистика и фольклор, которым отдал дань драматург, откликнувшись на национальное оживление в позднеромантическом духе. Скандинавские природные топосы (фьорды, ледники, туманные ущелья, лавины, водопады), на фоне которых разворачивается действие ибсеновских драм, – *locus communis* данного нарратива. Благодаря им формируется соответствующий «ландшафт души» героев: сдержанность, суровость, холодность, под которыми таится стихийная страстность («демонизм»), скрытая энергия и сила воли, которой так не хватает человеку *fin de siècle* и которой, по

мнению одного из интерпретаторов творчества норвежского драматурга, сполна наделен наследник Urville викингов⁹. Но они же – символы поиска высшего смысла жизни, которым одержимы герои Ибсена, в том числе и в своем бунте против условностей современного общества. Они суть символы трансгрессии, преодоления, выхода за рамки навязанных природой и социумом норм. Культ воли, мужского героизма, ниспровержение «идолов и идеалов» буржуазного общества, поиски подлинного существования («путь на вершины») снискали Ибсену репутацию «северного Ницше». В символистской литературной среде эта аналогия была наиболее близка Андрею Белому. Подобно автору «Генеалогии морали», подвергнутому тотальной критике «столпы» современной идеологии, Ибсен, «рудокopf духа»¹⁰, разрушает футляры, надетые на людей мировоззрениями – позитивизмом, рационализмом, религиозным догматизмом, то есть идет к «живой личности», выступая, как и немецкий мыслитель, проповедником «философии жизни». Оба они, согласно Андрею Белому, становятся провозвестниками будущего «царства Духа».

Со всей определенностью вписывал Ибсена в ретроспективу северного арийского мифа Александр Блок. Апеллируя к Вагнеру и его тетралогии «Кольцо нибелунга», он намечал траекторию творческого пути драматурга как «пути героя», руководимого внутренним голосом. Его путь, путь «разрывов» – с родительским домом, с обществом, с родиной – осмысливается поэтом-символистом как неизбежная трагедия современного индивидуалистического сознания, а в метафизическом плане – как обреченность гения на одиночество. Возвращение героя на родину – это отклик на зов Сольвейг, первой любви, открывшей ему Солнечный путь. Блок предпринимает свой излюбленный ход: соединяет национальное и эротическое, сплавляя их в чувственный конгломерат. «...За Гильдой, Геддой, Эллидой можно назвать еще одно имя: Норвегия; не та несчастная Норвегия действительности, с которой боролся Ибсен, но Норвегия – родина, мать, сестра, супруга. Норвегия зеленых фьордов, скал и снегов, родина белого орла»¹¹. Позже в статье «От Ибсена к Стриндбергу» он усиливает параллель с вагнеровским Зигфридом. И хотя сферы реализации героического у героя (мифологический герой, как известно, имеет полубожественное происхождение) и человека радикально иные, но важен сам архетип. Выявляя принцип воли как доминанту творческого пути автора «Бранда», Блок сосредоточен на динамике «нисхождения»: «С Ибсеном произошло то же, что и с Зигфридом: только не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Вальгаллы, не в огненном кольце Валькирии, – а в нашем будничном и сером свете. <...> Зрелый муж Ибсен вступает на путь, *который нам до сих пор непонятен*. <...> Это – путь, самым Ибсеном

названный “долгой-долгой Страстной неделей”¹²; путь, может быть, *тоже ясный и крестный*. Но этот путь соблазнил многих из нас. Спасибо за соблазны, хвала Ибсену!»¹³. Блоковские аллюзии на собственное творчество очевидны: его авторский «миф о пути» начинает приобретать свои контуры в явной корреляции с опытом реконструкции «пути северного гения».

Симптоматичной реакцией на тотальность мифологии и метафорики Севера в интерпретации творчества норвежского драматурга явилось выступление И. Анненского, который усомнился в национальной исключительности образа Бранда и оспорил превращавшиеся в клише психогеографические метафоры и детерминанты, видя в этом символе духовного максимализма «вечный образ». «Прежде всего отделаемся от одного предрассудка. Не стоит искать в Бранде северного неба. <...> Одержимость Бранда уже жила когда-то в тропическом лесу – ею болела нежная Дамаанти; в суровом призыве Бранда тоже незачем видеть отражение металлической ряби фиорда, и вовсе не навислость горных снегов символизировалась его угрюмой угрозой. Бранды спускались гораздо южнее и в Женеву, и во Флоренцию...»¹⁴, имея в виду других апологетов религиозного аскетизма и нравственного закона – Ж. Кальвина и Савонаролу.

Обратимся теперь к траурным дням мая 1906 года. Среди тех, кто прибыл в Христианию (Осло) отдать последний долг усопшему, был русско-литовский поэт, критик и переводчик Юргис Балтрушайтис. Он возложил венок от имени символистского журнала «Весы» и передал русским читателям печальные подробности последних дней жизни писателя, сообщенные его сыном. Это был не первый визит Балтрушайтиса в Норвегию и не первое посещение дома Ибсена. Начав свою творческую деятельность в кругу символистов, а многолетнюю переводческую страду с ибсеновского драматического эпизода «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» и «Кесаря и Галилеянина», он в полной мере разделял энтузиазм эпохи в восприятии творчества великого драматурга. Более того, ему, как литовцу, «нордизм» был онтологически близок. Нордические черты его физиономического и психологического портрета запечатлены современниками, например К. Бальмонтом в посвящении к сборнику «Будем, как солнце» («Угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису»), В. Брюсовым («Ты был когда-то каменным утесом...», 1899). Психогеографические предпочтения поэта подтверждает корпус его «норвежских писем» к В. Брюсову за июль – август 1901 года¹⁵. Цель путешествия по северу Скандинавии для молодого поэта-символиста – постижение «самой сути» Норвегии как «страны Таинственного». Первая корреспонденция – посланная из Тронхейма открытка с видом водопада. Тщательное указание географических координат (63°32'25") акцентирует достижение экстремальных пределов в символистском «drang nach Norden». Однако Тронхейм не был конечным

пунктом в северном маршруте Балтрушайтиса: таковым стал Хаммерфест, находящийся за 70° северной широты, то есть за Полярным кругом. Поселившись в местечке Холмстранд и предавшись созерцанию северного пейзажа, воспринимаемого неизменно в регистре «возвышенного», он старается как можно более адекватно уловить «соответствия» между миром северной природы и собственной душой, жаждущей трансцендентного: «...Рельеф всякой местности, направление долин, обилие всюду одухотворяющей пространство синевы, очертания резко срезанных, каких-то совершенных, пред кем-то преклонившихся скал, пустынность и дикость более значительных возвышенностей, – все, от значительного до маловажного, сложено и размещено таким образом, чтобы не мешать нам, не занимать наше внимание исключительно собой, а расступиться, образовать русло, по которому струятся к нам нездешние влияния. Если порой, в конце ущелья, и встает закрывающая даль каменная завеса, то и тут чувствуешь, что какая-то тайна скрыта сейчас же за ней и стоит сделать всего несколько шагов, чтобы душа озарилась ясновидением...» [2: 20–21]. Естественно, что приобщение к норвежскому топосу не могло быть полноценным без посещения *genius loci* – Ибсена. В том же письме сообщается о безуспешных попытках добиться аудиенции у «северного гения». В заключение письма – *locus communis* норвежских травелогов – «викинги»: в двух стихотворных экспромтах возникают в качестве опорных концептов постоянные для «норвежского текста» «дух» и «воля» древних покорителей морских пространств.

Следующая корреспонденция (от 20 июля 1901 года) замечательна, во-первых, описанием северного пейзажа как подчиняющего себе мифогенного топоса, созерцание которого уподобляется инициации, во-вторых, поэтическим портретом «великого» Ибсена, созданным под впечатлением встречи с только что перенесшим апоплексический удар писателем и проникнутым чувством утраты героического начала современностью.

Соблазнительно было бы определить представленные описания скалистых ландшафтов Норвегии как экфрасис: в памяти возникает ставший хрестоматийным пример визуальной фигурации «возвышенного» – живописное полотно немецкого художника Каспара Давида Фридриха «Путник над морем тумана» (1818). Современный норвежский писатель в эссе о последней драме Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» проникательно заметил, что за очевидными визуальными параллелями стоит параллелизм иного свойства – культурно-типологический, объемлющий более протяженные эпохи, чем те, которые обозначены границами литературных направлений: «...здесь изображено физическое и моральное преодоление человеческих рамок. И это потрясающее визуальное воплощение мечтаний Рубека о том, чтобы подняться на вершину и увидеть все царства мира и славу их» [9: 109]. Однако, рассуждает автор далее, немецкий художник «был христианским натур-романтиком,

нищешанские и ибсеновские представления о преодолении рамок проистекают из совершенно иного источника, из фрустрации, свойственной человеку нового времени и вызванной ограничениями, накладываемыми буржуазным обществом» [9: 110].

Модерн, пребывая в рамках классических представлений о возвышенном и дискурсивно поддерживая их, в то же время обречен существовать в эпоху формирования «массовой культуры», не отделимой от явлений дегуманизации и дегероизации. Эти процессы, как известно, остро переживались представителями художественной элиты эпохи модерна как «кризис современной цивилизации». И потому пафос прощания с героическим в восприятии образа одного из последних гениев современности сближает Балтрушайтиса с таким аналитиком тотального кризиса, как Андрей Белый, автором цикла литературно-философских эссе «На перевале» (1916–1920), составивших «тетралогию» («Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры», «Кризис сознания»). Намеченный Балтрушайтисом мотив профанации высоких идей, носителями которых выступали «аристократы духа», подобные Ибсену и его персонажам, при их усвоении массовым сознанием, подхватит А. Белый, уже имея перед собой опыт житнетворческого нищешанства и ибсенизма в его массовом изводе. Критик вновь сближает имена двух властителей дум поколения «высокого модерна» – Ницше и Ибсена, в которых он некогда видел теургов. Теперь рефлексия направлена на генеалогию кризиса. Не последнее место отведено здесь метафорам «восхождения» как энергетического усилия («воли») в обретении себя-иного и «маскарада» как профанации «живой жизни», то есть подмены действия – созерцанием, жизни – схемой. Своеобразной фигурой профанации «высокого» выступает «драма Ибсена», то есть ее рецепция условным модернистским театром, эксплуатирующим эффекты визуального в угоду вкусам театральной улицы. «Увлечение Ницше и Ибсеном было подлинно в нас; на одно лишь мгновение захотели мы в горы: в горах оказались сырыми и теплыми мы; пар столбом, клуб душевности занавесил туманом тропу восхождения к духу <...>. Переживание подъема в себе подменили мы: переживанием созерцания гор (или – просто сидением на верандах швейцарских отелей); не на горы взбирались мы: просто пошли в диораму: такой диорамой оказался театр: драма Ибсена; там увидели мы и актера, изображавшего Рубека и – зашагавшего по деревянным подмосткам по... направлению к коленкоровым ледникам, чтобы быть опрокинутым: белой лавиной... из... пресованной ваты; перемещение жизни сказалося – разве: заменой олеографических декораций – иными, построенными по принципу: треугольников, кубов и девяностоградусных, жестикационных углов; зашагали театры на этих углах к ледникам <...> так со сцены сошел, забро-

дя среди нас, стилизованный гений культуры; невероятно упрощенный – в неупрощаемом вовсе»¹⁶.

Следующий эпизод норвежской одиссеи Балтрушайтиса прошел *sub specie mortis* великого драматурга. Его кончина переживалась поэтом как глубоко личная утрата. В письме от 2 июня 1906 года к своему постоянному корреспонденту А. А. Дьяконову, актеру театра Комиссаржевской, он так передавал свое эмоциональное состояние: «...мне пришлось побывать на безутешной вершине смерти. Хотя для Ибсена, погасшего, как долгий, неисчерпаемого значения, день, это не есть Смерть, а только Не-жизнь. Я так и застал его: не трупом, а просто не-живущим. С этим непримиренно, все еще богатырски скорбным и как-то таинственно спокойным лицом. Лежал он один. Ни свеч, ни пеня, ни людей. Среди бесконечной тишины всего окружающего. Как безвестный погибший моряк, прибитый течением к необитаемому берегу... К Тому берегу... Вернувшись оттуда в здешний шумный мир, брожу совершенным сиротой...» [2: 27]. В аналогичном метафорическом регистре выдержан написанный Балтрушайтисом некрологический очерк «У гроба Ибсена». Развитие сюжета определяет движение от внешнего к внутреннему, хотя и то, и другое находится в отношениях взаимопроекции. Застывший в благоговейной тишине северный ландшафт, затканый туманом Христианский фьорд, утреннее безлюдье – таков фон, соответствующий «угрюмому покою этой великой смерти», смерти Скальда-Пророка. Автор некролога пытается разобраться, в чем суть его «таинственного дара». Символистская топика («ясновидение», «темный язык глубинных движений», «преображение» и т. п.) не помешает ему актуализировать *психоаналитический ресурс* ибсеновской драматургии задолго до того, как это сделает З. Фрейд на восьми страницах своего разбора «Росмерсхольма», опубликованного в 1916 году в журнале «Imago», и подойти к пониманию «власти бессознательного», приоритет обнаружения которой современники интуитивно признавали за Ибсеном. «Этим зорким до ясно-видения проникновением в людскую волю Ибсен только и мог раскрыть и *восстановить* затерянного в *мнимом* *изначально-подлинного* человека и, с ему одному присущей силою, художественно отобразить его... Вдохновенно постигая и мастерски владея темным языком глубинных движений и сокровеннейших помыслов этой темной, дикой воли, художник Ибсен всегда оказывался у самого *возникающего* края людского бытия <...> В этом отношении Ибсен – суровый упразднитель мнимого, обетшало-го содержания жизни... <...> вещный разведчик, – исполненный отваги *лазутчик*, в темном для нас стане нравственно еще не наставшего...»¹⁷. В этом смысл его «пророческой жизни» и «беспримерный внутренний подвиг», который модернистское сознание неизменно осмысляет в категориях одиночества и страдания.

* Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15-34-11047.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Боборыкин П. Д. Литературный театр. Письмо третье // Артист. 1893. № 26. С. 33.
- ² Мережковский Д. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. СПб., 1897. С. 287.
- ³ Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 т. Т. 1. СПб.: Академич. проект, 1995. С. 426.
- ⁴ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1973. С. 370.
- ⁵ См., например, рассказ «Глаголица» и комментарии к нему (Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3: Оказион. М.: Русская книга, 2000).
- ⁶ См.: Русский странник <Львов-Кочетов Е. Л.>. По Студеном морю. Поездка на Север: Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурманск, Норд-Кап, Трондгейм, Стокгольм, Петербург. С 30 рис. с натуры, исполн. худож. К. А. Коровиным и В. А. Серовым. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1895.
- ⁷ В библиотеке Блока сохранился путеводитель по Швеции и Норвегии, выпущенный фирмой К. Бедекера в 1911 году (на французском языке), купленный во время одного из зарубежных путешествий, что зафиксировано надписью на шмуц-тителе: «Alex. Block. (куп. в Антверпене осенью 1911)» (Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; Под ред. К. П. Лукирской. Кн. 3. Л.: БАН, 1986. С. 31).
- ⁸ Розанов С. С. Этюды о северных писателях. I. «Пер Гюнт» Ибсена. М., 1915. С. 3.
- ⁹ Utwille (нем.) – первобытная воля. Автор обширной статьи под названием «Скандинавский гений» анализирует «феномен Ибсена» с позиций географического детерминизма, со всей определенностью заявляя: «Исключительный культ сильной, цельной воли, независимо от содержания и целей ее, культ героической воли и подвига, я считаю наиболее типичной, основной струей скандинавского племенного духа и объясняю эту черту духа действием природ скандинавского полуострова. Я вижу в этом всенародном психологическом образовании – следствие вечного нажима космоса, действие космоса этих темных берегов крайнего севера Европы» (Шапир Н. Скандинавский гений // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 1 (91). С. 38. Отд. 2).
- ¹⁰ Метафора основана на заглавном образе стихотворения Ибсена «Рудокоп» (1850) и его символическом лейтмотиве: «Выше, молот мой, вздымайся, / камень с треском разрушайся! / Надо путь пробить туда, / где поет, звенит руда. / <...> Глубже вниз, в земную грудь / пробивай мне, молот, путь!» (Ибсен Г. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Изд. С. Сирмунта, 1904–1907. Т. 1. С. 396, 397).
- ¹¹ Блок А. Полн. собр. соч. и писем: Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 67.
- ¹² В принадлежавшем Блоку томе 7 собрания сочинений Ибсена им подчеркнута фраза из Речи на торжественном обеде в Стокгольме: «Моя жизнь прошла, как долгая-долгая страстная неделя» (Ибсен Г. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 103, 104).
- ¹³ Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 8. С. 143, 144.
- ¹⁴ Анненский И. Бранд-Ибсен // Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 178–179.
- ¹⁵ РГБ. Ф. 386. Карт. 75. Ед. хр. 43. Опул. в выдержках: [2].
- ¹⁶ Белый А. Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 280, 282.
- ¹⁷ Балтрушайтис Ю. У гроба Ибсена // Весы. 1906. № 8. С. 57, 58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроховская Н. А. Литературные влияния и реминисценции в драматическом замысле А. Блока «Дионис Гиперборейский» // Новый филологический вестник. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ifl.ruh.ru (дата обращения 12.05.2016).
2. Грякалова Н. Ю. Sub specie Nordi: К феномену популярности Ибсена в России // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2007. С. 7–28.
3. Казанова П. Мировая Республика Литературы / Пер. с франц. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. 416 с.
4. Кириллов В. В. Архитектура северного модерна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 160 с.
5. Магомедова Д. М. Александр Блок – читатель Ибсена (по материалам личной библиотеки поэта) // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2007. С. 65–74.
6. Раудар М. Н. Образы Севера и северной культуры в творчестве Анны Ахматовой: Ибсен и Ахматова // Скандинавский сборник. XXVI. Таллин, 1981. С. 208–225.
7. Раудар М. Н. Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XVII. Таллин, 1982. С. 182–199.
8. Раудар М. Н. Образы Севера и Скандинавии в лирике В. Брюсова // Скандинавский сборник. XXXI. Таллин, 1988. С. 146–167.
9. Сандму Э. Мечта о чем-то большем // Ибсен глазами норвежских писателей / Пер. с норвеж. О. Дробот. [Oslo]: Gyldendal, 2006. С. 102–113.
10. Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2007. 272 с.
11. Толмачев В. М. А. Блок и Х. Ибсен: Опыт компаративного исследования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 45–61.
12. Nilsson N. A. Russia and the Myth of the North: the Modernist Response // Russian Literature. 1987. Vol. XXI. № 2. P. 125–139.

Gryakalova N. Yu., Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
(St. Petersburg, Russian Federation)

“MINERS OF SPIRIT”: RUSSIAN IBSENISM THROUGH THE PRISM OF NORTHERN ART NOUVEAU

A historical context of perception of Norwegian play writer's work is examined in the article. Among multiple factors enhancing his popularity the author highlights the role played by the local-geographical “Northern” dominant. A set of historical and situational circumstances, which influenced the interpretation of Ibsen's art *sub specie Nordi*, was also singled out as an important tool of popularization. Among historical factors are colonization of the Russian North and of the borderlands between Russia and Norway;

discovery of Northern mythology and folklore; Declaration of Independence of Norway in 1905 and establishment of diplomatic relations. The author reveals the meaning of the “North” concept and derivative idioms (“Northern art nouveau”, “Northern artists”, “Northern Nietzsche”, “Scandinavian genius”) that became cliché in the discursive field where appropriation of Ibsen’s art took place.

Key words: Ibsen, Ibsenism, Russian symbolism, Northern art nouveau, myth, concept, literary topos

REFERENCES

1. Grokhovskaya N. A. Literary influences and allusions in the drama conceived by Alexander Blok “The Hyperborean Dionysus” [Literaturnye vliyaniya i reminitsentsii v dramaticheskom zamysle A. Bloka “Dionis Giperboreyskiy”]. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2006. № 1. Available at: www.ifi.rsuh.ru (accessed 12.05.2016).
2. Gryakalova N. Yu. Sub specie Nordi: To the phenomenon of the popularity of Ibsen in Russia [Sub specie Nordi: K fenomenu populyarnosti Ibsena v Rossii]. *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. P. 7–28.
3. Kazanova P. *Mirovaya Respublika Literatury* [World Republic of Literature]. Transl. from French by M. Kozhevnikova and M. M. Letarova-Gister. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2003. 416 p.
4. Kirillov V. V. *Arkhitektura severnogo moderna* [Architecture of the Northern Art Nouveau]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 160 p.
5. Magomedova D. M. Alexander Blok as the reader of Ibsen works (on materials from the personal library of the poet) [Aleksandr Blok – chitatel' Ibsena (po materialam lichnoy biblioteki poeta)]. *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. P. 65–74.
6. Raudar M. N. Images of the North and Northern culture in Anna Akhmatova’s works: Ibsen and Akhmatova [Obrazy Severa i severnoy kul'tury v tvorchestve Anny Akhmatovoy: Ibsen i Akhmatova]. *Skandinavskiy sbornik*. Vol. XXVI. Tallin, 1981. P. 208–225.
7. Raudar M. N. The North and Scandinavia in A. Blok’s poetry [Sever i Skandaviya v lirike A. Bloka]. *Skandinavskiy sbornik*. Vol. XVII. Tallin, 1982. P. 182–199.
8. Raudar M. N. Images of the North and Scandinavia in V. Br'usov’s lyrics [Obrazy Severa i Skandinavii v lirike V. Bryusova]. *Skandinavskiy sbornik*. Vol. XXXI. Tallin, 1988. P. 146–167.
9. Sandmu E. Dream about something more [Mechta o chem-to bol'shem]. *Ibsen glazami norvezhskikh pisateley*. Transl. from Norwegian by O. Drobot. [Oslo], Gyldendal Publ., 2006. P. 102–113.
10. *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste* [Henrik Ibsen’s creation in the global cultural context]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 272 p.
11. Tolmachev V. M. A. Blok and H. Ibsen: The experience of comparative study [A. Blok i Kh. Ibsen: Opyt komparativnogo issledovaniya]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyto-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya III: Filologiya. 2016. № 2 (47). P. 45–61.
12. Nilsson N. A. Russia and the Myth of the North: the Modernist Response. *Russian Literature*. 1987. Vol. XXI. № 2. P. 125–139.

Поступила в редакцию 30.08.2016

АЛИНА ИВАНОВНА БАЛАБАН

ассистент кафедры французского языка и литературы факультета филологии, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
alinabal87@mail.ru

ТАТЬЯНА СОЛОМОНОВНА ТАЙМАНОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
t.taimanova@spbu.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ РУССКОГО ПАРИЖА: НЕДОЛГОЕ ПЛАВАНИЕ «НОВОГО КОРАБЛЯ»*

Раскрываются особенности содержания литературных журналов на русском языке, выходивших в 1920–1930-х годах в Париже. Отмечается тот факт, что журналы, которые начинали свой путь в качестве общественно-политического издания, получили в этом статусе признание читателя, а впоследствии сменили свое основное тематическое содержание на литературное, задерживались на рынке дольше, нежели журналы, изначально задуманные как литературные. Дается оценка опыту издания журнала «Новый корабль» (1927–1928), ранее не подвергавшемуся пристальному вниманию со стороны отечественных исследователей. «Новый корабль» разделил судьбу многих эмигрантских изданий подобной тематики. Авторы статьи делают попытку определить причины отсутствия интереса публики к журналу.

Ключевые слова: русское зарубежье, литературные журналы русского Парижа, «Зеленая лампа», «Новый корабль»

В 1920–1930-е годы представителями русского зарубежья был предпринят ряд попыток издания литературных журналов на русском языке. В большинстве случаев в выпуске подобного рода прессы участвовали представители старшего поколения эмиграции. Этому поколению было свойственно желание сохранить культуру дореволюционной России. Развитие эмигрантской литературы на родном языке как части культуры покинутой страны стало важной частью жизни русского зарубежья. Очевидно, что публику необходимо было знакомить с новыми произведениями эмигрантских авторов, отсюда и интерес видных деятелей русского зарубежья к созданию литературной периодики.

Согласно статистическим данным, приведенным Г. В. Жирковым, можно говорить о преобладании прессы литературного содержания (25 % от общего числа изданий). Литературные журналы и газеты кажутся более востребованными читателем, нежели периодика общественно-политического толка (18,6 %), партийные (11,7 %), а также посвященные вопросам экономики и хозяйства (11,3 %) и религиозные (8,2 %) издания [1: 177]. В статистике представляется невозможным учесть тот факт, что многие издания меняли свою тематику с течением времени. Чаще всего встречался следующий вариант: издание начинало свой путь как общественно-политический проект, а затем становилось литературным журналом. Г. В. Жирков отмечает желание печатных изданий русского зарубежья, стремившихся «рас-

ширить свою аудиторию», уйти от узкой политической направленности, «давать все меньше и меньше партийной информации» [1: 178].

В этой связи стоит прежде всего упомянуть журнал «Современные записки», 70 номеров которого увидели свет. Издание снискало популярность в эмигрантской среде. За солидное время своего существования (1920–1940-е годы) журнал прошел путь от политического издания, редактируемого членами партии социалистов-революционеров, до политически нейтрального, в котором основное внимание уделялось вопросам культуры и литературы. Случай с «Современными записками» не был единичным. В ряду изданий, претерпевших подобные изменения, можно упомянуть журналы «Воля России»¹ и «Звено»². Благодаря этим примерам мы можем видеть, что издания, начинавшиеся как общественно-политические, а затем перешедшие в ранг литературных журналов, могли достаточно долго поддерживать читательский интерес.

Однако иным образом обстоит ситуация с теми журналами, которые изначально позиционировали себя как литературные. Этим изданиям редко удавалось пробыть на рынке длительное время, они выпускались небольшими тиражами и не привлекали к себе внимания общественности. Так, например, журнал «Окно» (1923) и ежегодник «Версты» (1926–1928) появились в количестве трех номеров каждый, а литературный ежемесячник «Встречи» (1934) вышел шесть раз. Также среди этих изданий можно назвать

журнал «Грядущая Россия». Он начал выходить в 1920 году. Отметим, что в числе авторов «Грядущей России» было много известных и талантливых писателей и поэтов зарубежья, к примеру, здесь печатали свои произведения А. Н. Толстой, Н. Тэффи, В. В. Набоков³. Несмотря на это, свет увидели лишь два номера «Грядущей России». Г. П. Струве главной причиной прекращения издания журнала назвал «прекращение средств, которые шли из частного меценатства» [2: 49]. Также исследователь заметил, что «эта судьба подстерегала потом не одно эмигрантское литературное начинание» [2: 49]. Стоит заметить, что финансирование в большинстве случаев прекращается из-за отсутствия спроса на печатное издание.

В данной статье мы попытаемся проследить причины отсутствия интереса читателя к литературным журналам русского Парижа на примере «Нового корабля». Этот журнал выходил в 1927–1928 годах под редакцией В. А. Злобина, Ю. К. Терапиано и Л. Н. Энгельгардта. Тематическое наполнение издания типично для литературного эмигрантского журнала. На его страницах можно найти как художественные произведения, так и статьи, в которых авторы представляют свое видение литературных тенденций своего времени, а также рассуждают о судьбе России, о значении русской культуры в мировом культурном процессе и о проблемах эмигрантского самосознания. Судьба журнала тесно связана с объединением «Зеленая лампа»⁴. Редакторы журнала посещали собрания этой организации и привлекали авторов из числа ее участников. Примерно треть каждого номера «Нового корабля» занята отчетами о заседаниях «Зеленой лампы». По мнению некоторых критиков, «отчеты не передают тона, настроения собраний... по большей части являются лишь кратким изложением речей»⁵. Тем не менее отчеты представляют исследовательский интерес и разрабатываются современными учеными, под прицелом внимания которых оказалась деятельность организации «Зеленая лампа» или ее участников⁶. Издательская активность, связанная с этой организацией, остается за пределами внимания. Возможно, из-за недолгого существования журнала и отсутствия к нему интереса у публики этот момент в большинстве работ замалчивается. Опыт издания «Нового корабля» до сих пор не привлекал внимания современных российских ученых. Предполагается, что изучение опыта издания подобных журналов, методов подбора материалов для публикации и рассмотрение отдельных материалов, представляющих линию редакции и идеологические взгляды авторов, могут стать важными элементами для определения особенностей издательской деятельности русской эмиграции.

Стоит упомянуть, что название журнала было выбрано неслучайно: корабль в этом случае пред-

ставляет собой символ оторванного от родных берегов сообщества. Во вступительном слове от редакции читаем: «...мы поняли, что нельзя достичь родных берегов без ясной воли. А ясность воли родится из ясного отношения к жизни, всестороннего и полного... Выработать это отношение есть первая задача наших дней»⁷.

Д. В. Философов заявил, что «Новый корабль» и по внешнему виду, и по содержанию очень напоминает выходивший в 1926–1927 годах литературный ежемесячный «Новый дом» (всего вышло 3 номера)⁸. Критик высказал мнение, что поскольку редакционный состав не претерпел особых изменений, то можно считать, что издание просто поменяло название. Он также отметил: «Почему-то “Новый дом” остался недостроенным, и большинство его руководителей приступило к изданию журнала “Новый корабль”»⁸. Философов увидел в этом изменении «некий внутренний смысл», он заявил: «Действительно, мы, эмигранты, дома не имеем, да и не можем притязать на него. Строить новый дом за границей – нецелесообразно... Здесь мы должны до конца остаться бездомными странниками, не прилепившимися к чужой земле»⁸.

Однако, несмотря на более подходящий символ, «Новый корабль» лишь на один выпуск превзошел «Новый дом»: свет увидели лишь 4 номера журнала. Первый номер снискал расположение эмигрантской критики, к примеру, журнал «Звено» назвал «Новый корабль» «содержательным и своеобразным»⁵. Тем не менее в глаза бросается некоторая непоследовательность в отборе материалов для публикации. С глубоко личными и образными стихотворениями Гиппиус, Берберовой, Адамовича, Оцуа соседствуют нравоучительные статьи и рассуждения о религии Мережковского и Терапиано, отрывки из дневников, рассказывающие о жизни в имперской России и революционных событиях, перемежаются с небольшими рассказами с различными сюжетами. Сложно представить, каким образом из столь разных текстов читатель должен был сформировать свое «ясное отношение к жизни, всестороннее и полное»⁷.

Скорее всего, одной из причин недолгого существования журнала была нечетко сформулированная программа, редакцией не была разработана единая концепция издания. Возникает впечатление, что выбор материала для публикации определялся не столько содержанием текста, сколько авторской принадлежностью. Дело в том, что круг авторов, сотрудничавших с журналом, был весьма ограничен. Большинство из них – это участники «Зеленой лампы», однако в рядах этой организации не существовало единства взглядов. По словам Терапиано, «быть с Мережковскими – отнюдь не означало повторять их слова и разделять их взгляды. За “воскресным столом”... каждый отстаивал свое. Случалось, что по тому

или иному вопросу в меньшинстве оставались Мережковские» [3: 440].

Таким образом, сложно говорить об общем взгляде с «Нового корабля» на ту или иную проблему. Единственный вопрос, по которому авторы издания демонстрируют единодушие, это их отношение к большевизму. Отметим тот факт, что среди писателей, выразивших на страницах журнала свою точку зрения по данной теме, больше представителей «старшего поколения». Привлекаемые к сотрудничеству в журнале представители «младшего поколения» предпочитали публиковать в «Новом корабле» художественные произведения, а не критические статьи, отстраняясь, таким образом, от выбранной в этом вопросе линии, которую диктовали Мережковский, Гиппиус и другие «старрики».

Мережковский в статье «О свободе и России» пишет: «Изгнанная Россия должна вернуться в Россию новую, как одна душа в одно тело», однако выполнить свое предназначение представителям русского зарубежья, по мнению автора, мешают «национально-политические распри и боренья»⁹. Писатель призывает эмигрантское сообщество урегулировать свои внутренние конфликты, обрести религиозное единство и осуществить «духовную интервенцию»⁹. Он предлагает представителям Русского зарубежья направить свои силы на то, чтобы приобщить европейцев к борьбе с большевизмом. Мережковский понимает, что эмигранты не смогут совершить «духовную интервенцию» без единомышленников, без поддержки Запада: «Обращенные лицом только к России, мы не существуем для Европы, для Мира, как действенная сила...»⁹. Именно этот путь представляется автору единственно возможным в деле борьбы с большевизмом – российской трагедией, которая, распространившись, может представлять опасность для всего мирового сообщества. Мережковский не отказывает большевизму в привлекательности, например, говорит об интернационализме, называет его «ложной всемирностью» и «опаснейшим соблазном» нового порядка России⁹. Писатель считает, что с идеей интернационализма можно бороться лишь противопоставив ей христианские ценности⁹. Итак, Мережковский предлагает эмиграции начать с самосовершенствования, с объединения под знаком христианства, затем он видит необходимость совершить поворот в сторону Европы и донести до европейцев идеалы истинного христианства, конечная же цель заключается в том, чтобы преодолеть путем «духовной мировой интервенции» существующий на родине строй.

Этот призыв к эмиграции, к преодолению внутренних противоречий и объединению писатель продолжает и обыгрывает при помощи ярких образов в следующем (втором) номере журнала. В статье «Рыжая крыса»¹⁰ Мережковский представляет российскую эмиграцию в образе

ковчег, только этот ковчег, по мнению автора, способен спасти будущее России. Однако «рыжая крыса» пытается погубить судно со всеми его обитателями¹⁰. Под «рыжей крысой» представляются, по-видимому, просоветские настроения, которые стали появляться в эмигрантской среде.

Надо отметить, что Мережковский – далеко не единственный автор «Нового корабля», который высказывал на страницах журнала свое недовольство по поводу желания отдельных представителей эмигрантского сообщества принять новый режим. К примеру, В. А. Злобин подверг критике политику эмигрантского издания «Путь». В статье «Третье искушение» он говорит о том, что журнал «Путь» проявил в отдельных моментах солидарность с большевиками, что является неприемлемым для представителей русского зарубежья, хранителей духовного наследия России¹¹. Критика насторожил посыл редакции «Пути», заявление Бердяева о том, что «раскол между эмиграцией и Россией, оставшейся под большевизмом, должен быть преодолен...»¹². Злобин воспринял это как призыв к отказу от борьбы. Автор статьи «Третье искушение» видит странность в том, что со страниц «Пути» звучат как слова о необходимости «величайшей духовной активности», так и обращение к церкви, просьба «быть посредницей» между большевиками и «православным народом»¹¹. Злобин считает, что постепенно журнал «Путь» утрачивает «критерий добра и зла»¹¹. Таким образом, даже недостаточное освещение, замалчивание вопроса о борьбе с большевизмом, о ее постоянной необходимости Злобин ставит в вину изданию.

Нужно отметить, что «Новый корабль» действительно в каждом своем номере призывает к борьбе против большевизма, причем чаще всего рупором идеи противления «большевистскому злу» является Мережковский. Даже если судить по количеству статей политического и религиозно-философского содержания, Мережковский занимает первое место среди авторов «Нового корабля». Ему вторит и З. Н. Гиппиус. Под псевдонимом Лев Пушин она заявляет о своем непримиримом отношении к большевикам и большевизму. Подобно своему супругу, писательница ищет на корабле «рыжую крысу», которая препятствует объединению эмиграции. В статье «Душу потерять» она резко отзывается о журнале «Современные записки», так как ее, как и в случае со Злобиным и журналом «Путь», не устраивает позиция журнала относительно большевизма¹³. В следующей статье, посвященной «Современным запискам», она даже обратит внимание на отсталость этого журнала, погрязшего в «бесконечном “ни два, ни полтора” во всех его углах, которое и делает журнал, пока что, Записками несовременными»¹⁴.

Мережковский и Гиппиус, а также их ближайший круг (Злобин, Терапиано, Тэффи) вносят

в журнал «Новый корабль» свое представление о большевизме. Представители же младшего поколения эмиграции, например Б. Буткевич, не проявляют интереса к данному вопросу. Политика издания оказывается, таким образом, всецело в руках «старшего поколения». Отсюда и столь недолгая продолжительность существования журналов «Новый дом», «Новый корабль». Представляется очевидным, что, дабы окупить журнал, вызвать интерес современников, надо было менять не название, а концепцию журнала. «Новый корабль» был интересен только небольшому числу лиц, среди которых большинство – непосредственно причастны к его выпуску. В эмигрантском кругу существовало большое число коалиций, пропагандирующих тот или иной способ выживания за границей. И способ Мережковского и Гиппиус не был жизнеспособным. Они настаивали на постоянной борьбе эмигранта с далеким советским режимом, на обращении к христианским истокам в условиях, когда многие эмигранты не могли найти себе работу и заработать на хлеб.

Очевидно, что литературные журналы, которые создавались представителями «старшего поколения», оказывались заложниками узости взглядов своих основателей. Пример журнала «Новый корабль» показал, что эмигрантский читатель был не заинтересован в подобных изданиях. Положение усугубляло и то, что число читателей-эмигрантов постоянно сокращалось. В 1936 году писатель Г. Газданов в своей статье «О молодой эмигрантской литературе» сказал о том, что к этому времени не осталось той «культурной массы русских читателей за грани-

цей», существование которой принималось как данное¹⁵.

Литературные журналы, начинавшие свой путь в качестве общественно-политических или партийных изданий и привлекая в этом статусе внимание читателей, имели возможность сохранить своего читателя. Ведь публика, получавшая на протяжении многих лет интересующую ее информацию, продолжала выписывать издания «по инерции». Для изданий русского Парижа характерно сотрудничество с постоянным кругом авторов. Если журналист или писатель смог завоевать внимание читателя, последнему будет интересно авторитетное мнение этого автора по разным вопросам. Однако журналы, изначально позиционировавшие себя как литературные, находились в иной ситуации: им необходимо было найти свою публику. У основной массы эмигрантов из России были крайне нестабильные условия жизни, не было постоянной работы, приходилось искать дополнительный заработок, поэтому литературная жизнь русского зарубежья привлекала меньше, чем социально-экономические и политические проблемы. Литературным изданиям редко удавалось пробыть на рынке длительное время, они выпускались небольшими тиражами. Миф о широкой эмигрантской публике провоцировал издателей предпринимать попытки по открытию новых литературных журналов, что создавало конкуренцию уже существующим. В итоге немногочисленная эмигрантская публика оказалась совершенно дезориентирована на рынке печатной продукции, многие литературные журналы не нашли своего читателя и закрывались после выхода нескольких номеров. Такова была и судьба «Нового корабля».

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект «Кросскультурная коммуникация между Россией и Францией 1920–1930-х годов: литература, публицистика, периодика» (РГНФ а(м) № 15-24-08001).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Воля России» – печатное издание русского зарубежья, начало свой путь в Праге в 1921 году в качестве газеты, в 1925 году перешло в статус ежемесячного общественно-политического и литературного журнала, затем издательство было перенесено в Париж, где выпускалось до 1932 года.

² «Звено» – журнал, который продержался на печатном рынке с 1923 по 1928 год. На протяжении первых пяти лет читатель знал «Звено» как политико-литературную газету. Литературным журналом издание являлось лишь последние три года своего существования.

³ Речь идет об одних из первых поэтических опытов В. В. Набокова, которые были опубликованы под собственной фамилией автора, в этот период он еще не начал использовать псевдоним «В. Сирин».

⁴ «Зеленая лампа» – литературное общество, существовавшее в Париже в 1927–1940 годах, созданное по инициативе Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, заседания которого проходили в их квартире.

⁵ С. [Адамович Г. В.?] «Новый корабль» // Звено. 1927. № 4. 1 октября. С. 233–235.

⁶ Речь идет, главным образом, об исследованиях, посвященных культурной деятельности русского зарубежья, литературных и политических объединений как ее части. Например, исследователь Л. Г. Березовая уделяет внимание изучению работы «Зеленой лампы» в рамках рассмотрения культурной миссии эмиграции (Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции 1920–30 годы. Культурная миссия послереволюционной эмиграции как наследие серебряного века // Новый исторический вестник. 2001. № 5). Во многих исследованиях, затрагивающих эмигрантский период творчества Мережковского, Гиппиус, поднимается тема организации и функционирования «Зеленой лампы».

⁷ Злобин В. А., Терапиано Ю. К., Энгельгардт Л. Н. От редакции // Новый корабль. 1927. № 1. С. 4.

⁸ Философов Д. В. Большому кораблю большое и плавание: О сливках общества, пустыне Гоби или Шамо, игре в бирюльки, единой идее, бесчинстве и прочем // За свободу. 1927. 25 сентября. № 220 (2252). С. 2–4 [«Новый корабль». № 1].

⁹ Мережковский Д. С. О свободе и России // Новый корабль. 1927. № 1. С. 20–23.

¹⁰ Мережковский Д. С. Рыжая крыса // Новый корабль. 1927. № 2. С. 29–31.

¹¹ Злобин В. А. «Третье искушение» // Новый корабль. 1927. № 2. С. 32–38.

- ¹² Бердяев Н. А. Духовные задачи русской эмиграции (от редакции.) // Путь. № 1. 1925. Сентябрь. С. 3–8.
¹³ Пущин Л. [Гиппиус З. Н.] «Душу потерять» // Новый корабль. 1928. № 3. С. 57–59.
¹⁴ Пущин Л. [Гиппиус З. Н.] Два слова о двух статьях (Бунаков и Степун) // Новый корабль. 1928. № 2. С. 50–52.
¹⁵ Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. Париж. 1936. Т. 60.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирков Г. В. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 318 с.
2. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж: YMCA-PRESS, 1984. 420 с.
3. Мережковский Д. С.: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. 568 с.

Balaban A. I., Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russian Federation)
Taymanova T. S., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

RUSSIAN LITERARY MAGAZINES OF PARIS: A SHORT VOYAGE OF “THE NEW SHIP”

The article is concerned with the history of literary magazines issued in Russian in Paris of 1920–1930s. The study is focused on peculiarities of their content. Some magazines were originally conceived as literary editions. The others, at first, were issued as news magazines and then their main subjects were connected with literature. The former were more popular among the readers than the latter. The article examines experience of the magazine “The New Ship” (1927–1928). The problem in focus is studied for the first time. The authors of the article make an attempt to determine the reasons for the lack of public interest in the magazine “The New Ship”.

Key words: Russian abroad, literary magazines of Russian Paris, “The Green lamp”, “The New Ship”

REFERENCES

1. Zhirkov G. V. *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya XIX–XX vekov* [Journalism of the Russian abroad of the XIX–XX centuries]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2003. 318 p.
2. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii. Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoy literatury* [Russian literature in exile. Experience of the historical review of foreign literature]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1984. 420 p.
3. *Merezhkovskiy D. S.: pro et contra* [Merejkovski D. S.: pro et contra]. Sost., vstup. st., comment., bibliogr. A. N. Nikol'yukina. St. Petersburg, RkhGI Publ., 2001. 568 p.

Поступила в редакцию 23.05.2016

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики, декан филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ВИТАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Анализируются значение и основные источники литературного феномена, условно обозначенного как витализм и подразумевающего особую роль темы жизни в произведениях отечественных писателей. В указанном аспекте рассматриваются связи русской словесности начала XIX века с немецкой культурой и библейской традицией.

Ключевые слова: русская литература первой половины XIX века, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

Слово «витализм» употребляется здесь применительно к художественной литературе в метафорическом смысле, подобно тому, как в свое время стали активно использоваться в литературоведении термины «реализм» из схоластики или «полифонизм» из музыковедения. Витализм (от *vita* – жизнь) – это направление в натурфилософии, естествознании, которое имело длительную историю и, как считается, было преодолено наукой в XIX веке [3]. Суть витализма – в признании жизни самостоятельным, не зависящим от материи началом¹. Источник такого представления древний. Так, в Библии рассказывается о том, что Бог сделал первого человека из земли, но для того, чтобы человек начал существовать, потребовалось, чтобы Бог приобщил его к этому особому началу – жизни: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). И в волшебной сказке тело убитого героя срastaется (материально восстанавливается) от мертвой воды, но оживает он только после того, как обрызгают его водой живой. Деревья, которые создал Господь Бог, отличаются друг от друга – большинство из них дают человеку материальную пищу, но только одно – самое жизнь: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). Дерево познания добра и зла было запретным для человека (Быт. 2:17), но и путь к дереву жизни был закрыт для него после грехопадения (Быт. 3:24). Питание от дерева жизни давало возможность жить вечно (Быт. 3:22). Человек утратил эту возможность, но сохранил право на жизнь временную, получаемую через женщину, само имя которой – жизнь: «И нарек Адам имя жене своей: Ева* [*Жизнь], ибо она стала матерью всех живущих» (Быт. 3:20; в церковно-славянском тексте: «И нарече Адам имя жене своей жизнь, яко та мати всех живущих»).

Еве как воплощению физической временной жизни в священной истории противостоит Иисус Христос как жизнь вечная, духовная: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), свидетельствует о Себе Господь. Не случайно в христианской богословской традиции Он связывался с древом жизни², а Дева Мария, носившая Его в себе, именовалась «сокровище живота неистощимое» (Акафист Богородице, ч. 4, икос 12), то есть неистощимая (вечная) сокровищница жизни.

То, что русское слово «живот», называющее определенную часть тела, совпадает с церковно-славянским обозначением жизни, нельзя не признать исполненным глубокого смысла. Дореволюционные отечественные словари, ссылаясь на «учение старинной физиологии» и Парацельса, дают объяснение забытого в наше время слова «архей» (греч. *arche* – начало, первоначало, власть, господство): это «начало жизни, распоряжающееся всеми отправлениями человеческого тела»³, которое «помещается в желудке»⁴. Древние представления об архее как особом жизненном начале, отличном от души, в XIX веке еще сохранялись у масонов, о чем свидетельствует соответствующий роман Писемского. Здесь герой, желающий посвятить свою возлюбленную «в таинства герметической философии», объясняет ей разницу между душой и археем: «В человеке, кроме души, – объяснил он, – существует еще агент, называемый “Архей” – сила жизни, и вот вы этой жизненной силой и продолжаете жить, пока к вам не возвратится душа...»⁵. Архей – это некий прообраз, внутренняя форма, матрица, определяющие процесс создания каждого отдельно взятого человеческого организма и его последующее функционирование: «Архей – это “кузнец” (*faber*), который несет в себе представление о создаваемом существе и по этому образу располагает и регулирует процесс созидания» [3: 32].

На творческую функцию живота (и вообще телесного низа) указывал В. В. Розанов.

Признавая, что «в розановской религиозно-философской концепции бытия существенную роль играют виталистические мотивы», В. А. Фатеев далее отмечает, что Розанов «не отказывается и от защиты “животного” начала как основы Древа Жизни, оказывающего благотворное оздоравливающее воздействие и на духовный мир. Он связывает идею жизни с полом, с рождением, с “животом”»⁶. Здесь Розанов не только разрушал определенную традицию – рационалистическую, просветительскую, но и подключался к другой традиции – виталистской – со свойственным ей представлением об особом – нематериальном – характере жизненных процессов. В свое время основоположник физиологии и эмбриологии Гарвей (1578–1657) обратил внимание на то, что в латинском языке зачатие и возникновение целостного идейного образования обозначаются одним словом – *conscriptio*: «Это совпадение, на его взгляд, вполне правильно передает общность обоих процессов: “и то и другое не материального характера”, замечает он и ставит матку в известную параллель с мозгом» [3: 33].

Таким образом, лежащие в основе витализма идеи имеют долгую историю. Сокровенный, темный, таинственный, сакральный характер жизни с давних времен привлекал внимание мистиков и разного рода носителей эзотерического знания. Но, наверное, мы не ошибемся, если скажем, что особой темой в философии и литературе «жизнь» становится на рубеже XVIII и XIX веков. По крайней мере, так принято думать. В 20-е годы XX века, в эпоху необыкновенной распространенности «философии жизни», когда назрела необходимость осмысления ее истоков и истории, очень авторитетный тогда Генрих Риккерт естественно называл Ницше главным представителем «философии жизни» и одновременно «связующим звеном между старым и новым течением в учении о жизни». Из предшественников Ницше Риккерт упоминает Гете, немецких романтиков, Шопенгауэра («и в некотором отношении также» Рихарда Вагнера. Риккерт считает, что «это дает уже достаточную историческую перспективу» и «незачем идти в даль времен» [5: 24]. Последнее замечание вызывает некоторое недоумение, но, очевидно, Риккерт понимал, насколько эта даль времен глубока.

Исследователь творчества Достоевского В. Комарович, указывая на интерес писателя к теме «живой жизни», считал, что к Достоевскому это понятие пришло из сочинений старших славянофилов, которые, в свою очередь, позаимствовали его из шеллингианской философии, а также склонны были отождествлять его с кантовской «вещью в себе» («истинно сущей, независимо от субъективных форм логического познания») [4: 33]. То есть и русский ученый, так же как и Г. Риккерт, считал, что актуализация темы «жизни» в мировой культуре связана именно с немецкой философией XVIII–XIX веков. Но, как мы понимаем, германские мыслители и лите-

раторы не были изобретателями этого, как сейчас принято говорить, концепта, а лишь «оживили» его, выведя из тени эзотерики в сферу общедоступной идеологии.

Пушкин, в отличие от славянофилов, никогда не был поклонником немецкой философии (хотя и мог испытывать ее опосредствованное влияние через своего лицейского преподавателя шеллингианца Галича⁷). Но и в его лексиконе «жизнь» и однокоренные слова занимают большое место: Словарь его языка свидетельствует, что слово «жизнь» встречается в текстах Пушкина 603 раза, «живой» – 307⁸. Как указано в словарной статье, основные значения слова «жизнь» у Пушкина следующие: это существование человека – земное и загробное, «совокупность всего пережитого, переживаемого или сделанного человеком», его биография; «развитие чего-нибудь, деятельность во всей совокупности ее проявлений (общества, государства); жизненный уклад, способ существования, времяпрепровождение; окружающий мир, реальная действительность во всей совокупности ее проявлений». Для нас наиболее интересны две последние группы значений: «жизненная сила, энергия, внутреннее воодушевление» («В порочном сердце жизни нет...» – «Прелестнице», 1818; «В чертах у Ольги жизни нет» – «Евгений Онегин», гл. 3, LVIII) и «самое дорогое, ценное для кого-нибудь» («Ты понял жизни цель: счастливый человек, Для жизни ты живешь» – «К вельможе», 1830).

Признание жизни нравственно-эстетической ценностью (что будет более характерно для умонастроения уже послепушкинского периода) сопровождается у поэта критическим к ней отношением. В его раннем творчестве юношеское жизнелюбие сменялось байроническим жизнелюбием. Именно «жизнеотрицающей печалью» был наделен самый знаменитый герой Байрона – Чайльд-Гарольд («Паломничество Чайльд-Гарольда», песнь первая), а другой – Манфред – жаловался на то, что

Жизнь нас гнетет, как иго, как ярмо,
Как бремя ненавистное, и сердце
Под тяжестью его изнемогает⁹.

Собственно, в таком отношении к жизни не было ничего нового. Оно проявляется в мировой культуре от Екклесиаста («И возненавидел я жизнь: <...> ибо все – суета и томление духа!» (Ек 2:17)) до Шекспира. Как заметил Ю. Н. Говоруха-Отрок, «кто хотя раз не испытывал тяжести того “бремени жизни”, той усталости жить, какую испытывает принц Гамлет?» («Мне жизнь моя ничтожнее булавки...»)¹⁰. При этом критик относит Пушкина вместе с Шекспиром, Байроном и Шопенгауэром к представителям «пессимистического воззрения»: «Оно увидело в зле как бы закон жизни»¹¹.

Для такого заключения творчество Пушкина дает основания. Жизнь – «уродливый кумир» («Надеждой сладостной младенчески дыша...»,

1823), «дар напрасный, дар случайный», «томит меня тоскою однозвучный жизни шум» («Дар напрасный, дар случайный...», 1828), «жизни мышья беготня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830), «жизнь ничто, как сон пустой, насмешка неба над землей?» («Медный всадник», 1833). Любимая героиня Пушкина Татьяна о своем настоящем говорит: «Постылой жизни мишура» («Евгений Онегин», гл. 8, XLVI), а сам автор признается, что ему невыносимо «глядеть на жизнь, как на обряд» (гл. 8, XI), жалеет об окончании труда, который давал «забвенье жизни» (гл. 8, I), и называет блаженными тех, кто оставил роман жизни недочитанным, то есть рано покинул «праздник жизни» (гл. 8, LI). Как отметила А. Д. Григорьева, этот образ – «праздник жизни» – больше никогда не появится у Пушкина¹². В то же время в жизни для зрелого Пушкина открывается новый смысл: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» («Элегия», 1830). В целом можно сказать, что трезвость Пушкина, многосторонность его мировосприятия обусловили не только отсутствие в его творчестве тотального жизнеотрицания, но и предохраняли его от того культа жизни, который возникнет в русской литературе в дальнейшем.

Сложность, взвешенность пушкинского отношения к жизни сопоставима с позицией Карамзина. В одном из его стихотворений («Берег») недвусмысленно выражено христианское воззрение на жизнь как на нечто непостоянное и опасное:

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!¹³

У романтиков использованная Карамзиным оппозиция приняла несколько иной вид – в зависимости от их общественной ориентации, но во всех случаях море как символ жизни реабилитируется: у молодого Пушкина оно противопоставляется берегу как воплощение свободы («Погасло дневное светило...», 1820), а у Жуковского оно земля (берег), но именно море является отражением высшего небесного начала («Море», 1822).

В предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин говорит о поисках «духа и жизни в тлеющих хартиях»¹⁴. Очень характерна та контаминация, которую претерпевает эта пара «дух и жизнь» у Хомякова: он призывает в истории искать не дух и жизнь по отдельности, а именно дух жизни. Обращаясь к своей стране («России», 1839), вождь славянофилов восклицает:

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси! (Курсив мой. – А. К.)¹⁵

В этом наглядно проявляется разница между умонастроениями 20-х и 30-х годов.

Как уже говорилось, в актуализации темы жизни в мировой культуре ведущую роль сыграли немцы – прежде всего Гете, Шеллинг и романтики. В лирике Гете образ жизни появляется очень часто и наделен особой значимо-

стью. В стихотворении «Бравому Хроносу» (1774) лирический герой, обращаясь к богу времени, призывает мчать его «прямо в кипящую жизнь». Герою знакомо и предвкушение «вечной жизни», которая существует «над вершинами гор», но его путь направлен в другую сторону:

Пьяный последним лучом,
Ослепленный, ликующий,
С огненным морем в очах,
Да низвергнусь в ночь преисподней!¹⁶

Акцентирование значения жизни, заступающей место Бога, очевидно, связано у Гете с особенностями его мировоззрения, в котором пантеизм явно превалировал над христианскими ценностями:

Был я всегда терпелив ко многим вещам неприятным,
Тяготы твердо сносил, верный завету богов.
Только четыре предмета мне гаже змеи ядовитой:
Дым табачный, клопы, запах чесночный и † (с. 209).

«Жизнь» становится творцом человека:

Если по правде сказать, вот как думаю я: человека
Лепит жизнь, а слова не так-то много и значат (с. 234).

Влюбленность в жизнь совершенно естественно (от любви до ненависти один шаг) соседствует у Гете с обвинениями в ее адрес. В «Западно-восточном диване» проявляется и то и другое:

Радость жизни полной мерой
С жизнелюбом пить мы будем (с. 329).

В стихотворении «Жизнь во всем», которое входит в указанный сборник:

И проснется жизнь, и в недрах
Вспыхнет жидущая сила,
Чтобы все цвело и пахло,
Что Земля в себе носила (с. 331).

А вот и разочарование в предмете былой любви:

Жизнь – шутка, скверная притом.
Тем – ничего, тем – полный дом (с. 352).

Старая потаскуха
По прозвищу «Жизнь»
И меня, как других,
Обманула.
Веру мою отняла
И надежду взяла,
А потом за любовь принялась,
Но вырвался я
От распутной (с. 397).

Эта любовь-ненависть к жизни позднее перекочевала в русскую литературу (что замечательно сформулировал Блок в поэме «Возмездие», подводя итоги века девятнадцатого: «И отвращение от жизни, и к ней безумная любовь») и проявлялась в стихах поэтов, переводивших Гете и, таким образом, испытавших его влияние. «Жизнь – шутка» отзовется у Лермонтова в стихотворении «И скучно и грустно»:

А жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка.

На мой взгляд, здесь сказывается и влияние на Лермонтова байроновского жизнеотрицания, хотя объяснялось все, конечно же, не только влиянием. Ю. Н. Говоруха-Отрок писал о глубокой укорененности этого чувства в душе Лермонтова: «Не “господствующее зло” смущало его, как думают иные, не крепостное право, не “дореформенные порядки”, не светская пустота, а то зло, которое он прозревал в самой основе мира и жизни; не такую только жизнь, т. е. жизнь светской пустоты, считал он “пустой и глупой шуткой”, а жизнь вообще, какою она представлялась его глубокой и благородной, но опустошенной душой»¹⁷.

При этом знакома Лермонтову и страстная увлеченность жизнью¹⁸, ощущение ее самоценности («Я жить хочу, хочу печали...», 1832). О его герое Печорине Белинский сказал: «...бешено гоняется <...> за жизнью, ища ее повсюду»¹⁹. И еще один факт, свидетельствующий о том, что Лермонтову была близка гетевская философия наслаждения жизнью, в которой есть нечто эпатажно-гедонистическое. В «восточном» стихотворении Гете «Джелал-эддин Руми говорит» содержится такое поучение: «Расцвел цветок? Скорей сорви, он вянет» (с. 355). В «Герое нашего времени», также не лишенном «восточного» колорита, Печорин пишет в своем «журнале» («Княжна Мери»): «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет»²⁰.

Для великого жизнелюбца Гете его роман с жизнью заканчивается примирительно и мудро-благодарно:

Там, где чисты и земля и воды,
Солнце лучше греет наши всходы,
Где построен труд умно и здраво,
Всходит жизнь, а жизни честь и слава! (С. 408).
Я так любил! Я грезил наяву!..
Тогда-то я и знал, что я живу (с. 427).
В полночный час мечтанья, в звездном строе,
Плывут туда, где спит ее душа.
О, если б там и мне уснуть в покое!
Что б ни было, жизнь все же хороша (с. 449).

Гетевское отношение к жизни находит самый сочувственный и широкий отклик у немецких

романтиков. Так, «император романтизма» Новалис писал: «Жизнь есть нечто подобное цвету, звуку и силе. Романтик изучает жизнь так же, как живописец, музыкант и физик изучают цвет, звук и силу. Тщательное изучение жизни образует романтика...»²¹. Особая природа жизни – этого главного для романтиков предмета любви, изучения и изображения – приводила их к признанию музыки наиболее адекватным средством ее выражения: «...музыка выражает бытие самого бытия, жизнь самой жизни» [1: 87]. Еще один (наряду с Новалисом) представитель «иенской школы» немецкого романтизма Фр. Шлегель прочитал в 1828 году в Вене курс лекций, красноречиво озаглавленный «Философия жизни». Здесь он доказывал преимущество непосредственного знания перед теоретическим, говорил о «коренящейся в центре всякого мышления ничтожной идее умерщвления всякой жизни в мертвом понятии и пустой формуле» [8: 346].

Но совершенно особую роль в возникновении культа жизни в русской культуре сыграла философия Шеллинга. Популярный в конце 20-х – начале 30-х годов XIX века критик Н. И. Надеждин так объяснял суть переворота, совершенного немецким мыслителем: «С тех пор философия восприняла жизнь совершенно новую. Она составляется уже не из одних метафизических тонкостей и диалектических сплетений ума, зашедшего за разум, но из светлых и плодотворных разысканий, собирающих раздробленные явления действительности в одно живое, живому духу доступное единство, для уразумения истинного смысла бытия и основного значения жизни»²². И в своей докторской диссертации (1830) Надеждин помещает тезис, которому в России суждено было большое будущее: «...где жизнь, там – поэзия»²³.

Таким образом, можно говорить о своеобразном витализме русской литературы первой половины XIX века. Он проявлялся в особом внимании отечественных писателей к теме жизни, понимаемой и как окружающая действительность, и как начало существования всего в мире, внутренний источник и главная ценность всех действий человека. Происхождение этого концепта связано не только с немецкой литературой и философией рубежа XVIII–XIX столетий, но и со знакомой русским ранее многовековой библейской традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. у Г. Дриша изложение позиции одного из виталистов – Г. Р. Тревирануса: «Жизнь является таким образом началом совершенно чуждым материи...» [3: 109]. Аналогичный тезис находим у Шеллинга: «Жизнь не есть свойство или продукт животной материи, напротив, материя есть продукт жизни» [7: 125].

² Константин Аксаков вспоминает, как он – тогда увлеченный изучением немецкой философии студент – беседовал на эту тему с университетским законоучителем Терновским: «Однажды на репетиции он вызвал меня таким образом и спросил о рае. Отвечая, я сказал о древе жизни и прибавил: “Но ведь это древо надо понимать только как аллегория?” – “Как аллегория?” – сказал Терновский. – Почему вы так думаете?” – “Древо жизни, – отвечал я, – было прообразом Христа”. – Оно было прообразом; но это не значит, что оно не существовало”, – заметил Терновский» (Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. М., 2005. С. 182).

³ Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865.

- ⁴ Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907.
- ⁵ Писемский А. Ф. Масоны // Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 8. С. 23–24.
- ⁶ Фатеев В. А. Жизнь (Живая жизнь) // Розановская энциклопедия. М., 2008. Ст. 1483–1484.
- ⁷ «В основе философской концепции Галича в исходный период его деятельности лежала идея “всеобщей жизни”, как реализация некоего духовного начала» [6: 280].
- ⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 1. А–Ж.
- ⁹ Байрон Дж. Г. Соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 61.
- ¹⁰ Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика. СПб.: Росток, 2012. Т. I. С. 711, 717.
- ¹¹ Там же. С. 499.
- ¹² Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 160. См. об этом также: Бочаров С. Г. Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 223.
- ¹³ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 286.
- ¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Предисловие. С. XIII.
- ¹⁵ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 112.
- ¹⁶ Гете, Иоганн Вольфганг. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1975. С. 91–92. В дальнейшем страницы этого издания указываются после цитаты в скобках.
- ¹⁷ Говоруха-Отрок Ю. Н. Указ. изд. С. 511–512.
- ¹⁸ Слово «жизнь» встречается в произведениях Лермонтова 647 раз (у Пушкина – 603) и занимает в тысяче самых частых слов поэта высокое 65-е место (Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 647, 763).
- ¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 146.
- ²⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: Л.: Худож. лит., 1940. Т. 4. С. 360.
- ²¹ Новалис. Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 126.
- ²² Надеждин Н. И. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. № 1. С. 19.
- ²³ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
2. Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 5–292.
3. Дриш Ганс, проф. Витализм. Его история и система / Авториз. пер. А. Г. Гурвича. М.: Книгоизд-во «Наука», 1915. 279 с.
4. Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 31–68.
5. Риккерт Генрих. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пб.: Academia, 1922. 167 с.
6. Философия Шеллинга в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского ин-та, 1998. 528 с.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1987. 637 с.
8. Шлегель Фр. Эстетика, философия, критика: В 2 т. Т. 2. М., 1983. 448 с.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOURCES OF 'VITALISM' IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

The main sources and the meaning of the literary phenomenon “vitalis”, which implies a special role of the theme of life in the works of Russian writers, are discussed in the article. In this context, the paper analyses connections of the Russian literature of the beginning of the 19th century with German culture and its Biblical traditions.

Key words: Russian literature of the first half of the 19th century, theme of life, vitalism, ‘vital life’

REFERENCES

1. Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 568 p.
2. Grigor'eva A. D. Poetic Phraseology of Puskin [Poeticheskaya frazeologiya Pushkina]. *Poeticheskaya frazeologiya Pushkina*. Moscow, 1969. P. 5–292.
3. Drish Gans, prof. *Vitalizm: Ego istoriya i sistema* [Vitalism: Its History and System]. Moscow, Nauka Publ., 1915. 279 p.
4. Komarovich V. L. Dostoevsky's Novel “Podrostok” as Artistic Unity [Roman Dostoevskogo “Podrostok” kak khudozhestvennoe edinstvo]. *Dostoevskiy: Stat'i i materialy. Sb. II. Pod red. A. S. Dolinina* [Dostoevsky: Articles and Materials. Col. I. Ed. A. S. Dolinin]. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924. P. 31–68.
5. Rikkert Genrikh. *Filosofiya zhizni: Izlozhenie i kritika modnykh techeniy filosofii nashego vremeni* [Philosophy of Life: Presentation and Critique of Fashionable Currents of Modern Philosophy]. Petersburg, Academia Publ., 1922. 167 p.
6. *Filosofiya Schellinga v Rossii* [Schelling's Philosophy in Russia]. St. Petersburg, 1998. 528 p.
7. Shelling F. V. Y. *Sochineniya: V 2 t. T. I* [Works: In 2 vol. Vol. I]. Moscow, 1987. 637 p.
8. Shlegel Fr. *Estetika, filosofiya, kritika: V 2 t. T. 2* [Aesthetics, Philosophy, Criticism: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1983. 448 p.

Поступила в редакцию 18.08.2016

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА НАУМЧИК

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)
hylda@list.ru

ПРИНЦИПЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»

Рассматривается роман Нила Геймана «Американские боги» с точки зрения переосмысления традиционных мифологических образов. Ставится цель установить, каким образом писатель интерпретирует богов скандинавских, египетских, африканских, кельтских и божеств иных культурных традиций. Используется метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий выявить параллели между образами романа и традиционными мифологическими персоналиями. Подчеркивается, что Нил Гейман в целом соблюдает мифологическую традицию при создании образов американских богов, что особенно ярко видно, если обратиться к образу Среды, который соотносится со скандинавским Одином. Анализируется мотив борьбы между старыми и новыми богами – богами, рожденными современной цивилизацией (Техномальчик, Медиа и др.), а также рассматривается сама концепция рождения и существования мифологических представлений о богах. Делается вывод о том, что, во-первых, Нил Гейман использует постмодернистский принцип цитатности для усложнения структуры художественного произведения, а во-вторых, обращаясь к проблеме существования богов в современном мире, ставит вопрос об особенностях мировоззрения американской нации.

Ключевые слова: Нил Гейман, миф, мифологизация, фэнтези, постмодернизм, цитатность, боги

Развитие литературы в последнее столетие тесно связано с неослабевающим интересом к мифу как форме общественного сознания и, особенно, как к повествовательной структуре, что обуславливает, с одной стороны, активное использование мифологических сюжетов и образов в художественных произведениях, а с другой – закономерный интерес исследователей к проблемам мифа и мифотворчества, что подтверждают многие литературоведческие работы, опубликованные в последние годы [2], [4], [6], [8]. Обращение к мифологическому наследию нередко позволяет символически подчеркнуть проблемы современности, семантически обогатить дополнителем смыслом сюжетную составляющую и усложнить структуру художественного произведения за счет многочисленных отсылок к мифологическим сюжетам и образам.

Нил Гейман (Neil Gaiman) является одним из самых известных британских писателей и сценаристов, работающих в жанре городского фэнтези, причем многие исследователи его творчества неоднократно отмечали, что миф и мифологизация играют важную роль во всех его произведениях. Как пишет Е. В. Лозовик в своей статье «Миф и сказка в творчестве Нила Геймана», писатель «привлек внимание исследователей неожиданной степенью мифореставрации, позволившей автору не только выстроить собственную вселенную, но и восстановить в тексте основные принципы мифологического сознания: поиск героем себя и, как следствие, восстановления мифологического

сознания» [3]. Действительно, во многих произведениях Нила Геймана сюжетообразующим элементом становится мифологический обряд инициации, а в романе «Американские боги»¹ («American Gods»)² этот обряд, как будет сказано ниже, имеет прямую отсылку к германо-скандинавской мифологии. Особенности мифологизирования в творчестве писателя заставляют говорить также о том, что он активно использует постмодернистский принцип цитатности, причем не только перефразирует отрывки из «Старшей Эдды»³, «Песни песней Соломона»⁴, «Гамлета»⁵ У. Шекспира, «Ворона»⁶ Э. По, но и цитирует отрывки из «Индуистских мифов»⁷ Венди Донигер О'Флаэрти, приводит отрывки из американских песен и фильмов, создавая таким образом мозаичное полотно, видимая хаотичность которого на самом деле выстраивается в сложно организованную систему.

Одним из самых знаменитых произведений Нила Геймана является роман «Американские боги», написанный в 2001 году и удостоенный премий Брэма Стокера и Хьюго. Жанр этого произведения сложно определить одним словом, Б. Невский пишет: «"Американские боги" – фэнтези, хоррор, триллер, детектив, драма, нравоучительная притча, густо одобренная мифологией с вкраплениями философских размышлений о жизни, смерти и многих других проявлениях бытия» [7].

Сюжет «Американских богов» начинается как традиционный «роман дороги» – главный

герой, носящий условное имя Тень (Shadow), только что освободившийся из тюрьмы и похоронивший жену, поступает на службу к некоему мистеру Среде (как впоследствии выяснится, это американское воплощение бога Одина), который сначала совершенно не объясняет свои планы, но увлекает героя в опасное путешествие по Америке, заново открывая ему глаза на многие сакральные места в самой неподходящей для богов стране. В романе неоднократно повторяются слова, что «эта страна для богов не слишком подходит» (590), «до старых богов здесь нет дела... новых придумывают так же быстро, как потом забывают ради какой-нибудь новой большой идеи» (622), а в финале романа скандинавский Один говорит: «Мой народ плавал отсюда в Америку, много веков назад. Они туда сплавали, а потом вернулись обратно в Исландию. И сказали, что людям там хорошо, а вот богам – плохо» (682).

Основная линия повествования постоянно прерывается вставками из «мифологической» истории Америки, которые демонстрируют, каким образом разные божества оказались так далеко от своих корней, и благодаря этому мозаичному повествованию подчеркивается универсальность бытования богов на американской почве. Оказывается, например, что еще в далеком 813 году скандинавы привезли в Америку своих богов (80–83), ведь согласно концепции Нила Геймана богов питает человеческая вера. По своей сути мысль эта не нова, «согласно науке не боги создали людей, а как раз наоборот» [5], «Бог существует, живет, а затем умирает только вместе со своим создателем. А создатель этот – сам человек» [1]. Помимо отсылки к психологическому объяснению существования богов, мы также видим явные параллели с романом Т. Пратчетта «Мелкие боги»⁸, написанным в 1992 году и высказывающим аналогичную мысль – боги существуют лишь благодаря вере в них, но для того, чтобы человек верил в бога, бог тоже должен верить в человека.

В романе Нила Геймана эта идея впервые озвучивается во сне, который видит Тень: «Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но в конечном счете можно убить и ее» (71). Важно подчеркнуть, что сама концепция сна очень важна во всех произведениях писателя – сны нередко направляют героев и дополняют реальность, поэтому так важны сны Тени, в которых он видит божество, воплощенное в образе Бизона и олицетворяющее землю.

На смену старым мифологическим богам, как показывает писатель, приходит «новое поколение богов: боги кредитных карт и скоростных шоссе, интернета и телефона, радио, телевидения и медицинского обслуживания, боги пластика, пейджеров и неоновых вывесок» (164). Именно с этими новыми богами, воплощенными, например,

в образах Техномальчика и Медиа, и собирается вести битву Среда-Один. Среди нового поколения богов наиболее показательным образом является так называемый Техномальчик, разъезжающий на роскошном лимузине и не чурающийся грубых и жестоких мер, направленных на уничтожение богов старых. Он очень мало похож на бога и даже речь его нарочито осовременена: «...мы <...> перепрограммировали реальность <...> язык – это вирус, вера – операционная система, а молитва <...> спам <...> Один клик, и ты переписан единичками и ноликами, в случайном порядке» (65–66).

Однако, как выяснится позднее, мистер Мирр, который направляет новых богов и подталкивает их к битве со старыми, не кто иной, как Локи «Кознодей» (508), который произносит: «Видите ли, исход этой битвы не имеет равным счетом никакого значения. Единственное, что имеет значение, – это хаос и кровопролитие» (583). И как Локи жаждет хаоса, так Среда желает смерти и новых, и старых богов, чтобы он, бог смерти, снова обрел свою божественную силу и власть. Тени, который оказывается сыном Среды, уготовлена роль разменной монеты в этом тщательно подготовленном заговоре, но ему удастся спастись самому и предотвратить «Гибель богов», время которой хочет приблизить Среда-Один. Такая обрисовка образа Одина лишь отчасти противоречит традиционному мифологическому образу, потому что, с одной стороны, германско-скандинавский бог желал отсрочить Рагнарёк, зная о своей гибели, но с другой – одно из имен бога звучит как Хникар, Сеятель раздоров: «Хникар я звался, убийство свершая и радуя ворона»⁹.

Итак, все повествование романа выстраивается на скандинавской идее Рагнарёка, однако Нил Гейман населяет пространство современной Америки не только представителями германско-скандинавского пантеона, но и богами иных культурных традиций: лепреккон Бешеный Суини, подаривший Тени магическую золотую монету, отсылает нас к кельтской мифологии¹⁰, как и Морриган, богиня войны; Анупис и Тот, продолжающие в современной Америке похоронное ремесло, соответствуют египетской мифологической традиции¹¹, да и посмертный суд над душой Тени, и в частности взвешивание его сердца, берет истоки из «Египетской книги мертвых»¹². Индуистская Кали, прославленная ветхозаветная Билкис (Суламифь), которой посвящена «Песнь песней Соломона», славянский Чернобог, западноафриканский Компэ Ананси и многие другие традиционные божества, вера в которых была привезена в Америку переселенцами, действуют на страницах романа Нила Геймана.

Далеко не все упомянутые боги подробно представлены в романе, но на примере мистера Среды, американского воплощения германско-скандинавского Одина (Вотана), можно проследить

принципы авторского мифологизирования. Само имя героя – Среда – сразу же отсылает нас к мифологической символике дней недели, потому что среда считается днем Одина, да и древневерхненемецкое наименование этого дня содержит имя бога – **Wodanstag (Wuotanstag)**. Подобную же ситуацию мы видим в древнеисландском языке, где среда обозначается словом **Öðensdagr** – день Одина. Настоящее имя Среды – Вотан – звучит из уст Чернобога в тот момент (89), когда читатель уже догадался, кто перед ним, потому что Нил Гейман тщательно воспроизводит символические и мифологические детали внешности Одина: «темно-серый шелковый галстук, на булавке – серебряное дерево: ствол, ветви, мощные длинные корни» (30) – намекают на мировое древо Иггдрасиль; указание на то, что «с глазами у соседа тоже что-то не так – оба серые, но один вроде как темнее другого» (32), призвано напомнить, что Один отдал свой глаз великану Мимиру за глоток из источника мудрости, а белый шрам на одном боку (78) обращает читателя к мифу о том, что Один провисел на мировом древе, пронзенный копьем. Свой договор с Тенью Среда-Один скрепляет медом, который оказывается весьма кислым и неприятным на вкус, но делает Тень неожиданно разговорчивым, что опять же отсылает нас к свойствам легендарного Меда поэзии, миф о котором наиболее полно представлен в «Младшей Эдде»¹³ Снорри Стурлусона. В одном из эпизодов романа Среда перечисляет свои имена: «Тот-Кто-Рад-Войне, Грим, Налетчик, Третий, Высокий, Отец Всех, Гондлир Держатель Жезла» (158), что является сокращенным перечнем пятидесяти четырех имен Одина в «Речах Гримнира»¹⁴. Позднее говорится о том, что Среда собирает богов в палатах Валаскьяльв (159), что соответствует тексту «Видения Гюльви»¹⁵, а также мы слышим из уст Среды описание восемнадцати заклинаний, которые он знает (332–333), что представляет собой прозаический пересказ отрывка из «Речей Высокого»¹⁶.

Один из ключевых эпизодов романа – инициация Тени – тоже связан с германо-скандинавской мифологической традицией. Одной из обязанностей Тени согласно его договору со Средой является исполнение «бдения», если Среда погибнет, и, когда американский Один действительно

умирает (что на самом деле является тщательно спланированной провокацией), Тень вынужден исполнить свое обещание, хотя другие боги его отговаривают, указывая на тяжесть этого обряда: «Тот человек, который исполняет бдение, – его привязывают к дереву. Так же, как когда-то самого Среду. И он висит там девять дней и ночей. Без еды и питья. В полном одиночестве. Потом его с дерева срезают, и если он жив... ну, в общем, такое тоже бывает. После этого можно считать, что Среда получил свое бдение» (518). Ритуал совершают норны, которые живут возле огромного древа в Вирджинии, обозначенного как ЯСЕНЬ (520), по дереву бегают белки, которая выкрикивает «рататоск» (526), – и все эти мифологические детали возвращают нас к мифу о том, как Один пригвоздил себя к Иггдрасилью на такой же срок, чтобы пройти шаманскую инициацию.

Для Тени это бдение оказывается очень важным, потому что он не только видит прошлое, предшествующее его рождению, и прозревает, что Среда – его отец, но также проходит испытание в Загробном царстве и понимает свое истинное предназначение – предотвратить битву богов. За динамичным полудетективным сюжетом на самом деле стоит очень важная мысль, которую Нил Гейман вкладывает в уста одного из «новых божеств»: «Свобода вероисповедания в конечном итоге означает также и свободу верить в ложных богов» (465), и Тень подводит итог всем божественным спорам и распрям всего лишь одной фразой: «По мне так лучше быть человеком, чем богом. Нам не требуется, чтобы хоть кто-то в нас верил» (624).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что, во-первых, Нил Гейман использует постмодернистский принцип цитатности для усложнения структуры художественного произведения, прямо или косвенно цитируя мифологические тексты («Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Песнь песней Соломона» и др.) и детально воспроизводя традиционные представления о богах, а во-вторых, обращаясь к проблеме существования богов в современном мире, ставит вопрос об особенностях мировоззрения американской нации и задумывается не только о месте богов в современном мире, но и о месте человека в мире богов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гейман Н. Американские боги // Гейман Н. Американские боги; Король горной долины; Сыновья Ананси. М.: АСТ, 2014. С. 3–685. В круглых скобках указывается страница.

² Gaiman N. American Gods. HarperTorch, 2008. 624 p.

³ Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. 260 с.

⁴ Песнь песней Соломона. М.: Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.

⁵ Шекспир У. Гамлет. М.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

⁶ По Э. Ворон. М.: Азбука-классика, 2014. 288 с.

⁷ Doniger Wendy The Hindus: An Alternative History. Penguin, 2009. 836 p.

⁸ Пратчетт Т. Мелкие боги. М.: Эксмо-Пресс, 2003. 432 с.

⁹ Речи Регина // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 100–103.

¹⁰ Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002. 640 с.

¹¹ Египетская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. 592 с.

- ¹² Египетская книга мертвых. М.: Фолио, 2013. 288 с.
- ¹³ Язык поэзии // Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. С. 56–101.
- ¹⁴ Речи Гриммира // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 35–41.
- ¹⁵ Видение Гюльви // Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. С. 13–56.
- ¹⁶ Речи Высокого // Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. С. 16–30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров А. Возникновение бога. Как это было или как могло бы быть иначе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Zakharov_6.phtml (дата обращения 12.11.2015).
2. Королева О. А. Демифологизация в художественном пространстве романа Т. Пратчетта «Пирамиды» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. Вып. 1 (2). С. 118–121.
3. Лозовик Е. В. Миф и сказка в творчестве Нила Геймана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=140> (дата обращения 12.11.2015).
4. Меньшикова М. К. Античный код в мифопоэтической системе Фридриха Гёльдерлина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. Вып. 1 (2). С. 162–165.
5. Минаков Г. М. О возникновении феномена духовности с точки зрения единой науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chestisvet.ru/?id=71#r1> (дата обращения 15.11.2015).
6. Наумчик О. С. Игра с мифологическими образами как структурообразующий принцип романа И. Кальвино «Замок скрестившихся судеб» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. Вып. 6. С. 222–226.
7. Невский Б. Фантасты: современники. Нил Гейман // Мир фантастики и фэнтези. 2007. № 50 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2257.htm> (дата обращения 10.11.2015).
8. Шарыпина Т. А. Своеобразие мифотворчества в художественном мире Ганса Эриха Носсака // Новые гуманитарные исследования. 2012. № 7. С. 8.

Naumchik O. S., Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(N. Novgorod, Russian Federation)

PRINCIPLES OF MYTHOLOGIZING IN NEIL GAIMAN'S NOVEL "AMERICAN GODS"

The article discusses a novel by Neil Gaiman "American Gods" from the stand point of rethinking traditional mythological images. The aim of the work is to reveal the writer's interpretation of the essence of Norse, Egyptian, African, and Celtic gods and deities of other cultural traditions. To identify existing parallels between the novel and traditional mythological personalities the method of comparative-historical analysis was used. The article emphasizes that Neil Gaiman in his works followed an established mythological tradition in creating images of American gods. This practice is especially evident when we turn to the image of Wednesday that corresponds with the image of Scandinavian Odin. The article examines the theme of the struggle between the old and the new gods – gods born by modern civilization. The concept of birth and existence of mythological ideas about gods is also considered. It is concluded that, firstly, Neil Gaiman used a postmodern principle of quoting to complicate the structure of the artwork, and secondly, addressing the problem of gods' existence in the modern world, the writer poses a question on peculiarities of American worldview.

Key words: Neil Gaiman, myth, mythology, fantasy, postmodernism, quoting, gods

REFERENCES

1. Zakharov A. *Vozniknovenie boga. Kak eto bylo ili kak moglo by byt' inache* [The appearance of God. How was it or how could it be otherwise]. Available at: http://www.atheism.ru/library/Zakharov_6.phtml (accessed 12.11.2015).
2. Koroleva O. A. Demythologization in the novel by T. Pratchett "Pyramids" [Demifologizatsiya v khudozhestvennom prostranstve romana T. Pratchetta "Piramydy"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2012. Issue 1 (2). P. 118–121.
3. Lozovik E. V. *Mif i skazka v tvorchestve Nila Geymana* [Myth and fairy tale in the works of Neil Gaiman]. Available at: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=140> (accessed 12.11.2015).
4. Men'shchikova M. K. Antique code in the mythopoetic system of Friedrich Hölderlin [Antichnyy kod v mifopoeticheskoy sisteme Fridrikha Gel'derlina]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2012. Issue 1 (2). P. 162–165.
5. Minakov G. M. *O vozniknovenii fenomena dukhovnosti s tochki zreniya edinoy nauki* [On the emergence of the phenomenon of spirituality from the perspective of a unified science]. Available at: <http://www.chestisvet.ru/?id=71#r1> (accessed 15.11.2015).
6. Naumchik O. S. Game with mythological images as a construction principle of I. Calvino's novel "The castle of crossed destinies" [Igra s mifologicheskimi obrazami kak strukturoobrazuyushchiy printsip romana I. Kal'vino "Zamok skrestivshikh-sya sudeb"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2014. Issue. 6. P. 222–226.
7. Nevskiy B. Fiction: contemporaries. Neil Gaiman [Fantasy: sovremenniki. Nil Geyman]. *Mir fantastiki i fentezi*. 2007. № 50. Available at: <http://www.mirf.ru/Articles/art2257.htm> (accessed 10.11.2015).
8. Sharypina T. A. The originality myth-making in the art world Hans Erich Naussac [Svoeobrazie mifotvorchestva v khudozhestvennom mire Gansa Erikha Nossaka]. *Novye humanitarnye issledovaniya*. 2012. № 7. P. 8.

Поступила в редакцию 29.02.2016

АНТОН ВИКТОРОВИЧ ХРАМЫХ

кандидат филологических наук, специалист Web-лаборатории филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
prestopz@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. ПЛАТОНОВА 1918–1920 ГОДОВ*

Публикация посвящена формированию музыкального тезауруса воронежской публицистики А. Платонова. Актуальность данной проблемы обусловлена недостаточной изученностью музыкальных контекстов ранней публицистики писателя. Материал исследования – ранние статьи А. Платонова: «К начинающим пролетарским поэтам и писателям», «Об искусстве (из дневника)», «Вечер комсожура», «Революция духа», «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» и др. Концепты «музыка» и «песня» рассматриваются в контексте романтической и символистской эстетики, а также эстетики Пролеткульта. Цель исследования – анализ семантического поля концептов «музыка» и «песня». Изучение статьи «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» показало сложное смысловое наполнение темы «музыки космоса», которое восходит как к античным, так и пролеткультовским идеям о музыке, нашедшим отражение в статьях А. Луначарского. Исследование статьи «Вечер комсожура» позволило ввести в научный оборот ранее неизвестные смысловые параллели с оперой Верди «Трубадур».

Ключевые слова: А. Платонов, поэтика А. Платонова, публицистика, взаимодействие литературы и музыки

Среди произведений А. Платонова воронежского периода значительное место занимает публицистика. Разрабатывая ту или иную философскую идею, Платонов оперировал понятиями, вокруг которых с начала века шли оживленные дискуссии [3: 313]. В художественно-философский тезаурус Платонова входит и музыка. О музыкальном искусстве размышляли очень многие писатели, философы, мыслители. По словам Гегеля, роль музыки состоит в том, «чтобы заставить сокровенный жизненный процесс раскрыться в звуках или присоединить его к высказанным словам или представлениям» [10: 294]. Подобное восприятие музыки присуще и Платонову. Он ценил романтическую картину мира в произведениях А. Фета и Ф. Тютчева [2: 23]; читал А. Шопенгауэра [4: 34]. Работы Шопенгауэра, а также Ф. Ницше сыграли большую роль в формировании музыкально-эстетической концепции русских символистов [1]. Некоторые ее позиции были восприняты А. Платоновым через сочинения А. Блока и А. Белого [5: 92].

В публицистике Платонова 1918–1920 годов особую роль играют концепты «музыка» и «песня». Цель исследования – изучить семантическое поле концептов «музыка» и «песня». Задачи – выделить лексемы, за счет которых происходит вербализация концептов «музыка» и «песня», описав их семантическое поле, показать восприятие писателем различных идей о музыке. Кроме того, необходимо выявить собственные представления А. Платонова о данном виде искусства, а также роли принципа музыкальности в словесном искусстве.

Лексема «музыка» впервые появляется в одной из дебютных публикаций Платонова – статье «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (1919)¹. Ее открывают пассажи о пролетарском искусстве, где содержится негативная оценка буржуазного искусства, а создателем пролетарских шедевров позиционируется «гармоничный, организованный коллектив». С новым искусством неразрывно связана тема мировой гармонии: «Низкое, пошлое, злое, мелкое, враждебное жизни не будет иметь место в пролетарском общечеловеческом искусстве. Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы с мраком и встречающимися слепыми силами» [8: 9].

Отождествление понятий «искусство» и «музыка» восходит к первобытному, синкретичному искусству. Если же исходить из реалий пореволюционной культурной жизни, то присутствие формулы «искусство есть музыка» обусловлено ее значимой ролью как в процессе «подготовки» Октябрьской революции², так и в деле строительства советской культуры. Немаловажно, что идея революционной борьбы имела в культуре того времени и музыкальные коннотации. Для идеологов Октябрьской революции были чрезвычайно актуальны произведения Бетховена, в которых гениально изображены психологические картины борьбы³. Называя пролетарское искусство «факелом, прожигающим недра тайн», Платонов тем самым воспринимает его как мощное средство познания мира. Гносеологическая функция, которую фиксирует мотив борьбы с тайной, присуща, по Платонову, и музыке.

Мотив музыки космоса отсылает к античной идее «музыки мунданы» или гармонии сфер, согласно которой земная музыка есть отражение мировой музыки [6: 45]. Данная музыкально-эстетическая концепция получила активную разработку в европейском искусстве, в том числе в некоторых музыкально-эстетических концепциях XX века [6: 47]. Одна из них – социология музыки, приверженцем которой являлся А. Луначарский. В статье «Музыка и революция» (1926) А. Луначарский, развивая мысль А. Блока о сущностном, глубинном родстве музыки и революции, делает замечание, которое поясняет смысл платоновской характеристики пролетарского искусства как музыки всего космоса. Отталкиваясь от античной идеи о связи музыки небесной и земной, критик пишет, что «музыка родственна, с одной стороны, космосу, а с другой – человеческому обществу, человеческой натуре»⁴. Из его построений следует, что и музыка, и общество стремятся к одному и тому же – к обретению состояния гармонии. Революция же является процессом разрешения социальных противоречий и тем самым уподобляется музыке, где диссонанс, по Луначарскому, обязательно должен разрешиться в консонанс. Платонов, совпадая с музыкально-эстетическими построениями Луначарского, переворачивает античную идею о происхождении земной музыки и заявляет, что пролетарское искусство примет характер высшей гармонии, которая должна преобразить мир, находящийся в состоянии хаоса.

В статье «Революция духа» (1921) смысловое наполнение лексемы «музыка» демонстрирует способность Платонова доводить ту или иную идею до «абсолюта». В начале данной публикации писатель не признает такого понятия, как «дух», однако далее подчеркивает, что пролетариат «беден» духом, «неразвит, беден мыслью и мало способен к свободному творчеству». Рассуждения о «нищих духом» рабочих продолжают сходная оценка пролетарского искусства: «...коммунистическое искусство будет тогда, когда коммунизм станет явлением, твердой, видимой вещью... раз коммунизма как четкого, ясного явления еще нет, то дурак только говорит, что у нас есть уже коммунистическое искусство» [8: 171]. Появление такой критически заостренной характеристики обусловлено историческим контекстом – ужасающей своими последствиями засухой 1921 года, которая заставила писателя более трезво взглянуть на вопрос об эффективности революционных преобразований [9: 356].

Убежденный в необходимости осуществления в России кардинальных научно-технических преобразований, Платонов размышляет о том, что есть источник вдохновения для пролетариев, героический труд которых воспринимается автором как деятельность жизнетворческая. В этих рассуждениях лексема «музыка» лишена концептуального содержания: «Вгоните в облака сооружения из рельсов, бетона и стекла, напол-

ните их машинами, разумнее человека... и тогда не нужна будет музыка; гром и ритм пульсирующих раскаленных машин волнуют и вдохновляют нас больше, чем тысячи гениев звука» [8: 173]. Говоря о том, что в будущем искусство музыки будет поглощено творческим производственным трудом, писатель возвращается к высказанной в программной статье «Культура пролетариата» (1920) идее отрицания искусства.

Лексема «песня» впервые возникает в статье «К начинающим пролетарским поэтам и писателям». Однако в заметке «Об искусстве (из дневника)» (1919) употреблено понятие «гимн», синонимичное «песне»: «Искусство – это жизнь разума, замкнутая в себе самой, в своей колыхающейся бездне... и потому искусство – такая бесконечная радость, такой гимн восторга под склонившимися небесами» [8: 7]. Слово «гимн» включено в метафорическую формулу «искусство... гимн восторга», которая входит в развернутое определение понятия «искусство», одного из ключевых понятий данной заметки, равно как и всей ранней публицистики Платонова в целом.

Смысловое наполнение понятия «гимн» претерпевало изменения в процессе исторического развития. Как жанр гимн получил широкое развитие в Древней Греции, а затем в христианской культуре. Нередко значение гимна приобретали песни, которые возникали в процессе революционной борьбы, прославляли какую-либо идею или значительное историческое событие. Смыслы, которыми в статье наполняется лексема «гимн», корреспондируют с ее историко-культурной семантикой. Соединение музыкальной лексемы с образом торжествующего разума созвучно лейтмотиву рационального преобразования мира, который актуализируется во многих стихотворениях поэтов Пролеткульта. Образ «склонившихся небес» фиксирует идею покорения природы человеком, идею, являющуюся предметом рассмотрения во многих ранних статьях Платонова. Вектор трансформации жанра (от песен культового характера – к революционным песням, ставшим эмблемами той или иной политической программы) совпадает со спецификой поэтики Пролеткульта, в которой имеет место соединение библейской символики и религиозной патетики. Сочетание образа разума с мотивом гимна предваряет именование пролетарского искусства как «музыки всего космоса» в статье «К начинающим пролетарским поэтам и писателям». Прослеживается антитеза античной формулы «музыка космоса»: разум человека должен восторжествовать над безумием природы.

В статье «Об искусстве (из дневника)» имеет место актуализация романтического художественного кода, музыкально-эстетические элементы которого прочитываются в платоновской публицистике. Основной идейный источник данной статьи – «наследие В. Вакенродера – Л. Тика», сосредоточенное в книге «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного» [7: 23]. Подзаголовок статьи отражает весьма

распространенный в среде представителей раннего немецкого романтизма жанр высказывания. Речь идет о жанровой форме дневника, которая была необходима романтикам, чтобы подчеркнуть личный, интимный характер своих размышлений, где нередко шел разговор и о музыке.

В статье «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» появление лексемы «песня» предваряет характерная для пролетарской эстетики критика искусства буржуазии. Рассуждая о «старом» искусстве, писатель отвергает его этическое наполнение, совпадая со взглядами представителей социологического направления в эстетике. «Искусственное искусство» прошлого – результат «единичного творчества», а его создатели и потребители – представители интеллектуальной и культурной элиты, поэтому оно не способно выявить «идею прекрасного, присущего всем людям». Воплотить в жизнь эту идею способно «новое», пролетарское искусство, содержание которого безупречно в этическом плане [8: 8], создается гармонично организованным коллективом. В воронежских статьях А. Платонова неоднократно встречаются рассуждения о пролетарском искусстве как результате духовной активности творца-коллектива. Однако в то же время писатель часто обращается к традиционной, индивидуальной форме творчества, упоминая имена культурных героев прошлого и настоящего, что свидетельствует о его противоречивом понимании модели «нового», пролетарского искусства.

А. Луначарский, принимавший участие в разработке философии коллективизма, полагал, что «проективным идеалом для пролетарской культуры в мировой культуре» являются мифы народов мира и художники масштаба Гомера и Эсхила. По Луначарскому, «Гомеры, Эсхилы, Архилохи», гении античности есть «великие выразители» художественного творчества «больших масс»⁵.

Платонов позиционирует первобытное искусство как предтечу коллективного творчества пролетариата: «Творчество, художественное творчество, в древнейшее время чудной юности человечества было плодом художника без имени – всего народа, племени, рода, семьи. Солнце, буря, звезды, леса в молчании, пустыни равнин, шум весенних потоков... отражались в непосредственной искренней натуре того человека в стихийных, бессознательных чувствах, и эти чувства он выливал в песни, в бречанье зажатой в зубы и колена струны...» [8: 10]. В искусствознании есть распространенное мнение, что первобытному искусству был присущ «художественный синкретизм»⁶. Платонов, рассуждая о деятельности «художника без имени», говорит именно о зарождении музыкального искусства, четырежды употребляя лексему «песня».

Писатель варьирует высказанную в заметке «Об искусстве (из дневника)» мысль о том, что искусство есть деятельность, которая имеет место во время отдохновения от «пламенного, по-

стигательного труда разума» [8: 7]. Возможно, поэтому творчество древних людей квалифицируется как бессознательное. В следующих далее трех распространенных предложениях писатель реконструирует содержание песен древних людей, а также принцип (механизм) их создания. Первое из них содержит существительные, которые в совокупности создают образ природы, окружавшей наших предков. Этот образ содержит и звуковые элементы. Сказуемое «отражались» синонимично в этой синтаксической конструкции глаголу «слушать», вследствие чего в подтексте возникает очень важный для платоновской гносеологии мотив слушания мира.

Показательно и употребление прилагательных «стихийный» и «бессознательный» при характеристике эмоций, которые возникали у «художника без имени» при созерцании картин природы. Прилагательное «стихийный», образованное от слова «стихия», подчеркивает тесную связь первобытного творца с природой. Искусство первобытных людей было результатом восприятия окружавшей их «гигантской флоры и фауны»⁷. Прилагательные «стихийный» и «бессознательный» семантически связаны и с описанием того, как «музицировал» древний человек. Образ стихийных и бессознательных песен прошлого связан отношениями синонимии и антонимии с образом пролетарского искусства будущего, описание которого предваряет разговор о первобытном искусстве. С одной стороны, искусство пролетариата, отождествленное с музыкой, предстает в этом описании как деятельность, которая имеет стихийное начало, что подтверждается введением мотива пламени. В то же время во многих воронежских статьях Платонова преобразование мира и борьба с врагом-природой мыслится как деятельность, осуществляемая не за счет интуиции, а посредством титанических усилий сознания.

В следующем предложении писатель конкретизирует палитру чувств, которые древний художник выражал через свои песни: это скорбь, тоска, «тихая радость». Характер этих эмоций, подобно настроениям, изображенным в русских народных песнях, обусловлен тем или иным состоянием природы. Говоря о песнях, которые были проявлением эмоций, вызванных смертельно опасными явлениями природы, Платонов употребляет такой музыкальный термин, как «мелодия». При этом лексема «мелодия» не употребляется Платоновым в характеристиках революционного времени.

В последнем предложении лексема «песня» наполняется принципиально иным содержанием. Оно представляет собой не просто «лирическое» выражение эмоций, но и результат размышлений древних певцов о людях, выделявшихся из коллектива своими личностными качествами [8: 10–11]. Можно предположить, что к этой категории отнесен и сам безымянный сказитель. Такого рода «художники без имени», в творческом акте которых слово было неразрывно связано с музыкой,

с неким наигрышем, аккомпанементом, к примеру, на струнном инструменте, и являлись трансляторами «сказаний о героях», «былин», «полузабытых преданий», «религиозных мифов». Два типа объектов повествования в этих фольклорных эпических сочинениях выражают две противоположные разновидности отношений человека и мира, которые подвергаются художественному анализу в произведениях Платонова. В сознании молодого Платонова стремление к практической деятельности в качестве инженера-мелиоратора сосуществовало с потребностью заниматься созерцательным делом – литературой.

В статье «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» (1921) лексема «песня» проходит через всю цепочку платоновских рассуждений. Статья открывается размышлениями о некрасовском восприятии русских народных песен, отсылка к которому происходит через цитату из стихотворения «Размышления у парадного подъезда»: «Русский народ настолько велик и человек, что не плакал сам от боли, и за него, за всех мужиков, заплакал Некрасов. Он говорил, что народ свой стон на Волге назвал песней... И горе, и смерть – для народа только песня, а песня всегда радость» [8: 178]. Таким образом, поэт предстает как своего рода транслятор того горя, которое носит в своей «душе» народ. В цитированной характеристике контрапунктически сочетаются противоположные по семантике компоненты: мотив народного «безмолвия», немоты и в подтексте отсылка к фольклорно-песенному контексту.

Далее в статье говорится об известной исполнительнице русских народных песен Е. Щербиной-Башариной, исполнившей «Коробушку» – отрывок из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники», ставший народной песней. В завершении статьи Платонов высказывает мысль о переходе от «старых» песен к «новым». Фиксация перехода от «старых» песен к «новым» лишена критики «старых» песен: «Но нам дороги матери, Волга, песни и тысячелетняя незабытая тоска» [8: 178]. Искусство прошлого воспринимается Платоновым как источник вдохновения для созидания «нового» искусства. Здесь также введен образ поэта-певца машины, обладающий утопическими коннотациями. Мотив тоски, которую Платонов слышит в жизнетворческой деятельности поэта современности, завершает статью.

Один из самых ярких случаев употребления лексемы «певец» находим в статье «Вечер комсожура» (1920). Данный концерт был организован в помощь Красной армии и состоялся в зале Воронежской консерватории. Вечер имел большую программу, однако в статье Платонова внимание сфокусировано лишь на двух номерах: литературно-музыкальном (выступление артиста Захарчука) и музыкальном (выступление пианиста Романовского).

В первой части статьи автор говорит о выступлении товарища Захарчука, прочитавшего отрывок из «Трубадура», посвященный певцу, который «сильнее королей и богаче бога жизнью».

В примечаниях к статьям 1918–1926 годов не конкретизируется ни жанр исполненного Захарчуком сочинения, ни имя его создателя. К. Бальмонту принадлежит одноименное стихотворение, где лирический герой, трубадур, признается в любви к некоей даме. Однако, с нашей точки зрения, в статье Платонова речь идет об опере «Трубадур» Д. Верди. Как следует из выпусков «Воронежской коммуны» за 1920 год, в этом городе регулярно исполнялись оперы русских и зарубежных композиторов. Среди прочих звучали такие оперы Верди, как «Травиата» и «Риголетто». Нам не удалось выяснить, ставился ли в то время не менее знаменитый «Трубадур» (1853), однако для революционного времени актуальность этой оперы была несомненной. Интерес жителей города, перенесшего нападение белогвардейцев, к сочинениям этого художника мог быть вызван и революционными (с точки зрения советского критика) реалиями его биографии⁸.

Либретто «Трубадура» основывается на одноименной драме А. Гутьерреса, где говорится о гражданской войне в Испании XV века. Главный герой, трубадур Манрико, был сторонником одного из претендентов на престол графа Урхельского, который опирался «на демократические слои населения и народные низы» и боролся с другим аристократом – графом ди Луной⁹. Слова Платонова о том, что трубадур «сильнее королей», цитата одной из реплик Манрико, отражают социальный конфликт, обозначенный в опере. Другая характеристика, «богаче бога жизнью», перекликается с тем ее эпизодом, где Манрико похищает свою возлюбленную из монастыря. Присутствие в этом определении мотива превосходства человека над Богом вызвано и размышлениями писателя над нищенским образом сверхчеловека. Соединение писателем слов «бог» и «богаче», родственных этимологически, но разошедшихся по своей культурной семантике, образует ассонанс, что позволяет говорить о музыкальном принципе организации в построении данного словосочетания.

Платонов описывает впечатления от выступления Захарчука: «Товарищ прочел с огромным открытым чувством и всех убедил, что выше певца нет существа на земле» [8: 110]. Эта характеристика перекликается с романтическими представлениями о художнике-творце. Образ художника как высшего существа антитетичен по своей семантике высказываниям в ряде других платоновских статей. В статье «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик» (1920) писатель, ставя выше человека-художника человека реального труда, заявляет в духе авангардной эстетики: «Может быть, было время, когда мир держали и украшали Пушкины, Бетховены, Толстые, Шаляпины, Скрябины. Теперь держат мир и сами живут его лучшими цветами – Неведровы, Климентовы и Андриановы» [8: 105]. Отрицая роль «старого» искусства в «новой» жизни и перечисляя выдающихся художников прошлого, Платонов называет имена трех музыкантов.

Культурным нигилизмом пролетарской эстетики обусловлена и общая характеристика данного вечера: «В большей своей части вечер прошел изыщно и не пах пошлостью» [8: 110]. Употребление существительного «пошлость» вызвано и воспоминаниями о концерте, который прошел в тех же стенах 21 июля 1920 года и был посвящен в том числе творчеству поэта-символиста И. Северянина. В заметке «Белые духом» (1920), вызвавшей дискуссию в местных литературных кругах, писатель крайне негативно высказался об этом событии, назвав И. Северянина «духовным убожеством» буржуазии [8: 57].

В подтексте статьи «Вечер комсомола» актуализирована очень существенная для поэтики Платонова проблема взаимодействия литературы и музыки, равно как и вопрос о музыкальных принципах организации литературного произведения. Подобно многим литераторам символизма, Северянин стремился приблизить свое поэтическое слово к музыке и дал несколькими своим стихотворениям «музыкальные» названия.

Повествуя о таком творческом акте и апеллируя в подтексте статьи к опере Верди «Трубадур», Платонов расширяет смысловое поле образа певца. Непосредственно выступление Захарчука является персонифицированным словом о музыке. Музыкальное произведение о певце, где эта лексема вынесена в заглавие, и есть опера Верди. Причем опера как таковая является литературно-музыкальным и синтетическим жанром. Вердиевский «Трубадур» посвящен музыканту Манрико, который не замкнут в своем «виртуальном», художественном мире, а стремится участвовать в историческом процессе и, более того, приносит собственную жизнь на алтарь своих политических идей. Образ творящего историю музыканта, прототипичный Платонову, усилен и спецификой обстоятельств, при которых был «озвучен» фрагмент из «Трубадура». Захарчук исполнял его, участвуя в концерте, организованном с целью сбора средств для поддержки Красной армии, сражавшейся на фронтах Гражданской войны.

В искусствознании есть позиция, что убедительность и художественный эффект того или иного исполнения зависят от того, сколь сильно исполнитель вживается в «предлагаемые обстоятельства» (К. Станиславский), в тот образ, который ему необходимо передать. Слова Платонова об «огромном и открытом чувстве», с которым выступал Захарчук, а также использованный им глагол «убедил» свидетельствуют о том, что Захарчук глубоко вжился в романтический образ героя-трубадура, тем самым активизировав связь революционного настоящего с историческими реалиями, отраженными в опере Верди.

Во второй части статьи Платонов рассказывает об исполнении профессором Романовским произведений Шуберта и Рахманинова. Писатель очень высоко оценивает технический аспект игры пианиста, говоря о его величии как «равнодушного

мастера». Тем самым в смысловое поле образа музыканта попадает чрезвычайно значимый для писателя мотив мастерства. В то же время писатель отрицает значимость идейного содержания сочинений величайших мастеров «буржуазного» искусства, которые прозвучали в исполнении Романовского: «Пианист т. Романовский сыграл несколько серьезных, но старых, буржуазных вещей. Но от музыки только тогда может человек быть счастливым, когда он звуки свободно переводит в отчетливые, чистые мысли. В вещах, которые играл Романовский, этого нельзя было сделать: слишком изощрены, сложны и “тонки” были идеи произведений» [8: 110]. Платонов тем самым подчеркивает, что миссия музыки состоит в том, чтобы сделать человека счастливым не в эмоциональном, а в рациональном ключе, варьируя свое определение искусства из одноименной статьи 1918 года. «В музыке Шуберта и Рахманинова выражено не стремление познающей мысли, а усталость сознания, смерч безумия и бредовые искания», — отмечает писатель далее [8: 110]. Говоря об «усталости сознания», Платонов полагает, что произведения этих великих композиторов отражали их стремления уйти внутрь себя от внешнего мира, отстраниться от художественного решения социальных проблем.

Таким образом, музыка в данной статье прочитывается в контексте идей жизнестроительства. Противоречия пролетарской концепции коллективного творчества, Платонов выдвигает в качестве идеальной модели человека будущего художника-музыканта — личность в ее единичной, индивидуальной реализации. Этот человек, художник будущего, позиционируется как музыкант, то есть по своей природе наделен чутким слухом, посредством которого и связан с миром, а также обладает знанием духовной культуры прошлого, ведь музыка есть искусство, требующее знания, владения техникой и исполнительским опытом, передающимися из поколения в поколение. Искусство, и в особенности музыкальное искусство, не терпит нигилизма.

Анализ музыкальной концептосферы воронежской публицистики Платонова показал чрезвычайно важное смысловое наполнение концепта «музыка». Этот концепт вербализуется за счет ряда музыкальных лексем, которые имеют как абстрактно-метафорическое, так и буквальное смысловое наполнение. Музыкальная концептосфера воронежской публицистики Платонова включает в себя выдающихся деятелей музыкальной культуры прошлого и современных писателей, авторскую интерпретацию их творчества, что свидетельствует о значительной осведомленности писателя в различных аспектах музыкальной культуры, о его пристальном внимании к музыкальным формам выражения и взаимодействия человека и мира. Анализ музыкальной концептосферы важен для более углубленного понимания художественной философии писателя.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Концепция музыки в русской литературе 1910-х годов» № 16-34-01075.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Платонов А. П. Сочинения. М., 2004. Т. I. Кн. 2. С. 8. Здесь и далее воронежские статьи А. Платонова цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте работы. Даты статей указаны по первой публикации.
- ² Дрейден С. Музыка – революции. М., 1981. С. 210.
- ³ Луначарский А. В. Бетховен и современность // Луначарский А. В. В мире музыки. М.: Сов. композитор, 1958. С. 313.
- ⁴ Луначарский А. В. Музыка и революция // Луначарский А. В. В мире музыки. М.: Сов. композитор, 1958. С. 221.
- ⁵ Луначарский А. В. Мещанство и индивидуализм // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/171199/read#page1> (дата обращения 12.07.2015).
- ⁶ Первобытное искусство // Популярная художественная энциклопедия / Под ред. В. М. Полевого. М.: Сов. энциклопедия, 1986. С. 120.
- ⁷ Гнедич П. П. История искусств с древнейших времен. СПб.: А. Ф. Маркс, 1885. С. 20.
- ⁸ Полякова Л. В. «Трубадур» Дж. Верди. М.: Музыка, 1963. С. 59.
- ⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондаков И. В., Корж Ю. В. Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 176–186.
2. Корниенко Н. В. История текста и биография А. Платонова (1926–1946) // Здесь и Теперь. 1993. № 1. 320 с.
3. Корниенко Н. В. Комментарии // Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. I. Кн. 2. С. 313–316.
4. Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова, 1899–1926. Воронеж, 1994. 288 с.
5. Малыгина Н. М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск, 1985. 145 с.
6. Махов А. Е. Musica literaria: идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 223 с.
7. Перхин В. В. Литературная критика Андрея Платонова. СПб., 1994. 89 с.
8. Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. I. Кн. 2. 512 с.
9. Спиридонова И. А. Христианские и антихристианские тенденции в творчестве А. Платонова 1910–1920-х годов // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. С. 348–361.
10. Тарасов Т. Г. Философия музыки // Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. С. 294–295.

Khramykh A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MUSICAL CONCEPTS IN A. PLATONOV'S PUBLICISM OF 1918–1920s

The publication focuses on formation of A. Platonov's musical thesaurus in his publicistic writing in Voronezh. The musical contexts of the writer's early journalism is not studied sufficiently. The researched material includes early articles of A. Platonov: "To the emerging proletarian poets and writers", "About the art (from the diary)", "Evening of a Komsozhur", "Revolution of the spirit", "Evening of Nekrasov's poetry at a communistic university", etc. Concepts "music" and "song" are considered in the context of a romantic and symbolist esthetics, and also an esthetics of Proletkult. The purpose of the study is to analyze the semantic field of concepts "music" and "song". Study of the article "To the emerging proletarian poets and writers" has shown difficult semantic filling of the subject of "space music" which goes back both to the antique and proletkult ideas about music, that were considered in A. Lunacharsky's articles. The research of the article "Evening of a Komsozhur" has allowed us to introduce some earlier unknown semantic parallels with Verdi's opera "Troubadour" into scientific use.

Key words: A. Platonov, poetics of A. Platonov, publicism, interaction of literature and music

REFERENCES

1. Kondakov I. V., Korzh Yu. V. Nietzsche in Russian culture of the Silver Age [Nitsche v russkoy kul'ture Serebryanogo veka]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2000. № 6. P. 176–186.
2. Kornienko N. V. History of the text and A. Platonov's biography (1926–1946) [Istoriya teksta i biografiya A. Platonova (1926–1946)]. *Zdes' i Teper'*. 1993. № 1. 320 p.
3. Kornienko N. V. Comments [Kommentarii]. *Platonov A. P. Sochineniya*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004. Vol. I. Book 2. P. 313–316.
4. Lasunskiy O. G. *Zhitel' rodного goroda: Voronezhskie gody Andrey a Platonova, 1899–1926* [A resident of his native city: Voronezh years of Andrei Platonov]. Voronezh, 1994. 288 p.
5. Malygina N. M. *Estetika Andrey a Platonova* [The aesthetics of Andrei Platonov]. Irkutsk, 1985. 145 p.
6. Makhov A. E. *Musica literaria: ideya slovesnoy muzyki v evropeyskoy poetike* [Musica literaria: the idea of verbal music in European poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2005. 223 p.
7. Perkhin V. V. *Literaturnaya kritika Andrey a Platonova* [Literary criticism of A. Platonov]. St. Petersburg, 1994. 89 p.
8. Platonov A. P. *Sochineniya* [Works]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004. Vol. 1. Book 2. 512 p.
9. Spiridonova I. A. Christian and anti-Christian tendencies in Andrei Platonov's literary works (1910's–1920's) [Khristianskie i antikhristsianskie tendentsii v tvorchestve A. Platonova 1910–1920-kh godov]. *Problemy istoricheskoy poetiki. Issue 3: Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavosk, PetrGU Publ., 1994. P. 348–361.
10. Tarasov T. G. Philosophy of music [Filosofiya muzyki]. *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, Gardariki Publ., 2006. P. 294–295.

Поступила в редакцию 22.07.2016

ХРОНИКА

■ 24 сентября 2016 года в ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» состоялись Шестые Барышниковские научные чтения.

Тема научных чтений звучала так: «Россия, Финляндия и Скандинавия: проблемы взаимовосприятия». Организаторами выступили Комитет по культуре правительства Ленинградской области, ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» и Институт истории СПбГУ. Чтения носят имя Николая Ивановича Барышникова, видного советского, российского ученого, доктора исторических наук, профессора, явившегося, в сущности, первопроходцем в отечественной науке в вопросе изучения отношений СССР и Финляндии в 1939–1944 годах. Его позиция была очень смелой для своего времени, не всеми историками принята однозначно, тем не менее его вклад в историю российско-финляндских взаимоотношений трудно переоценить. Дело своего отца продолжает Владимир Николаевич Барышников, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ.

Чтения открыл директор Выборгского музея-заповедника В. О. Цой. Выборгский замок к открытию чтений выпустил сборник с тезисами докладов участников форума.

На конференции работало три секции: «Взаимовосприятие в условиях мира», «Взаимовосприятие в условиях войны» и «Взаимовосприятие в науке и культуре». Постоянные участники конференции, видные отечественные ученые, профессора В. Е. Возгрин, П. А. Кротов, Б. С. Жаров, доктор исторических наук В. Т. Мусаев, кандидат исторических наук А. И. Терюков, представили содержательные, интересные доклады, вызвавшие широкое обсуждение. С маститыми учеными успешно соседствовали молодые специалисты, особенно хотелось бы отметить молодых исследователей из СПбГУ. Хотелось бы также выделить докладчиков из музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Ю. Д. Балащенко и Т. П. Бородину и выборгских участни-

ков конференции М. В. Ефимова и Ю. И. Мошник. Новые грани творчества Астрид Линдгрэн раскрыла в своем выступлении докладчица из СПбГУ А. Р. Садомцева. Как всегда, большой интерес вызвал доклад профессора В. Н. Барышникова (СПбГУ), посвященный роли финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 года. В докладе убедительно показано, насколько сильна и подготовлена была финская сторона к ведению радиоразведывательных операций, перехвату и дешифровке радиogramм, чем во многом объяснялись неудачи советских войск в Выборгской операции.

География участников конференции включала различные научные и учебные учреждения Санкт-Петербурга, государственный музей-заповедник «Петергоф», музей-усадьбу И. Е. Репина «Пенаты», Выборгский объединенный музей-заповедник. Принимали участие и ученые из Финляндии. Одним из постоянных участников чтений стал профессор ПетрГУ С. Г. Веригин. Выступая на пленарном заседании, он сделал интересный доклад по недавно рассекреченным документам о положении советских военнопленных в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьего района Карелии в 1941–1944 годах. Впервые в отечественной исторической науке объектом столь тщательного исследования стал район Медвежьегорска во время войны.

Подводя итоги конференции, В. Н. Барышников поблагодарил всех участников встречи, а также руководство и сотрудников Выборгского музея. В заключительном слове одна из организаторов конференции, ученый секретарь Выборгского объединенного музея-заповедника Ю. И. Мошник выразила надежду, что научные форумы в Выборге будут продолжены, а ученые, работающие над смежными темами, будут объединяться и помогать друг другу – ведь важен, в конечном итоге, результат.

*Т. К. Михалкова,
член Союза журналистов Санкт-Петербурга
и Ленинградской области
v51@printsburg.ru*

■ 26–28 сентября 2016 года в Мурманском арктическом государственном университете проходила межрегиональная научная конференция «Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 100-летию юбилею города-героя Мурманска.

Участие в конференции приняли ученые из Архангельска, Москвы, Мурманска, Петрозавод-

ска, Санкт-Петербурга, а также исследователи из Тромсё и Сёрварангера (Норвегия) и Содертона

(Швеция). В рамках работы конференции было организовано четыре секции. Секция «Мурманск в контексте российской истории XX века» была посвящена как этапам истории города, так и его роли в ключевых событиях минувшего столетия. Секция «Россия в Евро-Арктическом регионе: освоение и историческая память, транспортные коммуникации, социально-экономические отношения» отразила широкий круг вопросов, связанных с историей Мурмана от древности и средневековья до настоящего времени. Вопросы истории международных отношений на Крайнем Севере Европейской России обсуждались в рамках секции «Мурман и Российская Арктика в системе международного сотрудничества». Роль научных учреждений и отдельных ученых

в исследовании Евро-Арктического региона была рассмотрена на заседании секции «Региональные научные сообщества в изучении Мурмана и Российской Арктики», приуроченной к 95-летию со дня рождения выдающегося историка Европейского Севера России И. Ф. Ушакова.

В программу конференции были включены заочные выступления, также отразившие различные аспекты заявленных проблем.

Проведение конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Мурманской области (проект № 16-11-51501 г(р)).

Представленные на конференции доклады войдут в сборник научных статей, который планируется выпустить до конца текущего года.

*С. А. Никонов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и права социально-гуманитарного института
Мурманского арктического государственного
университета
snikonov-77@mail.ru*

■ 7–9 ноября 2016 года на базе Костромского государственного университета прошла международная научная конференция «Третьи Громовские чтения. Живое народное слово и костромской край».

Конференция состоялась под эгидой Института лингвистических исследований РАН и при содействии РОО «Костромское землячество в Москве». Громовские чтения учреждены в честь известного костромского краеведа Александра Вячеславовича Громова (1922–2012), учителя, фольклориста и лексикографа, которого заслуженно называют «костромским Далем». Участниками чтений стали краеведы и ученые из Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Иванова, Ижевска, Кирова, Костромы, Махачкалы, Москвы, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Орла, Пензы, Перми, Петрозаводска, Пскова, Самары, Саранска, Смоленска, Ставрополя, Сыктывкара, Твери, Тулы, Ульяновска, Уфы, Шуи, Ярославля, Белоруссии, Украины, Приднестровья, Польши, Израиля. «Громовские чтения как проект, направленный на воспитание уважительного отношения к диалектам, их сохранение, на поднятие престижа родного языка и привлечение внимания общественности к диалектологии – экологически значимой составляющей русской культуры, особо актуален сейчас, когда исчезают многие российские деревни, а вместе с ними

и народные говоры. Надеемся, что и в дальнейшем это начинание будет всесторонне и всемерно поддержано и научным сообществом, и костромичами, и нашими земляками, не потерявшими связь с родным краем», – подчеркнула значимость конференции председатель оргкомитета, профессор, доктор филологических наук Н. С. Ганцовская.

Петрозаводский государственный университет был представлен докладами преподавателей кафедры русского языка, кандидатами филологических наук Л. П. Михайловой и Е. Р. Гусевой и стендовыми докладами И. А. Кюршуновой и О. В. Чернякова, В. А. Новосёловой, А. В. Приображенского, Е. А. Мухиной. На одной из секций выступила учитель из СОШ № 20 г. Петрозаводска Е. А. Илгунова и автор недавно вышедшей книги «Како время – така жизнь», написанной на прионежском диалекте, Г. В. Маслова (Петрозаводск). Она же участник хора русской песни «Питарицы» – народного коллектива самодеятельного художественного творчества Карелии, представители которого выступили на открытии чтений.

*Е. Р. Гусева, Л. П. Михайлова
kafrus@petrsu.ru*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен с 1 декабря 2015 года в новый Перечень ВАК по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37987 выдано 2 ноября 2009 г.).

Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования с 2008 года, информация об опубликованных научных статьях предоставляется в течение недели после даты выхода очередного номера. Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN 1998-5053 (Print). Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» и в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.). Архив журнала передается в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещается на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru, а также в «Университетской библиотеке онлайн» (<http://biblioclub.ru>); в открытой научной электронной библиотеке «CYBERLENINKA» и размещается по адресу: cyberleninka.ru.

Доставка обязательных экземпляров журнала в Российскую книжную палату (16 экз.) и Книжную палату Республики Карелия (3 экз.) осуществляется с 2008 года.

В 2009 году заключен договор с ОАО «Агентство “Роспечать”» на подписку по каталогу «Издания органов научно-технической информации», подписной индекс – 66094.

Журнал бесплатно рассылается более чем в 30 российских вузов и за рубеж: в Национальную библиотеку Конгресса США, в библиотеки университетов Финляндии, Западно-Саксонского университета прикладных наук в Цвиккау (Германия), Института исследований Восточной и Юго-Восточной Европы (Регенсбург, Германия), Тартуский университет (Эстония), Харьковский университет (Украина) и Белорусский ГУ (Минск).

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Все публикуемые научные статьи имеют аннотацию и ключевые слова как на русском, так и на английском языке, библиографические списки и References, оформленные в соответствии с правилами журнала.

Статьи принимаются в течение года. Публикация статей бесплатная.

Все поступающие в редакционную коллегия рукописи после регистрации проходят этап обязательного конфиденциального рецензирования.

Приглашаем к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и студентов Петрозаводского государственного университета, а также других вузов и научных учреждений Карелии, России и зарубежных стран. Мы будем рады разместить ваши материалы на страницах журнала!

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Voronin A. V., Nikonov S. A.

ARTEL AND POKRUT OF MURMANSK FISHERY IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN RESEARCHERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY 7

Yurkin I. N.

“FOR MANY YEARS I WAS ENGAGED IN EXPEDITIONS SEARCHING FOR DIFFERENT METALS...” (SOME MORE DETAILS ABOUT CONTACTS OF IOHANN FRIEDRICH BLÜHER WITH OLONETS REGION) 13

Kolesnik A. V.

NEW THOUGHTS ON OLD COLLECTIONS: NOSOVO I SITE AT THE NORTHERN AZOV SEA LITTORAL 18

Slavnitskiy N. R.

FRENCH AND GERMAN ENGINEERS IN FORTRESS FORTIFICATIONS OF NORTHWESTERN RUSSIA IN THE FIRST YEARS OF THE XVIII CENTURY 25

Suvorov Yu. V.

F. LASSALLE AND THE NATIONAL QUESTION ... 28

Filimonchik S. N.

FORMATION OF PROFESSIONAL MUSICAL ART IN SOVIET KARELIA IN THE 1930s 33

Kuzyaeva S. A.

MILITARY INTELLIGENCE ON KARELIAN FRONT EVENTS IN SPRING OF 1942 38

Ruslanov E. V.

LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE SYSTEM OF OXBOW LAKES OF BEREGOVSKY ARCHAEOLOGICAL DISTRICT (BASHKIR CISURALS) 45

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ermakova E. N., Prokopova M. V.

PHRASEOLOGICAL OCCASIONALISMS: THEIR TEXT FUNCTIONS AND WAYS OF FORMATION ... 51

Matevosyan L. B.

THE MEANING OF UTTERANCE IN THE CONTEXT'S “COBWEB” 56

Kyurshunova I. A.

ON SEMANTICS OF ANTHROPOLOGY (CASE STUDY OF KARELIAN WRITTEN MONUMENTS OF THE XV–XVII CENTURIES) 62

Tverdokhlebov O. G.

PERSONAL PROPER NAMES' RHYME SCHEMES IN RUSSIAN PROVERBS (PREMEDITATED RHYMES, GRAMMATICAL FEATURES AND PATTERNS OF PROVERBS) 67

Belousov S. S.

OT SLOVA SOVSEM AS A GRAMMATICAL CONSTRUCTION 72

Nikolaeva O. O.

ABOUT THE DYNAMISM OF AUTHOR'S WORLD-IMAGE (A CASE STUDY OF B. SCHLINK'S NOVELS) 78

Pertseva V. G.

COMPILING PRINCIPLES OF ENGLISH DICTIONARIES OF POLITICIANS' LANGUAGE (WITH SPECIAL REFERENCE TO DICTIONARIES OF QUOTATIONS) 82

Gryakalova N. Yu.

“MINERS OF SPIRIT”: RUSSIAN IBSENISM THROUGH THE PRISM OF NORTHERN ART NOUVEAU 88

Balaban A. I., Taymanova T. S.

RUSSIAN LITERARY MAGAZINES OF PARIS: A SHORT VOYAGE OF “THE NEW SHIP” 95

Kunil'skiy A. E.

SOURCES OF ‘VITALISM’ IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY 100

Naumchik O. S.

PRINCIPLES OF MYTHOLOGIZING IN NEIL GAIMAN'S NOVEL “AMERICAN GODS” 105

Khramykh A. V.

MUSICAL CONCEPTS IN A. PLATONOV'S PUBLICISM OF 1918–1920s 109

Scientific information 115

Info for the authors 117